СВЯТОСЛАВ РЫБАС

СТОЛЫПИН
Генерал КУТЕПОВ
Генерал САМСОНОВ

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Книга известного русского писателя С. Рыбаса повествует о жизни и трагической судьбе А. П. Кутепова - знаменитого генерала Белого движения. Участник русско-японской и Первой мировой войн в гражданскую командовал Добровольческим корпусом и армией. Кутепов был похищен агентами НКВД и погиб. Расследование этого похищения - настоящая детективная история.

- Рыбас Святослав Юрьевич
  - Содержание
  - Сказка о русских героях
  - Отречение Николая II. Кутепов - последний защитник Петрова града
  - Кутепов возвращается на фронт. Офицеры - российские новомученики, их распинают на крестах свои же солдаты. Корнилов, Деникин, Каледин - первые "враги" свободы и демократии. Белая идея
  - Ледяной поход - последний подвиг Корнилова. Кутепов становится крупной фигурой. Деникин против Краснова
  - Кутепов на месте убитого Маркова. Военный губернатор, командир бригады, корпуса. На Москву. Новороссийская катастрофа
  - Заговор? Англичане разочарованы. Деникин уходит. Простодушный Кутепов. Врангель находит спасительный шанс. Столыпинские реформы на фоне Гражданской войны
  - Галлиполи - русское государство на берегу Дарданелл
  - Русские в Европе. Болгария испытывает неудобства. Провал кутеповской контрразведки. Будущее России - в тумане. Евразийцы хотят сменить генералов. Операция "Трест"
  - Снова евразийцы. Российский Общевоинский Союз - РОВС. "Племянники" Кутепова. С каждым днем ожидания Россия погружается все глубже. Саморазоблачение "Треста". Поражение Кутепова в борьбе с ГПУ
  - Террор. Снова ГПУ руководит белыми боевиками. Гибель Марии Владиславовны. Голова императора Николая II. Охота на Кутепова
  - Приложения

- Белое движение в России: организационная структура
- Из истории Российской внешней разведки

Рыбас Святослав Юрьевич
Генерал Кутепов

Содержание

Сказка о русских героях

Отречение Николая II. Кутепов - последний защитник Петрова града

Кутепов возвращается на фронт. Офицеры - российские новомученики, их распинают на крестах свои же солдаты. Корнилов, Деникин, Каледин - первые "враги" свободы и демократии. Белая идея

Ледяной поход - последний подвиг Корнилова. Кутепов становится крупной фигурой. Деникин против Краснова

Кутепов на месте убитого Маркова. Военный губернатор, командир бригады, корпуса. На Москву. Новороссийская катастрофа

Заговор? Англичане разочарованы. Деникин уходит. Простодушный Кутепов. Врангель находит спасительный шанс. Столыпинские реформы на фоне Гражданской войны

Галлиполи - русское государство на берегу Дарданелл

Русские в Европе. Болгария испытывает неудобства. Провал кутеповской контрразведки. Будущее России - в тумане. Евразийцы хотят сменить генералов. Операция "Трест"

Снова евразийцы. Российский Общевоинский Союз - РОВС. "Племянники" Кутепова. С каждым днем ожидания Россия погружается все глубже. Саморазоблачение "Треста". Поражение Кутепова в борьбе с ГПУ

Террор. Снова ГПУ руководит белыми боевиками. Гибель Марии Владиславовны. Голова императора Николая II. Охота на Кутепова

Приложения

Сказка о русских героях

В октябре 1919 года в бою под Курском погиб пятнадцатилетний гимназист. Накануне он пришел в штаб Первого армейского корпуса, только что взявшего город, к Кутепову, записываться в добровольцы, и вот через сутки его юная жизнь кончилась. Сколько пало таких пятнадцатилетних русских мальчиков на кровавых нивах? Бог ведает. В январе и феврале восемнадцатого года, в самом начале гражданской войны, под Новочеркасском сражались совсем маленькие, двенадцатилетние кадеты, ростом меньше трехлинейной винтовки, круглоголовые, короткостриженные, в черных мундирчиках с красными лампасами. Потом их, окоченевших, в белых бумажных смертных венчиках вокруг желтых бескровных лбов, отпевали в Новочеркасском Войсковом Соборе, и редких сострадающих, оказавшихся в полупустом храме, озадачивала горькая мысль: почему должны гибнуть дети, когда на Дону столько взрослых мужчин?!

Их было тысячи, их имена канули в Лету, остался только дух, запечатленный в выцветших архивных фотографиях, - например, в снимке 1923 года гимназистов-инвалидов Шуменской русской гимназии в Болгарии: подростки в белых гимнастерках сидят на каком-то низеньком заборе, положив рядом костыли, и со строгой бесхитростной улыбкой глядят на нас из вечности; у одного нет обеих ног ниже колен, у другого на груди крестик на георгиевской ленте, остальные ничем не выделяются, просто одноногие юноши. Что ждет их?

Остался безымянным и курский гимназист. Только известно, что его бедный отец пришел к Кутепову и подарил ему любимую книгу сына - "Рассказы о Суворове".

- Что это? - спросил Кутепов. Отец ответил:

- Пришли вы к нам в Курск, и ушел с вами мой мальчик. А уходя из дому, он попросил мать: мама, если меня убьют, отдай эту книгу генералу Кутепову... И вот я вам принес, исполняя его волю. Это первая книга, которую ему подарила мать.

Казалось, какой там Суворов, когда кругом война и смерть? Разве великая православная держава с ее чудо-богатырями не превратилась в прах?

Но как не понять погруженного в горе отца: ему нужно было найти хоть какое-то оправдание потери, и он нашел его.

Кутепов был поражен. Он запомнил книжку гимназиста на всю жизнь, ибо в ней словно было записано то главное, что делало братьями тридцатисемилетнего генерала и погибшего

мальчика.

Кутепов вспомнил свой любимый образ - Скобелева, которому он хотел подражать с детства. У каждого русского мальчика был свой Суворов, Скобелев или Сергий Радонежский, а за ними - проступал лик Отечества и приходило понимание смысла земного существования.

В. В. Розанов просто заметил: "Обстоятельства нашей истории и климата сказали: "Служи!", - и свел этой формулой как бы на нет необходимость объяснять русский идеализм, национальную психологию с ее жертвенностью в отношении государства. "Служи Отечеству", "За Богом молитва, за царем служба не пропадет", - такие и подобные наставления естественно выражали нравственную атмосферу Российской империи, государства по преимуществу военного. У тогдашних русских, наследниками которых мы можем считать себя достаточно условно, это краткое "Служи!" не вызывало сомнений. Для современной биографии белогвардейца Кутепова такой краткости недостаточно, поэтому углубимся в "обстоятельства климата и истории".

Александр Павлович родился 16 сентября 1882 года в Череповце Новгородской губернии в семье потомственного дворянина, служившего лесничим. Что такое российская уездная жизнь, мы знаем плохо, а если что-то и припомним, то непременно нечто похожее на саркастическую "Историю города Глупова" Салтыкова-Щедрина. А для того, чтобы понять, как русская провинция воспитывала подвижников и работников, надо обращаться к другим источникам. Известно выражение "железного канцлера" Бисмарка, назвавшего школьного учителя творцом побед Пруссии. В России никто не высказывался в таком роде, ибо Россия все же не Запад, где живут по законам; Россия, хотим мы того или не хотим, это Восток, где живут традициями и обычаями. На Западе вряд ли кто-либо принял нашу бесспорную истину, что справедливость выше закона; там, как известно, почитается иная формула, согласно которой пусть скорее рухнет мир, но исполнится закон. В Череповце тоже жили обычаями, поклонялись местному святому Евстафию Синезерскому, погибшему от руки поляков в обстоятельствах, подобных кончине Ивана Сусанина, торговали лесом, сеяли ячмень, рожь, овес, занимались молочным скотоводством, - словом, жили и жили на своей земле, по своему нраву.

А что такое лесничий в северном лесном уезде? Это хозяин, власть и закон. Не случайно Кутепов-старший во времена столыпинской реформы был назначен председателем землеустроительной комиссии. Такие комиссии были сердцем преобразований и решали судьбу страны, помогая

предприимчивым крестьянам свободно выходить со своим земельным наделом из общины. Он, по-видимому, обладал твердым характером и понимал, зачем служит.

За два с половиной месяца до рождения Александра Павловича в Москве скоропостижно скончался герой русско-турецкой войны генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. А родился Скобелев 17 сентября 1843 года. Кутепов же 16 сентября. Совпадения случайные, но в детском возрасте всякая случайность воспринимается как намек судьбы. К тому же образ Белого генерала был почитаем у огромного большинства православных именно за его беспредельно жертвенное служение справедливости. Еще был памятен горячий подъем народного духа в защиту славянства. По всей стране возникали славянские комитеты, жертвовались деньги, звучали требования правительству вступиться за единоверцев на Балканах, страдающих от турок.

Пока Саша Кутепов растет, напитывается национальными преданиями и мечтает об офицерской службе, оглянемся попристальнее на девятнадцатый век, на легендарных исполинов, осенявших не только нашего героя, не только наших дедов, но и многих из нас; оглянемся не для умиления громкой славой, а для понимания, почему этот славный век отечественной античности был полностью проигран в геополитическом отношении.

Почему проигран? Разве не было Бородина, разве русские полки не прошли по мостовым Европы? Может быть, автор оговорился?

Не оговорился. И доказать это нетрудно. На протяжении нескольких веков, начиная, пожалуй, с Александра Невского, Россия защищалась на Западе и медленно продвигалась на Востоке. Были отбиты нашествия тевтонов, поляков, шведов, французов. Их волны достигали даже Москвы. Для того, чтобы выжить, народу потребовалось выработать идеал национального единства во имя спасения отечества; этому было подчинено все - экономика, религия, административное управление. Девиз россиян "За веру, царя и Отечество" придуман не мракобесами, как то пытались представить западные либеральные философы, понимающие данность геополитического противостояния Западной Европы и России; он придуман теми, кто хотел жить свободными. Когда этот девиз был сброшен, то вряд ли Россия стала счастливее и свободнее.

Впрочем, идеал защиты, справедливейший в своей сути, в девятнадцатом веке стал преображаться.

Начиная с царствования Павла I и кончая Александром II, основную идею российской политики составляла не оборона от

внешних противников, а борьба с революцией. Казалось бы, какое дело русским императорам до государственного устройства той или иной европейской страны, если оно не задевает их интересов? Защита монархического принципа? Династические интересы? Да это все пустяки, филологический дым! Основа здоровой политики - здоровый национальный эгоизм.

При Екатерине Великой Россия придерживалась строго национальной политики: она не ставила никаких других задач, кроме нужд собственного развития и безопасности. Поставив две цели, присоединить Польшу и выйти к Черному морю, императрица шла к ним, не сворачивая. События в Европе ее интересовали лишь с точки зрения возможной выгоды. Даже Французская революция не встревожила ее. Конечно, она возмущалась жестокости революционеров, обещала европейским монархам помощь, но по-настоящему "вмешалась" в революционные потрясения только для того, чтобы под предлогом пресечь распространение революции на восток провести второй и третий разделы Польши. Она могла по праву сказать не "Европа - наш общий дом", а "Россия наша вселенная". Господь прибрал ее в ту пору, когда она собиралась нанести решительный удар Турции и положить конец историческому поединку двух империй.

Матушка-императрица была хищницей? Не уважала нравственного начала? Однако вряд ли она это подозревала. Последующая судьба России, вплоть до современной, убедительно доказала, что там, где начинается в политике погоня за так называемыми нравственными целями, это приводит к ущемлению национальных интересов в пользу тех, кто действует по старой государственной логике.

Политическое наследство Екатерины Павел I пересмотрел. На первое место вышла "нравственность", что выразилось в его рескрипте генералу Римскому-Корсакову: "...остановить успехи французской республики, дабы пресечь ее способы к распространению заразительных правил пагубной вольности и восстановить древние престолы от Бога поставленных государей".

Александр I только продолжал борьбу с революцией во имя монархического принципа. Последовали войны 1805 и 1807 годов.

Только после свидания в Тильзите Александр на короткое время сблизился с Наполеоном. Император Франции прекрасно понимал огромное значение такого союза и старался привлечь Россию всевозможными средствами. Он предлагал Александру чрезвычайно выгодную в стратегическом отношении границу по Висле. Когда же последний "из сострадания к Пруссии", отказался

от этого, то Наполеон объявил обращенную против нас и запиравшую устье Вислы прусскую крепость Данциг вольным городом и заставил Пруссию уступить нам Белостокскую область; с его согласия и при его дружественном нейтралитете мы овладели Финляндией; от Австрии он отобрал в нашу пользу часть Галиции; он указал нам на Бессарабию, предлагал Александру Молдавию и Валахию, согласен был даже на окончательный раздел Турции.

Для России открывалась, таким образом, полная возможность раз и навсегда разрешить восточный вопрос. Заветная мечта Екатерины, казалось, близилась к осуществлению. Наши действительные интересы нигде не сталкивались с французскими. Разгром соседних государств, Австрии и Пруссии, был выгоден для нас. Точно так, несмотря на временную стеснительность континентальной системы, была выгодна России и та ожесточенная борьба, которую вел Наполеон с нашим постоянным врагом - Англией. Однако франко-русский союз существовал недолго. Причин тому несколько; но главная, приведшая к окончательному разрыву, заключалась в том, что Император Александр желал остаться верным унаследованной еще от отца роли "единственного защитника коронованных глав".

На первое место вышла идеология, и что из этого вышло, мы прекрасно знаем: было Бородино, пожар Москвы, Отечественная война (на которой, к слову, прославился и дед Скобелева). Сегодня трудно представить, что этой опустошительной войны могло и не быть.

Да, еще конечно, "благодарность всей Европы" за русский поход 1813 года! Император Александр - спаситель Европы!

И что получил спаситель, когда Наполеона устранили со сцены? Во время Венского конгресса Франция, Англия и Австрия, не соглашаясь на присоединение к России герцогства Варшавского, заключили против нее тайный союз в декабре 1814 года. Только неожиданное возвращение Наполеона с острова Эльба заставило "благодарных союзников" пойти на уступки.

Как здесь не вспомнить, что мудрый Кутузов был против похода 1813 года и предупреждал: "Наполеон теперь уже не опасен для России и следует его поберечь для англичан". Точно также думал и государственный канцлер Румянцев.

Перелистнем эту страницу. Царствование императора Николая I отличалось еще большей идеологичностью. Его слова при вступлении на престол: "Революция у ворот России, но клянусь в том, что, пока я жив, она не проникнет в нее".

С точки зрения прямых интересов России, события в 1848 году, разыгрывавшиеся в Австрии, были чрезвычайно выгодны.

Соседнее государство, недоброжелательство которого мы уже много раз имели случай испытать, разрушалось без всяких усилий с нашей стороны. Разрешение восточного вопроса облегчалось. Славянские народности, входившие в состав монархии Габсбургов, освобождались и, конечно, легко поддались бы нашему влиянию. Наконец, Галиция - эта старинная русская область, о которой наша дипломатия совершенно забыла на Венском конгрессе, могла быть воссоединена с Россией, и мы приобретали прочную естественную границу по Карпатам.

Что ж, венгерский поход был для российской армии вполне удачен.

Наверное, во время злосчастной Крымской войны, отбросившей Россию навеки, Николай I смог достаточно полно убедиться в ошибочности своей политики. На просьбу не о помощи, а о нейтралитете император Франц Иосиф, сообразуясь не с идеологией, а потребностями своей страны, выдвинул ряд жестких требований: не переходить русским через Дунай, по окончании войны очистить Молдавию и Валахию и вообще не нарушать существующего в Турции порядка. На упрек русского посланника, напомнившего о помощи России в 1849 году, австрийский император хладнокровно ответил: "В политике чувства не играют роли, а существуют лишь выгоды".

Вот и получалось, что мы жили чувствами и потеряли в войнах, которых можно было бы избежать, около двух миллионов жизней, почти миллиард рублей, не считая сгоревшего в пожарах и разоренных хозяйств.

Гимназист Саша Кутепов ничего этого не знал. Разве что отголоски героической обороны Соловецкого монастыря от английской эскадры волновали воображение мальчика или заставляли задуматься о том, почему блокада в Крымскую войну нанесла архангельской торговле большой ущерб.

Вообще Саша Кутепов смотрит на историю по-детски. Самое большое его огорчение - то, что родители отдали его учиться не в кадетский корпус, а в скучную классическую гимназию в Архангельск.

Это город лесной и морской, торговый и монастырский. Двадцать тысяч жителей. Здесь строил флот Петр Великий, а монахи еще с двенадцатого века служат Господу в своем древнем мужском монастыре Архангела Михаила. Здесь Кутепов одержал первую победу.

Однажды зимой, после всенощной службы, во избежание беспорядка гимназистов выпускали из церкви по классам, а первоклассники были выпущены последними. Церковь закрылась, и малыши в долгополых шинельках с башлыками на фуражках

двинулись стайкой по пробитой в сугробах не тропинке, а настоящей траншее. И вдруг налетели на двух подгулявших обывателей. Что там взбрело в головы хмельным мужикам, но только они сцапали первого гимназистика, и тот с перепугу запищал. Остальные замерли. Неожиданно один из них кричит:

- Ребята, вперед, ура! - и бросается на обидчика, толкая его в сугроб.

Это Кутепов. Остальные наваливаются на взрослых, а те... молят о пощаде. Полная виктория!

Это детское, почти шуточное сражение - весьма показательно. Он почувствовал, что на нем лежит долг защитить, что он - первый силач класса обязан выйти вперед.

Впрочем, в каждой русской семье, как правило многодетной, это считалось нормой: старший заботится о младшем, сильный о слабом, и это не доблесть, а будничность. Кроме Саши, в семье было еще четверо детей, поэтому, живя в общежитии при гимназии, он естественно влился в среду сверстников и даже стал авторитетом.

И все же в мальчике чувствовалась какая-то чрезмерность, заостренность на нешуточную жизнь. Чтобы развивать волю, вставал среди ночи, тщательно одевался, застегивая все пуговицы, и выходил из дома, направляясь в самые темные и страшные места. Самое страшное место - это кладбище, где водится вякая чертовщина. Что влекло его туда? Хотел ли он что-то доказать себе? Что, например, родители ошиблись, не отдав его в кадеты?

Представим ночь, густые тени от памятников, тусклый блеск луны, мертвая тишина, - и он один перед лицом потустороннего мира, откуда никому нет возврата. В этом что-то романтическое, средневековое, идущее от преданий.

Заостренность Кутепова проявлялась не в одном поступке, а в последовательной цепи поступков. Спросите любого учителя, что труднее всего дается детям, и вы услышите: дисциплина и аккуратность. У Кутепова же это было природным даром, казалось, счастливо соткавшимся из лесной русской природы, беленых льняных холстов, строгих северных нравов.

Но это еще не все. Почему-то он распространял лежавшую на нем в семье ответственность за младших сестер и братьев на своих товарищей. Когда из-за тесноты в гимназическом общежитии малышей переселили в мезонин, старшим у них был назначен Саша Кутепов, уже гимназист третьего класса. И сразу там воцарился образцовый порядок. До назначенного часа можно было шуметь и дурачиться, но после отбоя все стихало, как по мановению волшебной палочки. К ослушникам Кутепов применял

собственные меры воздействия, о которых история умалчивает, а мы не беремся гадать. Однако за одно ручаемся, зная последующую его жизнь: он никого не унижал. Он был просто сильный, справедливый мальчик, верящий в Бога и в свое предназначение.

В третьем же классе, в возрасте тринадцати лет, он задал себе небывалое испытание: участвовал в маневрах местной воинской части, проделав наравне с солдатами переход в 72 версты и даже принял участие в "бою" за город. Самой большой сложностью этих маневров были его родители. Их, впрочем, беспокоили не физические перегрузки, не пребывание ребенка среди чужих людей, а опасение, как бы он не огрубел среди солдат. Их опасения оказались беспочвенны. Солдаты не то что не позволяли себе в присутствии Саши грубого слова, но и следили за ним как за младшим братом, проявляя деликатность и простоту. Этот короткий эпизод еще больше укрепил желание Кутепова стать офицером. Он полюбил солдат, не будучи их начальником, а будучи тем, кем был, по-видимому, Саша Пушкин для Арины Родионовны.

В четырнадцать лет Кутепов осиротел, умерла его мать. Сашу вызвали телеграммой, но он не успел, на несколько минут не застав ее в живых. Она умирала в полном сознании и все спрашивала своего первенца, а когда почувствовала приближение конца, благословила его портрет.

Что может быть тяжелее, чем утрата в юном возрасте самого родного человека?

Вот он только что был героем в своих глазах, сильным и справедливым; его все уважали, он ничего не боялся. И вдруг вся его защищенность, его сила и стойкость, - все рухнуло. Он стал песчинкой перед грозным ликом Бога, забравшего к себе его маму. Это было непостижимо. Детское сердце утонуло в горе.

Потом он еще раз испытает остроту этого чувства, когда в Мукденском сражении погибнет его друг. А дальше потери уже не будут так рвать душу, станут привычными. Вид собственных ран, чужой крови, мучений в конце концов сопровождают каждого офицера на войне. Впереди у Кутепова много испытаний. Со временем его сердце так закалится, что он признается жене, что ради спасения России он, если понадобится, пожертвует и своей семьей.

Но пока ему всего-навсего четырнадцать лет, он плачет и прощается с матерью...

Прошло два года. Он отлично сдает экзамены и переходит в седьмой класс. Теперь он может отбывать воинскую повинность на правах первого разряда.

Саша идет к отцу и просит разрешения пойти на военную службу вольноопределяющимся. Его план таков: как только наденет погоны, сразу подаст рапорт о направлении в юнкерское училище и будет направлен туда за казенный счет как вольноопределяющийся. Последнее обстоятельство для многодетной небогатой семьи играло немаловажную роль.

Отец не возражал. Да и что толку возражать, когда сын уже выбрал путь?

Кутепов немедленно вышел из гимназии и спустя месяц был зачислен вольноопределяющимся в Архангельске. Дальнейшее случилось так, как он и предполагал. И даже чуть удачнее. В августе его направляют в Санкт-Петербургское юнкерское училище, он зачисляется "юнкером рядового звания". Но как раз в ту пору происходит реформа юнкерских училищ, расширяется учебная программа, и выпускаются из них уже не подпрапорщики, а самые полноправные подпоручики, как и из военных училищ.

Случай дал ему возможность начинать карьеру со звездочек подпоручика. Оставалось только их заслужить.

Кутепов рвется вперед, выделяется среди однокашников ясностью мышления, честностью, отчетливостью характера. Он двигался к офицерскому званию, излучая огромную моральную силу. Через год у него на погонах были фельдфебельские нашивки. На строевом смотру великий князь Константин Константинович (вошедший в историю русской культуры еще и как поэт "К. Р.") произвел младшего портупей-юнкера Кутепова, минуя чин старшего портупей-юнкера, сразу в фельдфебели. Такое случалось очень редко.

Среди юнкеров Кутепов всегда почему-то кажется старше. Его приказания выполняются беспрекословно, от него веет надежностью.

Однажды, впрочем, на экзамене по тактике этот выдающийся фельдфебель оказался неподготовленным. Чтобы не сесть в лужу да и просто не получить "ноль", ему можно было сослаться на единственное принимаемое во внимание обстоятельство, болезнь, и тогда уж получить разрешение сдать экзамен в следующий "репетиционный день". Порядки в училище были строгие, "ноль" мог многое испортить Кутепову. Что делать? Сказаться больным, когда на самом деле он был здоровее самого здорового?

Перед экзаменом он подошел к Н. Н. Головину (впоследствии ставшего крупным военным писателем и педагогом русской эмиграции) и попросил отложить опрос.

Головин был удивлен, потребовал объяснений.

Кутепов ответил, прямо глядя ему в глаза, что вчера представился случай побывать в театре, поэтому не смог

подготовиться.

Преподаватель должен был без дальнейших разговоров ставить низшую отметку, но вот она русская справедливость, что выше закона, - Головин не мог наказывать за правду и сказал, что будет экзаменовать в следующий раз. А в следующий раз Кутепов отвечал блестяще.

Через много лет, уже за границей, Кутепов признался Головину, что не рассчитывал на снисхождение и ждал "ноля".

Этот непреклонный характер сформировался, надо подчеркнуть, в годы небывалого для России пацифизма, неуважения к воинскому долгу, патриотизму. Казалось бы, невелика доблесть признаться в неподготовленности преподавателю, тем паче, что правительство, обнародовав еще 12 августа 1898 года Гаагскую декларацию, перед всем миром заявило, что расходовать "духовные и физические силы народов, труд и капитал" на военное дело это значит "расточать их непроизводительно", "направлять по ложному пути". Может быть, Кутепов как раз и попал на театральный спектакль под минутным влиянием со всех сторон прививаемому русскому обществу неприятия военных и патриотизма? Положение было и впрямь странное: с одной стороны, расходовали на вооружение огромные деньги, а с другой - уничтожали в народном сознании уважение к защитникам Отечества. Были преданы забвению слова Петра Великого: "От презрения к войне общая погибель следовать будет".

Как здесь должен вести себя будущий защитник страны? Верить призывам созванной по почину Николая II Гаагской мирной конференции или жить по национальному закону?

Отвечали на подобный вопрос многие. Приведем лишь одно замечание: "Как бы то ни было, но основывать безопасность мирового государства на одних политических комбинациях и беспредельной уступчивости, очевидно, невозможно, и потому для России восстановление ее военного могущества является главнейшей и самой неотложной задачей" (Е. И. Мартынов. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка").

Итак, пока наш герой прилежно учится, а общество готовится к загадочным будущим потрясениям, посмотрим на положение России, служить которой он начал.

На горизонте - война с Японией, революция, переход к конституционной монархии, созыв Государственной Думы, Столыпинские реформы. Это все - как сон. Если сказать ему, что случится в ближайшие годы, то он, пожалуй, оскорбится. Он - монархист, для него чужды всякие компромиссы, его дело драться, побеждать, гибнуть, направлять на смерть своих солдат.

В одном из германских левых журналов начала века помещена карикатура: Николай II и премьер-министр Витте стоят перед девушкой-великаншей, которая держит в руках какие-то шестеренки и у которой на платье написано "Промышленность"; император говорит премьеру: "Кого ты мне привел? Это же социализм!".

Да, страна развивалась, прогресс воспитывал самостоятельность, а дворянская империя оставалась малоподвижной. То, что относилось к промышленности, вернее, сами промышленники, требовали для себя не только более свободного законодательства, но и участия в политической жизни. Крестьяне требовали свободного владения землей, снятия запретов, налагаемых на них общиной и вообще пережитками крепостничества, которые делали из мужика, по выражению Победоносцева, "полуперсону". Интеллигенция... впрочем, двойственность, антигосударственную направленность и одновременно бескорыстность, возвышенность, оторванность от жизни нашей интеллигенции привели к тому, что она была, как всегда, расколота. Одни шли в бомбисты и не чурались получать от заграничных врагов империи крупные суммы на революционную борьбу (например, от американского банкира Якова Шиффа или японских кругов), другие предпочитали путь земской, будничной работы, третьи - боролись с властями политическими средствами.

Еще было нечто, витающее в атмосфере городов, что позднее Сергий Булгаков, священник и депутат Думы, определит так: "Героическое "все позволено" незаметно подменяется просто беспринципностью во всем, что касается личной жизни, личного поведения, чем наполняются житейские будни. В этом заключается одна из важных причин, почему у нас, при таком обилии героев, так мало просто порядочных, дисциплинированных, трудолюбивых людей..."

Ко времени окончания Кутеповым училища уже шла война с Японией. Как фельдфебель, он имел право выбирать из списка офицерских вакансий наиболее удобную, но выбрал - действующую армию, 85-й пехотный Выборгский. По дороге в Маньчжурию он заехал проститься с семьей. Дома пригласили батюшку, отслужили молебен. Отец благословил. И тут надо было бы ему что-то сказать важное, ведь прощались, может быть, навеки, а он ничего важного не сказал: то ли постеснялся громких слов, то ли и так все было понятно из всего уклада семейной жизни.

Только через две недели, прибыв в полк в деревню Хомутун и, надевая парадный мундир для представления командиру, он

нашел письмо отца с кратким заветом: "Будь всегда честным, никогда у начальства не напрашивайся, а долг свой перед Отечеством исполни до конца".

Можно представить, как обрадованно усмехнулся молодой подпоручик, словно действительно благословение Отечества коснулось его сердца. Незамысловатые, патриархальные слова, а что было важнее их для готового к самому трудному офицера? "Ты не один, - так, казалось, говорил отец. - За тобой все мы, живые и отошедшие к Господу, ничего не бойся и делай свое дело".

И вот Кутепов на войне. Но прежде, чем он оказался на войне, он увидел Восток, безбрежное азиатское море, с которым сотни лет назад сжилась и породнилась Русь. Правда, возникал вопрос: что за Восток вошел в душу России, Восток Ксеркса или Восток Христа? Старшие офицеры, ветераны турецкой войны обращали внимание на поразительную любовь китайцев к своим предкам и, глядя на зеленеющие среди возделанных полей ритуальные рощи, в которых покоились и деды, и прадеды здешних крестьян, исполнялись уважением к народной традиции, сделавшей память о прошлом основой моральной силы живущих. Но ведь это и русская традиция! Да. Если отойти на шаг от официальной церковной практики и приблизиться к тысячелетней простой крестьянской жизни России, то увидим то же самое языческое поклонение предкам. И это мирно уживалось с христианством.

Молодые офицеры смотрели на ветеранов с почтением, ибо те как будто несли за плечами отсветы славы Скобелева, а о вечности не задумывались. Скобелев был интересен тем, что был молод, отважен, верил в свою звезду. Когда при штурме Ловеча Рыльский полк дрогнул, он выехал на белом коне вперед полка и стал под огнем командовать ружейные приемы, чем мгновенно привел солдат в чувство. А штурм Плевны? А Шипка? Если бы русские войска заняли в 1878 году Константинополь, как того он страстно хотел, то это, не исключено, повлияло бы на итоги Берлинского конгресса. Он был генерал екатерининской эпохи, равный Суворову, опоздавший родиться.

Но с другой стороны были на японской войне храбрецы, такие, как черногорский доброволец полковник Липовац Попович. С ним прибыла целая ватага черногорских молодцов. Говорили о них, что подобных разведчиков нет в мире: расположившись на вершинах гор, они переговариваются, подражая крику разных зверей и птиц, и передают нужные сведения. А толку от храбрецов было чуть-чуть. Иная война: бездымный порох, пулеметы, батареи на закрытых позициях, защитные цвета мундиров вместо прежних белых. .

И надо воевать, дело делать, готовиться, работать... А геройство? О геройстве все сказано еще поручиком Лермонтовым: "Я видел его в бою: он кричит, носится с места на место, машет саблей! Что-то не русская это храбрость!"

Кутепов попал в команду разведчиков. В ту пору он был худощав, плечист, с небольшими усиками. Это последние портреты доносят до нас облик коренастого, похожего на медведя, бородатого мужчины, а двадцатидвухлетний подпоручик - совсем другой, "У меня физиономия обыкновенного московского банщика", - скажет он много позже.

Кутепов обратил на себя внимание иным. В ночь, предшествующую выходу разведчиков в поиск, он выходил один или с одним-двумя из своих охотников для изучения местности и обстановки, чтобы потом, в настоящем деле, действовать наверняка и с наименьшими потерями. Еженедельно было два или три выхода разведчиков, а для Кутепова эти выходы соответственно удваивались. Правда, никого особо это не удивляло. Удивляло то, что Кутепов отказывался в офицерской компании выпить рюмку "смирновки" или "поповки", доставляемых маркитантами по пять-шесть рублей за бутылку, и еще отказывался играть в карты. Но у него не оставалось на скромные развлечения времени. "Нет, что-то не хочется, - отвечал он товарищам. - Уж как-нибудь в следующий раз". Конечно, он мог сказать, что разведка - дело тонкое, и малейшая оплошность может стоить жизни.

Настоящие военные давно поняли истину, что побеждает тот, кто готов на огромную работоспособность. Самоупоение геройством, взвинчивание себя моральными наркотиками помогают там, где нет достойного противника. "Бой серьезное дело, и моральное превосходство в бою должно выражаться в настойчивой и упорной работе, в преданности общему делу, а не в стремлении показать фокус. Моральный элемент прежде всего высказывается в отношении к действительности; там, где о нем забывают, где все заняты только своим делом, где жизнь - на первом плане - там все обстоит благополучно". Эти строки принадлежат генералу А. А. Свечину, участвовавшему в той войне капитаном. Книга называется достаточно выразительно: "Предрассудки и боевая действительность".

И здесь - явное внешнее противоречие между яркостью действий Скобелева и методичностью Кутепова. Но это только для поверхностного взгляда. Кутепов знал цену боевому духу. Военный человек должен смотреть прямо в лицо быстро меняющейся действительности. Двадцатый век диктовал свои требования, которые выполнялись только постоянным

напряжением воли и трудом. Собственно, что здесь нового по сравнению с суворовским наказом "Тяжело в учении, легко в бою"? Ровным счетом ничего. Разве что не совпадает с лубочным, сусальным героизмом, верой в чудеса, для которых не надо ни пота, ни бесконечного упорства.

Кутеповские разведки принесли много ценных сведений при самых малых потерях, но требовалась какая-то яркая вспышка, которая бы осветила этого юного воина. В одну из ночей Кутепов с несколькими охотниками незаметно подползли к многочисленной японской заставе, насчитывающей человек 70-80. Ее часовой был выдвинут вперед. "Сними его, только тихо", - велел подпоручик унтер-офицеру. Через минуту часовой был оглушен ударом приклада. Других часовых не обнаружили, застава спала. Разведчики подошли к укрытиям, Кутепов крикнул: "Ура!", - бросились вперед. Застава разбежалась, а пулеметы и винтовки стали трофеями разведчиков.

И хотя орден Святого Георгия получил за это дело не Кутепов, а начальник команды разведчиков, который в вылазке не участвовал, подпоручик отныне был признан храбрецом. Потом, уже после войны, в Выборгском полку один офицер услышал от солдат подробности кутеповской разведки и предпринял усилия, чтобы Кутепова все же наградили, так как еще принимались Георгиевской думой ходатайства о награждениях за минувшую кампанию. Кутепов к той поре служил в Преображенском полку и ничего про это не ведал. И ничего, к сожалению, из того ходатайства не вышло. Вскоре дополнительные награждения были прекращены.

А все-таки боевой орден нашел Кутепова. Как будто судьба решила проявить настойчивость и выбрала для этого приезд в полк германского принца. 85-й Выборгский имел своим шефом германского императора Вильгельма II.

В присутствии принца Кутепов докладывал об одной из своих разведок и был награжден орденом Германской Короны с мечами и на ленте Железного креста. Случай? Конечно, случай. Но сюда надо прибавить то впечатление офицерской доблести, которое излучал этот подтянутый крепкий подпоручик с темными задорными глазами.

Трудно представить нашего героя мечтателем, способным увлечься чувствами в ущерб службе. Трудно представить его растерявшимся, поддающимся безотчетному страху. Однако тем не менее все это было с ним. Вот что он сам рассказывал о себе (дело было в Монголии, куда его послали закупить лошадей):

- Путь был далекий. Я очень берег лошадей. Казенное имущество, да и остаться без коня - гибель. Было установлено

точно, когда и как поить и кормить лошадей. А один солдат взял да и обкормил разгоряченную лошадь. Раздулся у нее живот и пала. Накалился я страшно. Позвал солдата и только сквозь зубы сказал - отдам тебя под суд. Ну, а солдаты уже знали, что слово мое твердо. Солдатишка этот всю дорогу старался попасться мне на глаза и чем-то услужить, прямо осточертел, но я ему ни звука и не гляжу на него. Подъезжаем к одной фанзе, хочу войти в нее, а уж этот солдат вертится у меня под ногами, дверь, что ли, хочет отворить. Я споткнулся и в сердцах оттолкнул его. И толкнул-то его легонько, а он возьми да и треснись о землю. Я и говорю - прости, брат. Тут он вскакивает, руку к козырьку, грудь вперед, да как гаркнет - покорнейше благодарю, Ваше Благородие, что простили.

- Ну что же после этого станешь делать? Простил. Поддел меня.

Чем-то очень русским веет от этого простого воспоминания. Видишь и этого недотепу-солдата, и строгого подпоручика, и то главное, что их объединяет. Воинская дисциплина, закон? Да, но только отчасти. Их гораздо сильнее объединяет невыражаемое никаким законом представление о жизни: милосердие выше закона. О, конечно, это Восток! Никакой Европой здесь не пахнет. Православный текучий Восток, способный на всякие чудеса, - вот, что стоит за этим рассказом.

Однако от милосердия - сразу в кровавую сечу. Отряд у него был маленький, они шли по бескрайним степям, привлекая внимание хунхузов.

Едут, винтовки наготове, нервы напряжены. В одной стычке убили лошадь Кутепова. В другой - могло обойтись еще хуже: хунхуз налетел на Кутепова, но подпоручик успел выхватить шашку и выбил винтовку. Тогда разбойник выхватил нож. Кутепов стал рубить его сильными точными ударами по всем правилам шашечного боя. Тут никому не могло быть пощады. Зато потом он не находил себе места, зарубленный хунхуз стоял перед глазами.

"Действовать холодным оружием, пожалуй, самое неприятное дело", - как бы сквозь зубы признался он.

Конечно, война не выбирает, она великая испытательница, и ставит людей в самые неожиданные положения, когда смелый вдруг дрожит от страха, а слабый становится могучим воином. Она не выбирает своих даров.

Вот и Кутепов испытал погружение, провал в ее ужасные глубины. Произошло это неожиданно, в безобидном положении: в бою под Фучуном его разведчики атаковали группу японцев, по-видимому, тоже разведчиков, наступавших на занятый русскими

перевал, и отбросили их вниз от перевала шагов на восемьсот-девятьсот. Дело было сделано. Возвращались назад, карабкаясь по крутому склону. Кутепов заметил блестевшую на груди убитого японца медаль. Ему стало любопытно, он захотел рассмотреть ее, а может и взять. Но с ними был раненый в голову, не надо было останавливаться. Поднялись на перевал, устроили людей по местам и перевязали солдат. Все. Следовало забыть убитого японца с его медалью. Кутепова же тянет вернуться. Зачем? Он и сам не знает. И он спускается к убитому, рассматривает его медаль. Она - за китайский поход. Мелькают мысли об этом походе, в котором участвовали и русские. (Это было в 1900 году, когда Япония и западные державы стремились расчленить Китай. Именно тогда и чуть ранее были посеяны зерна этой войны: Россия стремилась сохранить своим соседом "недвижный Китай", Япония рвалась на материк, тем более, что занятие Филиппин Соединенными Штатами отрезало ей путь расширения в сторону островов. Сам же поход, который должен был остановить неожиданное восстание китайцев против иноземцев, "белых чертей", был довольно простой в военном отношении операцией. Главное началось после занятия Пекина отрядом генерала Линевича: Россия оказалась в силах отстоять целостность Китая.)

И вот перед Кутеповым лежал один из солдат, уцелевший четыре года назад и павший сегодня за интересы своей страны. Мертвый противник не вызывал никаких враждебных чувств. Было жаль его. Снял ли Кутепов с груди убитого эту медаль, неизвестно. Скорее всего, снял. Известно другое. Возвращаясь к своим на перевал, он не мог взобраться на крутизну - подошвы сапог скользили по влажной траве, он несколько раз скатывался вниз, к японцу, словно тот не отпускал его. И тут со стороны японцев начали стрелять в его сторону. Пули с коротким звуком "дзык!" били совсем рядом. Кутепов растерялся. Волна ослепляющего ужаса охватывала его. Он был один. Сейчас свинцовый удар расколет ему голову, все кончится. Он вспомнил разбитую голову солдата, которую только что перевязывал там, на холме, где сейчас сидят свои. Первобытный страх обуял подпоручика. Что было дальше, он не помнил. В глазах было темно, когда он вскарабкался на гору. Ему дали воды. Он напился и пришел в себя.

Больше никогда с ним не было такого. Даже в тех случаях, когда "воздух казался живым существом от разрываемых снарядов".

Теперь перенесемся через линию фронта к японцам. Перед войной о них было весьма не высокое мнение, как о неумелых робких воинах. Между тем, все было наоборот. Они сражались

искусно, упорно и самоотверженно, показывая беспримерное напряжение воли. В их отношении к собственной жизни было что-то напоминающее наше, русское - Отечество выше, обычаи сильнее чувства самосохранения, мертвые герои имеют над живыми безграничную власть. Но в этом сходстве японцы тем не менее выглядят жестче, отчетливее.

Вот одно из свидетельств той поры:

"Полковник Такеучи, занимавший со своим полком южную часть д. Лакампу (Юхунтуань) и почти окруженный неприятелем, приказал майору Окоши спасти знамя и доложить бригадному командиру о положении дела. Окоши с шестью солдатами выходит из деревни. Знамя, завернутое в полотнище палатки, они волокут за собой, дабы не привлечь внимания неприятеля. Когда эта кучка показалась в огромном поле, то вдруг засвистели пули и солдаты стали падать один за другим. Наконец, последний солдат был ранен в живот, а майор Окоши в правую руку и грудь. Ползком добрались они до небольшой Покинутой деревушки. Здесь майор, не имея уже сил двигаться дальше, написал левой рукой следующую записку командиру бригады:

"Если я покинул поле сражения в такой момент, то это произошло по категорическому приказанию моего командира, поручившего доложить мне о ходе дела. Я знал, с какими опасностями связано достижение штаба, но я не смел забыть опасного положения командира полка, солдат и товарищей и решился, выполнив поручение и обсудив средства для выручки, вернуться к ним, чтобы разделить их участь. Я глубоко сожалею, что оказался не в состоянии выполнить поручение, будучи ранен. Поэтому я решился лишить себя жизни, чтобы присоединиться к командиру полка и моим товарищам на том свете. Но я ранен в правую руку и не могу держать сабли, а потому лишаю себя жизни при помощи револьвера и прошу извинить меня за это. Позвольте мне поблагодарить вас за вашу дружбу в течение стольких лет и подумать о вас в это мгновение. Я чувствую большую слабость и лишь с трудом держу карандаш, поэтому я ограничиваюсь указанием на отчаянное положение нашего полка".

Поручив солдату доставить знамя и письмо, майор Окоши прострелил себе голову. Час спустя в штаб бригады приполз раненый в живот, почти умирающий солдат, к спине которого было привязано знамя, а в шапке находилось письмо".

Вот и вся история. От нее веет эпическим героизмом, в ней отражен дух великого народа, с которым было суждено воевать.

В той войне не было ненависти, хотя было много страданий. Военный контакт порой приводил к совершенно добродушным

соседским отношениям, когда русские и японцы вдруг удивляли самих себя. Так во время кавалерийского набега на порт Инкоу отряд генерала Самсонова (самоотверженного героя Восточно-Прусской операции 1914 года) несколько раз занимал деревню в промежуточной полосе боевых действий. На Новый год казаки нашли там корзину с вином и закуской и записку русским офицерам от японских из соседней деревни. Японцы приглашали наших в гости, показав на карте свою деревню. На это приглашение откликнулся молодой начальник заставы с шестью казаками. Добрались до японской цепи, их встретили дружелюбно и проводили в фанзу к офицерам. Там уже было готово застолье, правда, не на столе, а на кане, теплой лежанке. Не понимая друг друга, русские и японцы, поднимали тосты, перепились, целовались, расстались сердечными приятелями. На прощание японцы передали нашим ведро водки "смирновки", два крестьянина-китайца принесли его в нашу деревню.

Примеров подобного общения было немало, как будто обе стороны чувствовали какое-то странное душевное родство. Евразийская душа России вряд ли была совсем чуждой японской душе,

Поднимемся над Россией и Японией, увидим весь Восток с английской Индией, "жемчужиной британской короны", Тихий океан с сильными молодыми Соединенными Штатами, подпирающий Россию Китай. Что еще? Тянется через Сибирь тоненькая жилка железной дороги, еще тянется новая дорога Китайско-Восточная, - по ним из европейской России медленно и постоянно текут державные соки, наполняя Дальний Восток российским влиянием.

Япония, Англия, Соединенные Штаты глядят на Россию с опаской.

Что нам известно о той войне? То, что она, по словам оппозиционной печати, была "позорной"? То, что "бездарный царизм" ее проиграл?

На самом же деле, при всем равнодушии петербургской России к азиатским и дальневосточным делам, русско-японская война была в такой же мере войной за будущее России, как борьба Петра за выход в Европу.

С. С. Ольденбург в книге "Царствование Императора Николая II" так оценивает тогдашнюю обстановку: "Решался вопрос о выходе к незамерзающим морям, о русском преобладании в огромной части света, о почти незаселенных земельных просторах Маньчжурии. Иначе, как поставив крест над всем своим будущим в Азии, Россия от этой борьбы уклониться не могла". О двух "несогласимых судьбах" говорит американский летописец русско-

японской войны С. Тайлер: "Россия, - пишет он, - должна была прочно утвердиться на Печелийском заливе и найти свой естественный выход в его свободных гаванях, иначе все труды и жертвы долгих лет оказались бы бесплодными и великая сибирская империя осталась бы только гигантским тупиком".

"Только неразумное резонерство, - писал Д. И. Менделеев, - спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело... путь к океану - Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет совершаться на берегах и водах Великого океана".

Но почему же тогда историческая оборона России на ее западных рубежах приковала нас к Европе как к "общеевропейскому дому", в котором мы всегда или робко стоим в прихожей, или отважно воюем, растрачивая национальную энергию впустую? Европа, всегда закрытая для нас английскими, германскими, французскими, австро-венгерскими засовами, была для нас неодолимым рубежом.

Впрочем, именно в царствование Николая II Россия стала осознавать, что ее будущее - в Азии. Она не хотела войны с Японией, не была к ней готова, но когда японский ультиматум поставил ее перед выбором: отступить с Дальнего Востока или защищаться, ответ был предопределен. Русские согласились почти на все японские условия, кроме защиты своих интересов в Маньчжурии. Японцы стремились к большему. Они задержали в Нагасаки телеграмму российского МИДа послу Розену на четыре дня и доставили ее уже после разрыва дипломатических отношений. Япония, закончив в 1903 году программу вооружений, хотела войны.

Подпоручик Кутепов был песчинкой в поднявшейся буре. Он не задавал себе ненужных вопросов о том, что он делает в Маньчжурии. Евразийская природа России еще не осознавалась им. Это придет гораздо позже, уже в эмиграции, когда надо будет выбирать, с кем бороться за интересы России, можно ли идти в одном строю с ее вечными соперниками. А пока же другие русские, как исследователи из далеких миров, предупреждали: "Для Всероссийской державы нет другого исхода, - или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы будут еще опаснее, чем западные иноплеменники".

Эти слова и сегодня, в конце двадцатого века, явно

проигранным Россией, звучат пророчески. Да только многие ли их способны понять?

В начале века таких было мало.

Судьба войны решалась не на полях сражений, и не Ляоян, не Сандепу, не Мукден определили в конце концов ее итог. Связанные с Россией всего лишь одной ниткой железной дороги войска должны были отступать, маневрировать, выжидать, то есть применять тактику 1812 года, что командующий русской армией генерал А. Н. Куропаткин и стал осуществлять, наметив рубежом отхода Харбин. В свое время Куропаткин был начальником штаба у Скобелева, но, увы, не обладал должной силой натуры да и необходимыми полномочиями. Например, ему приходилось скрывать свое намерение отступать ради выравнивания возможностей.

Впрочем, генералы Куропаткин ли, Линевич или кто-то другой не влияли на настроение российского общества, то есть на мнение просвещенной интеллигентской публики, которая желала нашей армии поражения.

"Я прекрасно помню, - свидетельствует генерал Е. И. Мартынов, - как один мой знакомый, ныне видный и притом далеко не левый член Думы, откровенно сказал мне: "Чем хуже будет вам в Маньчжурии, тем лучше станет нам в России".

Велась жестокая борьба за власть. Даже такие зубры государственности, как С. Ю. Витте не скрывал своих "пораженческих" взглядов. "Как политик, говорил он в начале июля 1904 года, - я боюсь быстрых и блестящих русских успехов; они сделали бы руководящие санкт-петербургские круги слишком заносчивыми... России следует еще испытать несколько военных неудач".

Что же говорить об оппозиции? Эсеры прямо заявляли, что всякая победа грозит России бедствием укрепления порядка, а всякое поражение приближает час избавления.

В октябре 1904 года в Париже собрались на совещание представители оппозиционных и революционных партий. Среди них было много национальных партий - польская, армянская, грузинская, латышская, финская. На конференции были вынесены резолюции "об уничтожении самодержавия", о замене его "демократическим строем, основанным на всеобщей подаче голосов", а также о "праве национального самоопределения" народов России. Революционные партии затем заседали отдельно от конституционалистов и вынесли решения пораженческого характера и в поддержку террора.

Это трудно представить, например, в той же Японии! Ведь шла война. И тем не менее это так.

Убийствами министров, губернаторов, офицеров доказывалось стремление к прогрессу общества.

До Кутепова все это доходит как сквозь толстую вату. Армия совершенно спокойна, начинает крепнуть, получая все больше и больше подкреплений. Время работает на Россию. Япония уже вывела все свои силы, а Россия еще только начала разворачиваться. Могла ли война завершиться успешно для нее? Безусловно. Это признавали и те, кто совсем не желал такого исхода. Если бы в тылу был покой, то в конце концов Куропаткин передавил бы чашу весов на свою сторону.

Однако внутренние волнения все больше мешали армии. Кому они были выгодны? Теперь уже достаточно много свидетельств, подтверждающих участие Японии в финансировании антигосударственных акций в России. Об этом писал в своих воспоминаниях руководитель эсеровского террора Борис Савинков: "Член финской партии активного сопротивления Конни Циллиакус сообщил центральному комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены были между всеми революционными партиями. Ц.К. принял эту сумму, вычтя 100 000 фр. на боевую организацию".

О значительной помощи японцев русским революционерам как о бесспорном факте писал в книге "Закат России" английский журналист Диллон. О связях Циллиакуса с японским полковником Акаши, "который вручил ему значительную сумму денег на закупку оружия для восстания в Петербурге и на Кавказе", говорит в воспоминаниях и П. Н. Милюков.

Конечно, из этого вовсе не следует, что первая русская революция взошла на долларах и иенах. Было достаточно и своих, отечественных дрожжей, прежде всего то противоречие, которое разрешали реформы Столыпина.

Но зададимся вопросом, какая часть русской смуты привнесена со стороны?

Точного ответа мы не знаем. Зато будет уместно в качестве иного довода привести суждение С. Ю. Витте, который, кстати, был ярым противником войны:

"Между тем, если взирать на будущее не с точки зрения, как прожить со дня на день, то, по моему мнению, наибольшая опасность, которая грозит России - это расстройство церкви православной и угашение живого религиозного духа. Если почтенное славянофильство оказало России реальные услуги, то именно в том, что оно выяснило это еще пятьдесят лет назад с

полной очевидностью.

Теперешняя революция и смута показали это с реальной, еще большей очевидностью. Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы эти могут держать массы лишь тогда, если они просты, высоки, если они способны охватить души людей, - одним словом, если они божественны. Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует. Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие... Мы делаемся постепенно менее всех верующими, Япония нас побила потому, что она верит в своего бога несравненно более, чем мы в нашего. Это не афоризм или настолько же афоризм, насколько верно то, "что Германия победила Францию в 1870 г. своей школой".

И разве не прав Витте?

Но Кутепов, думается, вряд ли бы с ним согласился. Армия стояла крепко - и в вере, и в дисциплине. А взглянуть шире, посвободнее, ему не было необходимости. Его удел - самый передний край боя.

Зато другие, еще до нападения Японии, оглядывались в беспокойстве. Они предостерегали, что в политику самых культурных государств все сильнее приникают идеи беспощадного эгоизма, что западные университеты являются очагами национального духа, в это время в полуобразованной России во всех газетах и университетах доказывается, что национализм есть понятие отжившее, что патриотизм не достоин современного "интеллигента" который должен в равной степени любить все человечество, что война есть остаток варварства, армия - главный тормоз прогресса и т. п.

Предостерегающие голоса раздавались в академической военной среде: "Общество начинает презирать воинскую доблесть и службу Отечеству!", "Ослабляется боевой дух офицеров!", "Неужели для своего излечения Россия должна пережить новое иноземное нашествие?!" - подобные мысли заботили многих.

И пример Японии, где армия была окружена любовью и доверием, ярко подчеркивал наши беды.

Война закончилась Портсмутским миром. Япония хотела получить очень много, а вынуждена была согласиться на минимальное. Ни контрибуции, ни выдачи русских судов, укрывшихся в нейтральных портах, ни ограничения права России держать на Дальнем Востоке флот, ни всего острова Сахалина - ничего этого японцы не добились.

Трехсоттысячная русская армия и твердость Николая II сыграли решающую роль.

Японии отошла южная часть Сахалина, она получила право на Ляодунский полуостров в Китае и возможность преобладать в Корее.

Теперь никакого перевеса у нее не было. Наши войска стояли даже не у Харбина, как планировал Куропаткин, а на 200-250 верст севернее, чем год назад. "Многие полагают, что Япония была истощена уже к концу мая и что только заключение мира спасло ее от крушения или полного поражения в столкновении с Россией", - делал вывод американский исследователь Т. Деннет.

Правда, эти выводы мало кого способны были утешить. Все понимали: случилось поражение! Унижение и тоска охватывали русское сердце.

Кутепову предстояло возвращение в столицу. Он остался жив, прошел крещение огнем и стал боевым офицером, ветераном, как сказали бы сейчас. Ему предстояло исполнить печальный долг - передать матери своего убитого друга Максима Леви горсть земли с его могилы.

Погиб человек, с которым Кутепов близко подружился среди маньчжурских сопок. Они вместе учились в военном училище, вместе ездили по одной дороге на каникулы, а на войне встретились и нашли друг в друге частицу безвозвратной юности. Вместе с Максом Кутепов устраивал в дни затишья офицерские вечеринки. Они варили пельмени, жарили пирожки, приглашали полковых музыкантов - и вечером возле фанзы, на площадке, украшенной китайскими фонариками, кружились в вальсе юные подпоручики и поручики.

После гибели друга у Кутепова никогда больше не было столь близкого товарища. Юность кончилась.

Максим Леви был убит наповал пулей в висок. Кутепов написал письмо его матери с горькой вестью, утешил, как мог, и признался, что не хочет верить в его смерть.

Прежде чем побывать в Новгороде у матери погибшего, надо было проехать по охваченной волнением Сибири.

Кутепов едет отдельно от полка. Он назначен в особую команду, посланную в Россию для обучения новобранцев; такие же команды, выделены и другими полками. "На обратном пути, - вспоминал один из его сослуживцев, - Кутепов впервые сталкивается с революцией. Не то в Чите, не то в Иркутске объявлена республика - одна из тех, которыми в злосчастный 1905 год лихорадило заболевшую страну. Начальство растерялось и ушло".

Что делать? На Кутепове - эшелон. Стоять и ждать невозможно, надо прорываться. И он берет на себя всю ответственность, не боясь ничего. Во главе нескольких нижних

чинов он арестовывает стачечный комитет и требует пропустить эшелон.

Пропустили.

У Кутепова была власть. Особая власть человека, который знает, что его может остановить только смерть.

До столицы добрались благополучно.

Прибывшие отряды представлялись императору, и из его рук подпоручик получил за фронтовые отличия боевой орден - Святого Владимира с мечами и бантом. Через двенадцать лет, в охваченном смутой Петрограде полковник Кутепов вспомнит эти минуты, когда во главе маленького отряда попытается переломить ход событий. Его дело - не политика, его дело - воевать до победы. "Что ты наделал, Государь? Почему это допустил?"

После представления он приехал в Новгород к матери Макса, передал землю с могилы, китайские игрушки для младшей сестренки. Он испытывал какую-то неловкость, словно был виноват в том, что он остался жив. Но что тут поделать?

С той поры Кутепов постоянно заезжал в Новгород, словно выполнял долг памяти, и однажды признался матери друга: "У вас нет сына, а у меня нет матери". Он не забывал ее до конца жизни, постоянно писал ей письма, последнее датировано двадцать третьего января 1930 года, то есть за два дня до гибели.

Итак, начался петербургский период службы. Произведенный в поручики Кутепов был сперва прикомандирован, а затем и переведен в старейший полк Петра I - Лейб-гвардии Преображенский и назначен в учебную команду, готовить унтер-офицеров. О таких школах сегодня мало что известно, а унтер-офицеров того времени долго и плодотворно наша литература изображала дубиноголовыми молодцами. На самом же деле это совершенно не так, и лучшую характеристику полковым учебным командам дал маршал Жуков, сам закончивший таковую. Да и многие наши маршалы не миновали ее строгих наук.

В России призывали в армию с двадцати одного хода. В основном крестьян, православных, русских - то есть великороссов, малороссов, белорусов.

Конечно, призывали и других - протестантов, католиков, мусульман; рядом с православными военными священниками добрососедски служили пасторы, ксендзы, муллы. Но в данном случае - это к слову. А главное то, что сам Кутепов только на три года старше своих учеников. Он помнит гимназический поход с солдатами, их добродушие и приветливость. И начинает с новобранцами терпеливо, как и следует настоящему учителю.

Чего чаще всего недостает русскому человеку? Терпения,

выдержки и дисциплины.

Что он чаще всего принимает за слабость и начинает с лукавством использовать? Либерализм и снисходительность начальника.

Например, один из руководителей белого движения генерал Деникин, будучи командиром роты, в силу своего демократизма довел роту до плачевного состояния и был отстранен от командования.

У Кутепова подобных ошибок не было. Он начинал так. Сначала терпеливо и по нескольку раз объяснял новичку все, что от того требуется. Потом совершенно спокойно и как само собой разумеющееся указывал на совершенные им погрешности, затем начинал предупреждать, что после определенного, времени станет налагать взыскания за самую незначительную оплошность. В конце концов срок этот наступал, и помощник начальника учебной команды делался непреклонным. За каждую провинность - соответствующее дисциплинарное наказание, причем никаких снисхождений, никогда.

Неловко отдал честь? Изволь простоять несколько часов с полной выкладкой под ружьем. Не так ответил - наряд вне очереди. И без никаких "войти в положение", "пожалеть".

Как будто Кутепов здесь переставал быть русским. Закон становился выше обычая и традиции.

Да, Кутепов поднимался выше национального обычая, надо это признать. Как, собственно, поднимались все, кто хотел служить Отечеству.

Это сложный вопрос - сохранение верности национальному, своему родному. Как не стать рабом национального? И как не превратиться в равнодушный механизм?

Была ли для Кутепова подобная опасность? Со всей определенностью надо ответить: нет. Уважая воинскую дисциплину, иерархию чинов и званий, внешние формы армейской системы, он внутренне оставался так же близок солдатам, как и во времена гимназического похода. По воскресениям и в праздники Кутепов брал своих новобранцев и водил в театры, музеи, картинные галереи, показывал и рассказывал все об искусстве и истории. Из строгого офицера он делался подлинным учителем.

Не оставлял он их и по ночам. Точно так же, как в детстве, заставлял себя вставать среди ночи и идти в казармы, смотреть, что происходит там в ночную пору.

Он не был карьеристом. Большая карьера ему не светила в силу несветскости, отсутствия связей, провинциальности. Возможно, к концу жизни Кутепов мог превратиться в

своеобразный тип лермонтовского Максим Максимыча, состарившись и подобрев. Не окончив Академии Генерального Штаба, куда он и не собирался поступать, вряд ли можно было продвинуться выше должности командира батальона. Так что, послужив в гвардии, Кутепов мог еще перейти в какой-нибудь провинциальный полк, даже стать его командиром. И все.

В Наполеоны он не метил.

Его служба идет очень ровно. Он растет медленно, укореняясь в службу: помощник начальника учебной команды, начальник пулеметной команды, начальник команды разведчиков, командир роты, начальник учебной команды.

Такие упорно тянут свою лямку, ничего не переворачивая.

Это качество прекрасно понимали старые унтер-офицеры, настоящие служаки, чуявшие за версту суть любого офицера. Один из таких, заслуженный унтер, любил обучение солдат сопровождать действием кулаков. Кутепов заметил это и говорит, что солдат согласно уставу звание почетное, и надо соответственно с уважением к нему относиться. Унтеру ничего не оставалось, как согласиться с таким рассуждением. Но он не был бы заслуженным унтером, если бы изменил себе. Он переменил только форму своего поучения и сделал это не без тяжеловесного изящества. Когда, к примеру, шел солдат в отпуск и являлся к нему, то он его оглядывал с головы до ног, строго следя за тем, все ли пригнано, вычищено, и вдруг замечал, что сапоги не чищены. "Что ж ты сапог не вычистил? Лейб-гвардеец, преображенец, а спинку себе натрудить побоялся... Что ж, я, старый унтер-офицер, так и быть уважу тебя, молодого солдата... Ставь ногу на лавку... Ставь, приказываю тебе!" - Проговорив такую речь, брал унтер щетку и начинал чистить сапоги. А в это время локтем заезжал солдату то в бок, то в живот. Вроде бы случайно.

Кутепов однажды застал эту сцену и предупредил: ты бы полегче чистил.

Унтер-офицер понял, но возразил: никак нет, ваше благородие, солдат звание почетное, оно лежит даже на первых генералах, то я и равняюсь на них, чтоб у них завсегда сапоги блестели.

История не доносит до нас конец этой забавной картины, в которой переплетены патриархальность, добродушие, неприятие методов молодого офицера. И, конечно, упорство заслуженного унтера.

Зато история преподносит нам подобную же картину, в которой главными действующими лицами были молодые офицеры, а не старорежимный дядька.

Кутепов слыл в полку самым строгим и "отчетливым" офицером. Своих младших товарищей он часто за свершенные оплошности именовал полушутливо-полуукоризненно: "Эх, Федора Ивановна!"

Не по уставу. По-домашнему.

А молодежь его возьми да подкузьми: однажды явились к нему на квартиру и преподносят именинный пирог. С чего бы? Никаких праздников Кутепов не отмечал. Ему объяснили с улыбкой: да сегодня день Святой Федоры, вот мы и поздравляем.

Кутепов понял, что это шутка, и тотчас вернул ее, пригласив всех Федор Ивановн откушать именинного пирога. Господа офицеры не растерялись тоже, сели за стол, и пирог преобразовался в воспоминание.

Разумеется, в каждой шутке есть и доля шутки. Но и доля прямой, лобовой правды. Гвардейская молодежь легонько подкусывала образцового офицера.

Его облик ясен всем. Это монархист, консерватор, человек сильной воли, классический представитель могучей армейской организации, которая призвана как раз охранять. Либерализм, противоречащий этой задаче, ему безусловно глубоко чужд.

Пока Кутепов обучает новобранцев, готовит из них железных гвардейцев, готовых отдать жизнь за царя и Отечество, российская жизнь поворачивается все больше в сторону либерализма. Не надо, впрочем, думать, что крестьяне, купцы, предприниматели, помещики, дворянская аристократия так уж пронизаны этим либерализмом: Нет и нет. Но с другой стороны...

С другой стороны крестьянам тесно в рамках земельной общины, она уравнивает всех, сильных и слабых, трудолюбивых и ленивых; она национальна по своей природе, ибо живет идеей равенства всех перед внешним миром, равной ответственности в оплате налогов, в защите слабых; она - оплот монархии, оплот православия, оплот консерватизма. Разрушить общину - это разрушить русскую крепость, которую не смог взять ни один враг.

Но! "Та картина, которая наблюдается теперь в наших сельских обществах, та необходимость подчиняться всем одному способу ведения хозяйства, необходимость постоянного передела, невозможность для хозяина с инициативой применить к временно находящейся в его пользовании земле свою склонность к определенной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россию". Это из речи П. А. Столыпина в Думе "Об устройстве быта крестьян и о праве собственности" от десятого мая 1907 года. В приведенных словах предостережение против национализации всей земли, как то предлагали социалисты.

Но нас прежде всего интересует его оценка общины. Вот она:

"... необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная".

Столыпин - против общины. Он за собственность земли, а собственность, безусловно, разрушит общину, прекратив общее владение землей.

Но как же тогда быть с самим российским государством, которое опирается на общинные порядки? Конец монархии?

Несомненно, это конец прежней монархии, конец прежней России.

А Кутепов? Он тоже обречен?

И Кутепов.

Все обречены переродиться или погибнуть. Их ждет страшное будущее. Мы, глядя из нашего времени, из последнего десятилетия двадцатого века, должны понимать тех людей особенно остро, ибо наша судьба созвучна их судьбе.

Однако скромный штабс-капитан еще далек от предчувствий конца света. Он может повторить вслед за Николаем II, что "относится к самодержавию как к догмату веры, как к своему долгу, которого ни в целом, ни в части уступить никому не может". Это означает: никаких конституций, никаких демократических уступок.

Единственный реформатор, Столыпин вопреки охранительной позиции императора и вопреки революционной практике оппозиции проводит методичный курс на постепенные преобразования.

Монархия - это не сказочный сон Николая II, монархия еще жива и нужна государству, чтобы под сенью ее крепости провести необходимые перемены. Потом, когда общество укрепится, можно будет поставить перед ним вопрос, какой вариант конституционной монархии больше подходит.

Царь, разрешив законодательную Думу, уже сделал первый шаг к конституционной монархии. Россия, скрипя, повернула на новый курс. Приняв закон о свободном выходе из общины, Столыпин повел государственный корабль в новое неизвестное будущее.

Сколько было разбито сердце при этом повороте! "Измена", "предательство", "обман", - вот некоторые возгласы

добропорядочных подданных, раздавшиеся в столице. Правоверные монархисты видели вынужденную уступчивость государя и жаждали возвращения на обратный курс, с упразднением Думы и земельной реформы. Их противники, кадеты, эсеры, социал-демократы отдавали себе отчет в том, что судьба революции зависит больше всего от "успеха или неуспеха" новой политики.

А военные? Военные мрачно молчат. Они не понимают, что происходит.

По сути происходит медленный государственный переворот, замена правящей верхушки, дворянской, на демократическую, абсолютной монархии - на конституционную, помещичьего землевладения - на крестьянское. Но к чему придерешься, если все это санкционировано государем-императором?

После роспуска Первой и Второй Дум наконец устанавливается стабильность во взаимоотношениях между Николаем II и Столыпиным с одной стороны и с парламентским учреждением России. На все предложения обойтись без Думы, вообще упразднить ее Столыпин отвечает категорическим отказом. Пророчество русского историка В. О. Ключевского, сделанное после роспуска Первой Думы о том, что "династия прекратится, Алексей царствовать не будет", могло не сбыться, ибо думская монархия все более определенно продвигалась в сторону парламентского правления.

Даже кровавая борьба за власть, террор боевой организации эсеров, около двадцати тысяч погибших в результате этого террора не могли повернуть историю вспять.

Отсудили свое военно-полевые суды, усмирили смуту карательные экспедиции, вдовы и сироты оплакали - одни казненных террористов и разбойников, другие - убитых офицеров, чиновников, обывателей.

Первый акт русской смуты завершился.

Перемены были огромны. В пылу борьбы мало кто мог это осознать. Полученные после 1905 года гражданские свободы превращали Россию в новую страну.

Теперь законы и бюджет утверждались в Думе и Государственном Совете, а после этого - царем.

Положение печати резко изменилось, была отменена предварительная цензура, получили возможность выходить газеты резко оппозиционного толка, кадетские, большевистские и другие. Можно было писать обо всем, кроме призывов к бунту в войсках, богохульства и оскорбления государя, свобода общественной жизни выражалась в разнообразии партий, союзов, разрешении проводить митинги и собрания.

Россия становилась европейской по форме власти страной.

Эти десять лет думской монархии, подкрепленных в экономическом плане ускорителем столыпинских реформ, остаются до сих пор великой тайной мировой истории, а еще больше - нашей национальной тайной, сокрытой от нас железным занавесом леворадикального эксперимента. Эти десять лет были для России тем допустимым пределом свободы, которая, по выражению Бисмарка, "существует для всякого государства и превышение которой быстро приводит, через анархию, к утрате всякой свободы".

Но военные?! Гвардейцы, которые свергали с престолов российских императоров и возводили новых?! Они, безусловно, помнили неприятный случай, бывший в пору смуты именно в Преображенском полку, когда 1-й батальон в лагере под Красным Селом заявил претензии, что было равно возмущению. Батальон расформировали, офицеров из гвардии перевели в армию. На его место сформировали новый, набрав офицеров из армейской пехоты. (Тут следует добавить, что именно поэтому наш герой оказался в гвардии!)

Но помня о небольшом инциденте, гвардия не сомневалась в своей преданности трону и никаких перемен не желала. С особым шиком привел Кутепов свою команду на один из петербургских заводов, где рабочие пытались остановить производство и забастовать. Штабс-капитан никого не запугивал и не разгонял, он только скомандовал несколько строевых приемов, которые были исполнены с поразительной четкостью и мощью отлаженного механизма, после чего на заводе воцарился порядок.

Военные стояли на страже государственного порядка. Ни о каком их вмешательстве в этот порядок не могло быть и речи. Для страны, только что пережившей революционную смуту, главным было обретение спокойного хода. Недоуменно оглядываясь на перемены, ворча на Думу и непонятно откуда взявшиеся партии, военные тем не менее честно несли службу. Они не могли отвернуться от государства.

Они в тяжелом положении, ибо общество, тонкий и властный слой интеллигенции, - против них, считает царскими сатрапами, палачами свободы, тупой силой самодержавия. Они и ответить по-настоящему не могут. В смысле газетно-журнальной публицистики они не разговорчивы. Народ безмолвствует. Здесь у Кутепова и его товарищей жизнь перекликается со Столыпинской.

Но вдруг произошло чудо! Безмолвные офицеры получили мощную поддержку. Весной 1909 года появился сборник статей о русской интеллигенции "Вехи". Он взорвал оппозицию изнутри. Это был целый обвинительный акт и предостережение о том, что

интеллигенция ведет страну в пропасть.

Среди авторов сборника не было защитников самодержавия, наоборот они представляли левые либеральные круги, не связанные ни имперскими интересами, ни национальным чувством.

"Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность ему, - писал в статье "Интеллигенция и революция" Петр Струве. - ...Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика... в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции - ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции".

Столкнулись две силы.

Первая сила была национальной, вторая - вненациональной.

Поэтому не случайно, что Столыпин погиб от руки Богрова, анархо-коммуниста по взглядам. Еврейское происхождение убийцы в данном случае играло только второстепенную роль, как и русское, например, происхождение Каляева, убившего великого князя Сергея Александровича. Убийцы принадлежали к героическим, аморальным типам. К бесам русской истории. Это было рабство идеологии, "обескровленной идеи" (М. Гершензон).

Кутепов мог и не знать и даже ничего не слышать о яростном споре, развернувшемся вокруг "Вех". Левые газеты подняли большой шум, кадеты во главе с П. Н. Милюковым даже выпустили ответный сборник статей. Троцкий назвал "Вехи" "коллективным плевком". Но окружение штабс-капитана, петербургская гвардия, высшее общество, безусловно, почувствовали перемену.

Россия сдвинулась в сторону живой жизни. В 1909 году собран небывалый урожай, вывоз русского хлеба за границу достиг рекордного уровня в 748 миллионов рублей. В промышленности царило большое оживление. Налицо были все признаки выздоровления.

Закончилась внутренняя смута. Еще равновесие было шатким, еще революционные партии надеялись на реванш, но главного горючего материала революции, земельного вопроса, больше не существовало.

Оставался, правда, другой, вечный для России вопрос, перекликающийся с отщепенством интеллигенции. Это - полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, то есть ко всей той половине русской земли, которая не народ. Оставалась вторая Россия.

Столыпин только начал проникать в ее глубины при помощи земства и самоуправления, надеясь, что разрыв власти и народа, разъявший страну с петровской эпохи, благополучно зарастет.

Пока еще бесконечно далеко до той пропасти, куда все рухнет. "Черносотенный деспотизм высших классов", "черносотенный анархизм низших классов", "красное черносотенство" - все эти крайности отечественной жизни, разные обличья одного и того же зла, существуют на окраинах российского бытия.

Пока же идет быстрое нарастание положительных начал. Вместе с выдающимися русскими перво-летчиками поднимается думская империя в небо, вместе с полярными исследователями утверждается в Арктике.

На глазах Кутепова растет мощь военных сил. Простые люди жертвуют рубли на строительство кораблей. Спускаются на воду четыре дредноута. Резко поднимается финансирование народного образования. Скорость экономического роста России становится самой высокой в мире.

Присылали свои донесения военные агенты Англии, Германии, Японии, Франции, Австро-Венгрии - о российских переменах.

"Это были скверные годы, эти годы торжества победителей" (Л. Троцкий).

Для кого скверные, а для кого прекрасные. Соединение культурной Великой России и народной Святой Руси становилось возможным в оговоренные Столыпиным двадцать лет покоя.

Они могли быть, эти двадцать лет.

Почему вместо них мы получили грандиозный эксперимент гибели нашей родины, государственность которой с дикой мстительностью разбила вторая Россия?

На этот вопрос Кутепов еще будет искать ответ. И найдет для себя.

Собственно, в этом человеке никогда не было самоубийственного для русского народного самосознания противоречия. Он не разделял свою жизнь на две части - жизнь и веру, не вдавался в мечтательно-просветленный отход от трагических трудностей, как то случилось у многих.

А ведь именно этот отход народной веры от суровых реалий бытия вызвал на поверхность нашей истории грозный материалистический реализм, вседозволенность, использование зла в достижении цели.

В 1912 году Кутепову было суждено пережить тяжелое испытание: умер отец, и забота о младших братьях и сестрах полностью легла на него. Их надо было воспитать, выучить,

заменить отца. На холостого небогатого офицера легла трудная ноша долга.

Как он выкручивался, искал деньги, время, об этом можно только догадываться. Гвардеец жил спартанцем, ограничивал себя во всем. Основная христианская заповедь: "Возлюби ближнего, как самого себя" исполнялась им без раздумий и колебаний.

Подрастали сестры и братья, благополучно продолжали учение на высших женских курсах, в университете, Санкт-Петербургском военном училище. Часто Кутепов сидел с младшими над учебниками, готовил их к экзаменам.

Может быть, это время было для него самым дорогим? Пора найти невесту, пора поступать в Академию Генерального Штаба, пора выходить из узкой военной среды...

Кутепов же занят другим.

Он служит Отечеству. Он заменяет отца младшим братьям и сестрам. В его душе слиты воедино вера и жизнь.

Каким будет ему воздаяние?

Он не ждет никакого воздаяния. Он живет.

Вокруг него происходит невиданная перемена, мало кем, впрочем, замечаемая.

Пока штабс-капитан в гостях у сестер, в компании студентов и курсисток, поддразнивает их своим правоверным монархизмом, а они именуют его верность "черносотенством", в это время Россия становится иной.

Подъем благосостояния. Развитие кооперации. Рост урожаев. Расширение народного образования. Земледельческий прогресс.

Старый "пугачевский" социализм отходил в прошлое. И хотя Столыпин уже покоился в Киево-Печерской Лавре, в стране укреплялась основа здорового развития, опирающаяся на крестьян-собственников.

Кутепов слушает дерзкую молодежь, посмеивается...

Он уверен в том, что хорошее, родное, русское возьмет верх.

Санкт-Петербург. Угол Финского залива. Дальше - Кронштадт, крепость и флот. Еще дальше Балтика, Северное море, Германия, Англия, Франция.

А здесь - Россия.

Англия воевала с Россией только однажды, в Крымскую войну, после чего Россия уже никогда не возносилась на былую высоту. В других же войнах и конфликтах "владычица морей" со стороны искоса наблюдала за российскими попытками прорвать турецкие запоры на Босфоре и Дарданеллах и за борьбой на Дальнем Востоке.

В Крымской, русско-турецкой, русско-японской войнах, в боснийском конфликте 1909 года, в Балканских войнах 1912-1913

годов Англия стояла на страже своих интересов. Против России.

Однако усиление Германии, ее обширная морская программа и продвижение в зоны интересов Англии поставили перед последней серьезный вопрос: кого считать главным соперником?

Политика России выглядела так: союз с Францией, хорошие отношения с Германией, сдержанные - с Австрией, соперничество с Англией повсеместное, неприязненные - с Японией.

По инициативе Англии завязались переговоры по Тибету, Афганистану и Персии. Они шли в глубокой тайне, завершились подписанием в августе 1907 года соглашения, разделившего сферы влияния. Противостояние в Азии "медведя" и "кита" заканчивалось. К чему это должно было привести?

Все понимали: последствия должны проявиться прежде всего в Европе. Мало кто, впрочем, догадывался, что Англия начала политику окружения Германии, которая в конце концов высекла искру войны.

Именно в 1907 году началось расхождение и охлаждение между Петербургом и Берлином.

Россия отворачивалась от азиатских просторов, поворачивалась к европейским разломам. Либеральная интеллигенция приветствовала перемену, видела в сближении с Англией путь к "демократии", тогда как в дружбе с Германией - "реакцию".

Этот поворот вскоре должен был определить и судьбу Кутепова, а затем и перевернуть весь мир. Огромный маятник качнулся от маньчжурских границ к галицийским и прусским.

И вот что поразительно! Николай II и Столыпин стремились укрепить государственные позиции в Азии, что и позволяло очень выгодное англорусское соглашение, Столыпин даже употребил в думской речи о проекте Амурской железной дороги сильнейший образ истекающего кровью двуглавого орла, у которого отсекли обращенную к Востоку голову. Но несмотря на такую позицию двух главнейших руководителей России, ее внешняя политика получила иное направление.

На Царьград!

Конечно, никакого Царьграда вслух не называли, но направление указывалось то самое, старинное, уже залитое кровью и осененное былой славой.

"Для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область - весь бассейн Черного моря, т. е. все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю". Так писал Петр Струве в "Русской мысли" в начале 1908 года.

Маятник достиг предела и обрушился.

Тогда мало кому могло прийти на ум воспоминание о переустройстве европейских союзов, начатое тринадцать лет назад. Ужасная Германия, пугавшая морского властелина, и страшный царизм были обращены из великанов в жалких карликов. "Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев ради выгоды англосаксов", - признался адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях.

Если бы в наших руках оказалась машина времени и мы бы перенеслись в те времена, когда принимались перевернувшие нашу жизнь решения! Мы, конечно, остановили бы германского канцлера Бетман-Гольвега, наивно полагавшего, что Англия не примет участия в военных действиях из-за Сербии. Мы поддержали бы колеблющегося Николая II не желающего начинать войну и объяснили бы "военной партии" в Петербурге, что благоразумнее повторить еще раз вариант "боснийского кризиса", в котором Россия воздержалась от крайних мер, чем ставить на карту судьбу страны. Мы бы сделали все, чтобы спасти Россию. И тогда история двадцатого века пошла бы по другому пути. Без Ленина, Сталина, Гитлера, без возвышения Соединенных Штатов. И с другой Россией.

Сегодня нам остается только мечтать о машине времени! Мечты эти, увы, несбыточные, но что бы мы сказали, если бы узнали, что еще до начала войны существовал документ, предупреждавший обо всех основных грядущих потрясениях?

В феврале 1914 года П. Н. Дурново, член Государственного Совета, консерватор по взглядам, представил Николаю II записку. Вот ее разделы:

1. Будущая англо-германская война превратится в вооруженное столкновение между двумя группами держав.

2. Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные Россией в результате ее сотрудничества с Англией.

3. Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются.

4. В области экономических интересов русские польза и нужды не противоречат германским.

5. Даже победа над Германией сулит России крайне неблагоприятные перспективы.

6. Борьба между Россией и Германией глубоко нежелательна для обеих сторон, как сводящаяся к ослаблению монархического начала.

7. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть.

8. Германии в случае поражения предстоит перенести не меньшие социальные потрясения.

9. Мирному сожительству культурных наций более всего угрожает стремление Англии удержать ускользающее от нее господство над морями.

Дурново предвидел весь ход катастрофы: "Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи - будем надеяться, частичные - неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная борьба против него... в стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремление к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению".

Кажется, Дурново излагает сценарий грядущих событий!

И косвенно подтверждает правильность проводимой Столыпиным земельной политики. Но Столыпина уже нет. Удержать страну от военного похода в пропасть - некому.

Дурново делает вывод об искусственности "Тройственного согласия", будущее за другим союзом - России, Германии, примиренной с ней Франции, и связанной с Россией оборонительным союзом Японии. Это не сбылось. (Но подводный материк такой комбинации существует и до нашего времени.)

Особую роль сыграла и отечественная печать, стремившаяся показать "реакционной" Германии, что Россия относится к ней враждебно и тяготеет к "демократическому Лондону".

В результате - "исход не поддается даже предвидению".

Вот какие дали открываются из столицы могущественной империи. Сюда прибывают специальные комиссии из Франции и Германии, изучают экономический подъем, предсказывают гегемонию России в Европе к середине века.

Летит время. Растет Россия. Служит штабс-капитан.

С началом войны учебная команда Преображенского полка

была расформирована, и Кутепову предстояло нести службу в запасном батальоне, обучать новобранцев, Он же подал рапорт о направлении на фронт.

Четырнадцатого августа 1914 года полк выступил в поход. Кутепов командир 4-й роты.

Двадцатого августа к юго-западу от польского города Люблина, у села Владиславово происходит первый бой. Кутеповская рота - в головном отряде. До этого дня наступали австрийцы, но преображенцы сминают их, теснят, вынуждают к поспешному отступлению. Кутепов бежит в солдатской цепи. Где еще находиться ротному? "Вперед, ребята!", - кричит он. И вдруг кто-то бьет его будто палкой по левой ноге. Он падает, не понимает, что случилось, пытается встать - не может. Ногу заливает кровью, кость перебита. Что это?

В первом же бою? Ему еще не больно. Горячка боя не отпускает его.

Он не замечает, что атака отбита, что австрийцы переходят в ответное наступление. А когда замечает, они уже близко. Он поднимает с земли отброшенный при падении револьвер. Пусть подойдут поближе. Живым он не дастся.

Но было бы слишком просто для него уйти в лучший мир в первом же бою. К нему подползли раненые преображенцы и поволокли его к своим. Он ободрял их, даже пошучивал сквозь зубы.

В ноябре Кутепов вернулся из госпиталя в полк. К той поре война уже приобрела черты обыденности: горечь героического поражения в Восточной Пруссии, когда ценой армии генерала Александра Васильевича Самсонова были отвлечены от Парижа крупные германские силы, уже забывалась, а успехи против австрийцев и взятие Львова согревали душу.

Война уже обнаружила, что в ее глубине перекрещиваются разные народные течения, верхние, нижние, видимые и невидимые постороннему наблюдателю.

Вот дневник солдата Штукатурова. Сквозь его строки как будто проглядывают образы патриархальных богатырей, питавшихся силой родной земли. Даже сама смерть Штукатурова передана с эпической простотой: солдат носил с собой надписанную почтовую открытку с адресом семьи, там было написано: "Я убит ...числа". Однополчанам лишь оставалось поставить дату гибели.

Начинается дневник описанием прощания солдата с семьей и родными могилами:

"Ночью жена плакала, но я, как мог, старался успокоить ее, пускаясь в некоторого рода философию. Проснулся я в два часа

ночи и стал собираться. Грустно делалось на душе при мысли, что все эти дорогие лица, быть может, вижу в последний раз. Поставили самовар, приготовили яичницу со свининой, но есть ничего не хотелось. Разбудили дочурок. Я попросил мать благословить меня. Пошли слезы и причитания как жены, так и матери.

Сам по себе я не стал бы плакать, но я не могу смотреть на слезы других, в особенности дорогих, близких сердцу людей. Тщетно хотел я удержаться от слез, нервы не выдержали, и я заплакал... Мать, плача, благословила меня иконой святого Николая Чудотворца, я в свою очередь благословил деток иконой пресвятой Богородицы. Жена так расплакалась, что я не знал, что делать, чтобы она успокоилась.

Дети подняли громкий плач.

...Когда строения деревни стали исчезать за горой и мы миновали свое поле, то я еще раз посмотрел на все это. Ехать было хорошо: не было пыли и грязи, дождь перестал накрапывать. В Самуйлове я решил сходить на могилку отца и с прахом его проститься. Жена тихо поехала по дороге, я пошел на кладбище, где, преклонив колена, помолился за упокой его души, а также попросил благословения на мой дальнейший опасный путь".

В этих строчках все дышит простотой и силой духа. Нет ни слова о страхе смерти, зато есть покорность, сознание долга, даже возвышенность. Уходящего на войну человека благословляет мать, он оставляет свое благословение детям, и, простившись с земным, личным, обращается за поддержкой к памяти ушедших, к самой матери-земле. Наверное, он, прощаясь с отцовской могилой, обращался и к небу, и к ветру, и к траве. Это не солдат, а крестьянин с былинным сознанием поклонился на все четыре стороны света. Он перетерпит всю тяжесть войны, он вытащит из-под огня раненого товарища, он верит в царство Божие и поэтому ничто ему не страшно.

Штукатуров - духовный брат Кутепова. Они одной породы, хотя разных слоев.

Вот еще один их собрат, армейский подполковник Николай Иванович Соболевский. Его показания рисуют горькую картину того, как встречал смерть русский офицер:

"5 октября 1914 года в Восточной Пруссии я, командуя 8-й ротой, получил приказание атаковать деревню Соболей своей и 7-й ротой... Ввиду того, что это было днем (около 2 часов дня) и местность на всем расстоянии между нашими окопами и деревней не имела укрытий, я решил атаковать быстрым, насколько возможным, движением вперед, дабы не дать возможности противнику пристреляться... Мы шли настолько

быстро, что три или четыре стены неприятельских снарядов дали перелет и лишь один разорвался среди нашей цепи. Отойдя около версты, я получил шрапнельные раны, две в левую ногу, три в правую ногу и одну в локтевую часть левого предплечья; я продолжал вести роты вперед; шагах в 200 от неприятельского окопа я снова был ранен ружейной пулей в левое плечо навылет, но с криком "ура" бросился вперед, задыхаясь от быстрого бега. Я широко раскрыл рот и уже на бруствере окопа был ранен ружейной пулей, которая, раздробив мне всю правую половину верхней челюсти и выбив три зуба в нижней, вышла в затылок у сонной артерии. Когда я пришел в себя... ко мне подошел немецкий офицер... на мою просьбу перевязать меня офицер, ничего не ответив, вынул нож... увидев ужас в моих глазах, он покачал головой и сказал: "<?>" (стыдно). Отрезав погон, офицер положил его в карман и ушел. Через некоторое время тот же офицер вернулся с другим, имевшим повязку Красного Креста... Он поднял мне голову (у меня все это время беспрерывно текла кровь изо рта и затылка), кровотечение усилилось, и врач, опустив мою голову на землю, громко сказал: "<?>! <?>" (он сейчас умрет). Офицер... взял мою правую руку и сказал: "<?>, Kamrad!" (прощай, приятель). Я снова стал терять сознание... Подошел солдат, взял меня за ноги... Очнулся я уже вечером от толчков и тормошения... Около меня копошились три германских солдата... Они вынули у меня из кармана бумажник с деньгами (225 р.), срезали шашку, револьвер, бинокль Цейса, сумку офицерскую, часы, расстегнули воротник, оборвали шейную цепочку и сняли ее с образками С. Иннокентия и Спасителя. Когда старший из них обрезал и снял флягу, я, т. к. мне очень хотелось пить и тошнило (три раза вырвало кровью), обратился к унтер-офицеру со словами: "<?>" (дайте мне флягу с водой, я хочу пить).

...Унтер-офицер ударил меня с силой каблуком в нос... а затем приказал одному из солдат приколоть меня... Солдат ударил меня тесаком по шее, прорезал воротник шинели и ранил шею, но позвонков не задел. Я вновь потерял сознание и пришел в себя уже ночью. Шел дождь... Страшно хотелось пить; я попробовал ползти и пополз, теряя сознание через каждые 6-7 шагов... Утро застало меня в канаве на картофельном поле. День я пролежал в полубредовом состоянии... а ночью снова принялся ползти... Я мог пользоваться только правой рукой и коленями, левая же рука была совершенно лишена способности действовать, плечо и локоть распухли. На третий день я был замечен своими и вечером поднят..."

Такие, как Соболевский и Штукатуров, шли и шли навстречу

огню. Их убивало, но они вставали и снова шли.

В марте 1915 года Кутепов снова был ранен осколком гранаты в правую ногу. На этот раз кость цела, и через несколько недель он снова на фронте. Но это уже другой фронт. Отступление. Удар германских армий в районе Дунайца прорвал фронт, началось долгое выдавливание русской армии из Карпат. Не хватает снарядов. Запасы мирного времени кончились, промышленность не успевает восполнять расход. Потом это обстоятельство оппозиция использует для обвинения правительства в измене, подтвердив тем самым пророчество Дурново. Никакой измены, конечно, не было.

Девятнадцатого июля Кутепов произведен в капитаны. Двадцать седьмого у деревни Петрилово Ломжинской губернии разражается сильнейший бой. Тяжелые орудия германцев крушат оборону преображенцев. С ужасным скрежетом, будто по небу прет железнодорожный состав, бьют тяжелые снаряды. От передовой, 3-й роты остается один взвод. Немцы идут в атаку и начинают охватывать левый фланг полка. Кутепов со своей 4-й стоит в батальонном резерве и все это видит. Но нет приказа действовать. 3-я рота погибает. Еще несколько минут и будет поздно.

- Вперед, ребята! - командует капитан и бросается в контратаку.

Немцы уже захватывают окопы.

Кутепов успевает в центре позиции опередить их. Воздух шевелится от пуль. Но никому не страшно. Смерть вплотную подступает к нему, уже заносит над ним свою косу. А капитан будто ослеплен. Что-то бьет его слева в пах, опрокидывает на землю. Подбегают санитары. Он ранен. Его кладут на носилки, собираются унести.

- Опустите! - велит Кутепов.

Ему больно. Он зажимает рукой пах и другой рукой указывает на занятые противником окопы. Там еще надо помучиться. Бой продолжается. Немцев выбивают штыками. Кутепов не знает, сколько ему остается жить. Но пусть сперва выбьют их оттуда, а потом душа оставит его тело. Не он первый, не он последний. Мимолетно вспоминается тот животный страх, который обуял его на маньчжурской сопке, когда он спустился к убитому японцу.

Ура! Окопы очищены!

И все. Сейчас его поднимут и понесут. Несут. Он еще на что-то надеется, но нет, чудес не бывает. Он ранен, рана тяжелая... Полегло две трети его роты.

Но прорыв закрыт. Позиция за нами. Слава Богу!

Эта инициатива Кутепова остановила успех немцев и задержала на несколько часов наступление целой Баварской дивизии. О Кутепове заговорили в Гвардейском корпусе. За петриловский бой он был награжден орденом Святого Георгия.

Вскоре, двадцатого августа был убит капитан Баранов, командир Государевой роты, не пригибавшийся и не ложившийся при перебежках, ибо считал, что коль у него на погонах царские вензеля, он не имеет права кланяться пулям.

Кутепову было суждено его сменить.

А пока его везут в госпиталь, где он знает, будет много молодых хороших русских людей, которым отрезают руки и ноги, которым не страшно умирать, и хочется жить, и они смотрят, смотрят на сестер милосердия с кроткой улыбкой, веря, что их не забудут, или же, когда впадают в беспамятство, стонут в бреду слова полкового марша, как выстонал их смертельно раненый еще в первом августовском бою 14-го года преображенец Чернявский.

Солдат выбывало много-много больше. Это иной мир, еще близкий офицерам, но уже отдаляющийся.

Бой за боем уходили отборные защитники империи, на смену им трудно было найти достойных. Начинали войну дворяне, десятилетиями воспитывавшиеся в кадетских корпусах и юнкерских училищах, заканчивали - прапорщики ускоренных выпусков, вчерашние гимназисты, реалисты, студенты, чьим политическим идеалом была буржуазная республика.

Об офицере первого типа писал генерал Краснов так: "Лежа в ста метрах от противника спокойно говорил по телефону батальонному командиру: "Достреливаем последние патроны. Нам остается одно: встать и атаковать". Или: "Прошу прислать заместителя, я убит".

Но Кутепову еще рано погибать. Убьют осенью 1916 года Штукатурова, сметет огнем сотни тысяч русских героев, а "черный капитан" останется жив.

Во время Брусиловского прорыва в тяжелых боях на реке Стоход, где была растрачена гвардия, Кутепов отличился. Гвардия атаковала на открытых пространствах хорошо укрепленные позиции, идя по болоту по колено в воде, лишенная возможности даже прилечь, не то что окопаться.

Она славно дралась и гибла, не зная, что вскоре за ней отверзнется зияющая пустота.

Особенно памятным для Кутепова был бой седьмого сентября.

Накануне весь день до рассвета гремела артподготовка, а в пять часов утра Семеновский и Измайловский полки атаковали и

выбили немцев из нескольких рядов укреплений. Однако между полками образовался довольно значительный разрыв, с правого же фланга семеновцев не поддержали соседние части. Поэтому следующая фаза боя - за противником. Он проводит две стремительные контратаки, обходя семеновцев справа, а измайловцев слева.

Контратаки отбили, употребив резервы. Но наметилась третья контратака на северную опушку Свинюхинского леса, в тыл измайловцам и введенному в дело Егерскому полку.

Дошел черед до Кутепова. Он стоял на этом участке со своим 2-м батальоном. Его и выдвинули исправлять положение.

Гвардейские цепи быстро пошли вперед. Редко кто видел такую стремительную атаку. Она была красива и ужасна, как борьба человеческого духа со страхом смерти. Едва передовая цепь показалась на горизонте, тяжелые и легкие батареи неприятеля открыли заградительный огонь, отрезая Кутепова от леса. Цепи шли словно по огнедышащей горе, безостановочно, ни разу не нарушив уставного порядка выдвижения под артиллерийским обстрелом. Батальон все время лавировал, уходил от разрывов, как будто действовал на смотру. Кутепов шел в середине, управляя всем движением.

Он ударил во фланг наступающим немцам, они отхлынули назад, и батальон наконец полностью очистил лес, довершив прорыв фронта.

За этот бой Кутепова произвели в полковники и наградили Георгиевским оружием.

Он достиг своего зенита.

Брусиловский прорыв закончился, положение выровнялось, войска укреплялись, устраивались, ожидая, что на будущий год война наконец переломится.

В осеннюю пору в рукописном журнале преображенцев появился посвященный Кутепову рассказ. Он назывался "Военачальникова находчивость" и раскрывал добродушную привязанность молодых офицеров.

"Военачальник некий, отменной храбростью и находчивостью в делах против неприятеля неоднократно отличавшийся, таковые свои качества и в обстановке штильштанда (затишья. - Авт.) не преминул проявить.

На ассамблее находясь, девицу некую нрава приветливого, Феодорой Ивановной именуемую, на вальс пригласивши, оной девице столь великое кружение головы учинил, что не в силах будучи на ногах сдержаться, девица сия вовсе к нему припала и отдыха для к креслу подвести себя попросила.

Таковой слабостью, однако, не смущенный военачальник

строго приказал: выше голову, тверже ногу, - каковыми словами девицу подбодривши, конфуза и нареканий счастливо избежал".

Вот и весь рассказ. Как будто гусарский полк стоит где-нибудь в провинциальной простоте - и шутят, и веселятся, и верят в свою звезду.

А идет осень шестнадцатого года. Скоро - конец!

Следует, конечно, пояснить, что вопреки расхожему и укрепившемуся после 1917 года мнению, будто Россия проиграла войну, по результатам кампании 1916 года она как никогда была близка к победе: войска снабжались хорошо, военные заводы производили пушек в десять раз больше, чем к началу войны, снарядов в сорок и т. д.; армия одержала огромную победу в Брусиловском наступлении; на Кавказе она глубоко проникла на турецкую территорию, на Анатолийское плоскогорье; финансы находились в удовлетворительном состоянии.

Но Россия была больна усталостью от войны.

Вот и все. Имперский занавес опускается. Тени Петра Великого, Екатерины Великой, Потемкина, Суворова, Державина, Пушкина скорбно стоят в глубине российской сцены.

Вперед выходят другие фигуры: Гучков, Милюков, Керенский. Наконец-то они несут "общественности" подлинную свободу, наконец-то они сбрасывают опостылевшее, враждебное самодержавие и поворачиваются к безмолвствующему народу.

Может быть, их замыслы возвышены. Но что народу до них?

Они обратились к народу с призывом равенства и братства. Народ попрежнему молчал.

И вдруг отозвался совершенно диким, звериным рыком:

Эх! Эх! Эх!

Эх, жил бы, да был бы,

Пил бы, да ел бы,

Не работал никогда!

Жрал бы, играл бы,

Был бы весел завсегда!

Но эта солдатская частушка, которую с омерзением приводят Бунин и генерал Краснов, всего-навсего усмешка, слова. На деле было еще страшнее. Никогда еще не видела Россия столько злобы и преступлений, как в год торжества свободы и демократии.

Господа Гучковы и Милюковы были сбиты с ног вдруг вздыбившейся русской почвой.

Петровская петербургская сказка рассыпалась в прах. Нужен был титан, способный, подобно Столыпину, совершить чудо. Его не оказалось.

Зато выскочил некто безжалостный, понявший "исконную дремотную вражду" (Вейдле) русского народа не столько к кулаку

и толстосуму, сколько к культурному барину, читающему книжки и живущему чуждой народу жизнью.

Отречение Николая II. Кутепов - последний защитник Петрова града

К началу 1917 года в казармах столицы скопилась огромная солдатская масса. В основном это были новобранцы, люди восемнадцати-девятнадцатилетнего возраста. Они числились в запасных батальонах гвардейских полков, но не имели с гвардией ничего общего, кроме названия и двух-трех офицеров. В казармах была невообразимая теснота, нары стояли в три яруса, ученья приходилось вести на улицах.

Чем ближе была весна, тем тяжелее и страшнее делалось в казармах. Они пронизывались слухами об ужасах фронта, о продажности правительства, о благородстве оппозиции, которой мешают темные силы. Воюющее российское государство вдруг стало чужим для многих в русской элите.

На фоне этой огромной, пока дремлющей враждебной массы, силы в 10 тысяч человек казались ничтожно малыми. Этих полицейских, казаков и солдат учебных команд было мало даже для поддержания обычного равновесия в городе с населением в два с половиной миллиона человек. В середине января министр внутренних дел А. Д. Протопопов доложил о возможной опасности Николаю II, тот поручил направить в петроградский гарнизон отводимые с фронта на отдых гвардейские части. В первую очередь намечалось ввести 1-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию и гвардейский флотский экипаж. Однако не получилось. Командующий столичным военным округом генерал Хабалов не смог (или не захотел) найти для верных частей места; казармы действительно были переполнены. На Хабалова никто не надавил. В час катастрофы гвардии в Петрограде не было.

Николай П был крайне недоволен неисполнением его указания, но спустил. Если бы оно было исполнено, Февральский поворот был пройден бы без потрясений.

Двадцать второго февраля царь покинул столицу и направился в Ставку.

Двадцать шестого февраля туда неожиданно прибыл из Крыма недолечившийся начальник штаба генерал М. В. Алексеев. Невозможно утверждать, почему он так спешил. Следует лишь подчеркнуть, что его роль в отречении Николая II велика.

На следующий день после отбытия государя в городе начались серьезные демонстрации.

С середины месяца сильные снежные заносы замедлили

подвоз продовольствия в столицу. По городу поползли слухи, что скоро не будет хлеба, стали делать запасы, сушить сухари. Во многих булочных и пекарнях не стало хватать хлеба, потянулись хлебные очереди. По улицам забродили женщины из этих очередей. На них никто не обращал внимания.

"Голод? Никакого голода в столице не было. Купить можно было решительно все без карточек, а по карточкам - сахар. Благополучно было с маслом, рыбой соленой и свежей, битой птицей, ...вышла какая-то задержка с выдачей муки пекарям". Это - Солженицын, "Красное колесо. Март Семнадцатого".

Двадцать четвертого февраля газеты успокоили население, что хлеб есть, что запасы муки достаточны, а военное ведомство даже выделило из своих запасов для нужд горожан. И что же?

Нет, здесь дело было не в хлебе.

Двадцать четвертого февраля на заседании Государственной Думы депутат Чхеидзе бросает с трибуны:

"Господа! Как можно продовольственный вопрос в смысле черного хлеба ставить на рельсы?.. Единственный исход - борьба, которая нас привела бы к упразднению этого правительства! Единственное, что остается в наших силах дать улице здоровое русло!"

Вот так, господа думцы. Позовем улицу, да направим ее туда, куда нам надобно, в здоровое, а не в какое-нибудь дикое русло.

А в это время большевики решают использовать народное движение в своем русле - всеобщей забастовки. Для них это вполне здорово.

В итоге хлеб появился, а беспорядки усилились. За два дня, двадцать третьего и двадцать четвертого февраля было избито 28 полицейских.

Дума продолжала обличать правительство, желая произвести в нем изменения.

Улица уже двинулась. Двадцать пятого февраля демонстрации захватили Невский проспект и всю центральную часть города. К Знаменной площади перед Николаевским вокзалом непрерывно шли люди, там не прекращался ни на минуту митинг. На пьедестал памятника Александру III взбирались один за другим ораторы и обличали, обличали, обличали. Главным призывом было: "Долой войну!" На площади было множество солдат. Полицейский пристав Крылов попытался вырвать у митингующего красный флаг и был убит револьверным выстрелом из толпы.

Это была толпа, азартная и трусливая. Ее еще можно было остановить решительным поступком. Например, на Трубочном заводе поручик Госсе застрелил агитатора, который грозил ему

кулаком, и тотчас толпу как ветром сдуло, только остались на земле флаги, плакаты и бездыханный труп.

Солженицын прямо утверждает, что правительство не осмеливалось применить решительные меры, боясь "общественного мнения"; оно было парализовано страхом перед левой печатью, которая могла бы его обвинить в повторении Девятого января.

Тут-то и стали расти огромные язвы катастрофы, захватывая все новых и новых людей огнем вседозволенности и вражды ко всему упорядоченному, государственному, петербургскому, чуждому.

Поздно вечером собирается на заседание правительство и обсуждает... нет, не уличные беспорядки, а отношения с Думой. Думские говоруны, пугавшие министров обвинениями в "измене", кажутся самыми грозными в этот час. Решают: объявить на несколько недель перерыв в заседаниях Думы. Выходило, с этой стороны защитились. Это и не роспуск Думы, за что можно быть припечатанным разными ужасными словами вроде "презренного политиканства", "провокаторов", "умственного убожества носителей своеволия", а вместе с тем заткнули рты.

Двадцать пятого февраля Николай II наконец получил сообщение о тревожном положении в Петрограде. Он не колебался и телеграммой приказал Хабалову: "Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии".

В Совете министров паралич воли у некоторых из них достиг в эту пору замечательного уровня, они спрашивали себя: неужели беспорядки так велики, чтобы требовать энергичных мер?

И это говорилось тогда, когда уже убивали на улицах.

Но все-таки повеление государя надо исполнять, да и впрямь ведь убивают приставов и постреливают по казакам, - надо принимать меры.

А кому эти меры исполнять? Где этот решительный, который примет на себя тяжкий грех братоубийства и который спасет город (пока еще только один город!) от большего кровопролития?

Такого человека в столице не оказалось!

Были министры, великие князья, генералы, полковники. Их было много. Но не оказалось единственного.

В это время в Петроград приезжает в трехнедельный отпуск полковник Кутепов. На фронте царило спокойствие: врывались глубже в землю, легко перестреливались с противником. Сейчас можно было отъехать, не стыдно.

Он остановился у сестер на Васильевском острове, и все они были рады встрече, ощутив в смутное время, как хорошо

встречать родных. Сестры рассказали ему о тревожных событиях, да он и сам уже кое-что успел увидеть: солдат в караульной амуниции с винтовками, толпы, нервное настроение улиц.

Полковник сразу пошел в родные преображенские казармы на Миллионную улицу и там тоже был поражен. За завтраком офицеры, капитан Приклонский и поручик Макшеев, прямо ругали правительство, говорили, что теперь надо дать Думе больше прав и создать новое правительство, ответственное перед ней. Кутепов не выдержал и прямо заявил, что во время войны каждый русский человек, особенно офицер, обязан укреплять правительство, а никак не критиковать его.

Начали спорить. Кутепову помогал полковник Павленко, совсем, правда, квелый, больной, так что больше говорил сам Кутепов.

Его нельзя было переспорить. Он разложил все по полочкам: нельзя действовать так, как действуют запасные полки, выведенные для охраны порядка на улицы. Что это за заставы, которые должны запереть отдельные районы от прохода посторонней публики и которые всех пропускают? Неисполнение приказа роняет авторитет офицеров, разбалтывает дисциплину солдат, толпа приучается не выполнять распоряжений начальства. Надо выбрать одно из двух: либо твердо стоять и применять оружие, либо убрать войска до крайнего случая.

И ни одного слова в защиту прав народа и депутатов Думы.

Все почувствовали: с этим лучше не связываться, опасно.

Завтрак кончился. Дальше события разворачивались, как ураган.

На следующий день рано утром Кутепова вызвали к телефону. Он еще был в постели, разговаривала сестра. Звонил поручик Макшеев, просил Александра Павловича спешно приехать на Миллионную.

Значит, что-то случилось. Кутепов, предчувствуя недоброе, быстро оделся, взял извозчика и помчался к старым Преображенским казармам. Там поручик Макшеев торопливо объяснил, что в казармах Гвардейской конной артиллерии возбунтовалась учебная команда Лейб-гвардии Волынского запасного полка и что волынцы ворвались в казармы Преображенской нестроевой роты и заставили ее к себе присоединиться. К тому же закололи заведующего полковой швальней полковника Богданова, он хотел выгнать волынцев со двора.

Кутепов понял: беда! Надо действовать. Где командир Преображенского запасного батальона полковник князь Аргутинский-Долгоруков?

Ответили: вызван к Хабалову.

Но почему здесь несколько офицеров из новых казарм, что на Кирочной?

Кутепов распорядился штабс-капитану Эллиоту-старшему и остальным отправиться туда.

Ему подчинялись. Его положение помощника командира Преображенского полка и его решимость влияли крепко.

Тут же Макшеев доложил, что от Хабалова прибыл автомобиль, приказано немедленно ехать на Гороховую, в Градоначальство.

Поехали. У подъезда Кутепова ждал жандармский ротмистр и сразу провел полковника наверх, в большой кабинет генерала Хабалова.

История выбрала Кутепова для участия в последнем акте Петровой трагедии, расколовшей Россию.

- Господин генерал, полковник Кутепов прибыл!

И одного взгляда на него достаточно, чтобы стало ясно: может!

На Кутепова смотрят все, человек семь, среди них и полковник Павленко (а, это он, наверное, сосватал!), и градоначальник генерал Балк.

Генерал-лейтенант Хабалов начинает говорить:

- Я назначаю вас начальником карательного отряда.

Кутепов отвечает:

- Я готов исполнить любое приказание. Но, к сожалению, нашего Лейб-гвардии Преображенского полка здесь нет. Я нахожусь в отпуску, никакого отношения к запасному полку не имею. Мне кажется, на этот случай надо назначить лицо, более известное в Петроградском гарнизоне.

Он еще не знает, что такого лица нет! У собравшихся - расстроенный и потерянный вид. У Хабалова при разговоре заметно трясется челюсть.

Хабалов продолжает довольно твердым тоном:

- Все отпускные мне подчиняются. Я назначаю вас начальником карательного отряда.

Кутепов начинает догадываться, что положение хуже, чем он думал:

- Слушаю, прошу указать мне задачу и дать соответствующий отряд. Хабалов распоряжается:

- Приказываю вам оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и все, что будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок.

Кутепов совершенно спокойно отвечает:

- Я не остановлюсь перед расстрелом всей этой толпы. Но

только для оцепления мне надо не менее бригады.

Хабалов видит, что полковник держится уверенно, но никакой бригады у Хабалова нет (вернее, он не знает, на кого опираться) и потому раздражается:

- Дадим то, что есть под руками.

И называет части: роту Кексгольмского запасного с пулеметом (она здесь же, напротив здания градоначальства), затем идти по Невскому, взять в Гостином Дворе и в Пассаже еще две роты преображенцев, да еще от Николаевского вокзала сюда идет пулеметная рота с 24-мя пулеметами, взять из нее двенадцать пулеметов. .

Кутепов спрашивает:

- А будут пулеметчики стрелять?

- Это хорошая рота, - заявляет генерал и добавляет, что уже отдано распоряжение двигаться сюда роте Егерского запасного, надо ее тоже взять под командование.

И началась для Кутепова гражданская война! Он еще, конечно, этого не понял. Думал: беспорядки, можно успокоить. О том, что народ больше не хочет ни правительства, ни оппозиции, ни офицеров ему в голову не могло прийти. Собственно, он знал, что солдат-новобранец всегда трудно начинает, но потом втягивается. Значит, надо втянуть. Кого силой., кого словом. Он солдат не боялся.

Кутепов взял кексгольмцев и преображенцев. Правда, преображенцы вчера не ужинали и по сей час ничего не ели. Он распорядился купить ситного хлеба, колбасы и накормить людей на первой остановке.

Потом на Невском около магазина Елисеева остановил роту пулеметчиков. Они несли тяжелые пулеметы и коробки с лентами на плечах, сгорбившись от усталости. А где же пулеметные двуколки? Мало их не было, но и пулеметы, оказалось, не готовы к стрельбе: ни воды, ни масла нет. Кутепов приказал штабс-капитану послать за всем необходимым и изготовить пулеметы к бою.

Он не мог предположить, что его приказание останется невыполненным.

Дошли по Невскому до угла Литейного. Городовые стояли на местах, народу было меньше обычного.

Кутепов спросил у городового о роте егерей. Не проходила.

Тут на извозчике подъехал полковник Аргутинский-Долгоруков, быстро выскочил из саней и побежал к Кутепову, путаясь в длинной николаевской шинели.

Через него Хабалов передавал новое распоряжение: взбунтовавшиеся солдаты и рабочие подожгли Окружной суд и

теперь идут к Зимнему дворцу, Кутепову надо вернуться.

- Неужели у вас в Петрограде только и имеется что мой, так называемый, карательный отряд? - насмешливо спросил Кутепов. - Значит, генерал Хабалов отменяет свое первое распоряжение?

- Да, прошу тебя поспешить к Зимнему, - волнуясь, сказал Аргутинский-Долгоруков.

Что ж, возвращаться? В голове у Кутепова прочертился иной ход: повернуть по Литейному, затем по Симеоновской улице к цирку Чинизелли и к Марсову полю. А там где-нибудь он и пересечется с толпой.

Пошли. Он шел впереди, за ним кексгольмцы, пулеметчики, преображенцы.

На углу Литейного и Артиллерийского переулка стояла группа офицеров Литовского полка, а дальше было видно: в казармах бьют стекла, выламывают рамы, выскакивают солдаты. Что такое? Кутепов остановил отряд. Из той группы подошел полковник, оказался командиром Литовского запасного батальона, поведал, что во двор казармы ворвалась толпа солдат, литовцев и волынцев, во главе со штатскими и стали подбивать присоединяться к ним. А сам полковник был бессилен им помешать.

Это бессилие вызывало у Кутепова презрение. Что же это за офицеры?

Через час-другой он столкнется с новым для него офицером, с красным бантом на груди, и, не задумываясь, скомандует открыть по нему огонь.

А пока - звон стекол, огонь и дым над зданием Окружного суда, отдельные выстрелы и даже пулеметная стрельба - в направлении кутеповского отряда. О, значит, заметили! По Литейному посвистывали пули.

Дело приняло серьезный оборот, не мог Кутепов бросить этих потерявшихся офицеров и выламывающихся из армейского порядка солдат. Здесь ему и действовать. Он послал подпоручика Скосырского передать по телефону в Градоначальство об этом.

И начал действовать - распределил силы своих рот, отдал приказание перекрыть улицы, а в случае действия толпы против - немедленно открывать огонь.

Тем временем множество солдат-литовцев собралось на Литейном с винтовками. Они стояли кучками на тротуаре, отдельно же от них - офицеры Литовского запасного батальона, не вмешивались. Кутепов послал своего унтер-офицера подозвать тех солдат. Те четко подошли, вид у них был надежный, и один из них заявил, что сейчас в казармах такая суматоха, не знаешь, что и делать. Кутепов распорядился открыть два двора на Литейном и

собирать там, приводить в порядок всех этих солдат, не отдавать их бунту.

Управившись с ними, он подошел к пулемету возле Артиллерийского переулка, направленного на Баскову улицу. Пулемет не был готов, в кожухах не было ни воды, ни глицерина. Понял Кутепов, что нет надежды на пулеметчиков, да не время сейчас разбираться.

Привлекла его внимание мирная и спокойная толпа солдат, заполнившая Баскову улицу. Доложили, что оттуда пришел унтер-офицер и просит прийти кого-нибудь из господ офицеров. Оказывается, они хотели бы построиться и вернуться в казармы, но боятся, что их потом будут судить и расстреляют.

Кутепов немедленно направился к офицерам-литовцам, предложил полковнику привести сюда тех солдат. Но тот наотрез отказался, до того потерял самообладание.

Кутепов не стал с ним церемониться, сказал:

- Удивляюсь, что вы боитесь своих солдат. Вы должны исполнить ваш последний долг перед ними. Если боитесь пойти, пойду я.

Он и пошел. Никакого страха у него не было. Он помнил и свой первый поход с солдатами еще мальчиком, и то, что никогда не отделялся от них, и то, что по воскресениям ходил с ними в музеи. А сейчас их надо было взять и отвести от пропасти.

Он подошел к ним и громко сказал:

- Всякий, кто построится, и кого я приведу, расстрелян не будет.

Его тотчас подхватили на руки! И просили: еще скажите, громче, чтоб все услыхали.

С высоты он увидел всю улицу, массу солдат и несколько штатских и еще писарей Главного Штаба. Снова громко объявил:

- Те лица, которые сейчас толкают вас на преступление перед государем и Родиной, делают это на пользу нашим врагам-немцам, с которыми мы воюем. Не будьте мерзавцами и предателями, а останьтесь честными русскими солдатами.

В ответ:

- Мы боимся - нас расстреляют. И еще:

- Не верьте, товарищи! Он врет, вас расстреляют!

Кутепов снова заговорил:

- Приказываю построиться! Я полковник Лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов, только что с фронта. Если я вас приведу, никто из вас расстрелян не будет.

И приказал опустить его на землю.

Сейчас же унтер-офицеры, подхватывая его командирскую твердость, закричали: литовцы, Волынцы такой-то роты строиться

сюда! Толпа задвигалась, началась невидимая глазу борьба внутри ее. Раздавались команды: "Строиться по казармам!" и одновременно: "Бей его! Вас расстреляют!"

Окончилось через несколько минут. Толпа разделилась, часть кинулась бежать по направлению к Преображенскому собору, часть - в казармы. Вряд ли это был полный успех, но все же что-то налаживалось.

Дальше Кутепов распорядился занять одной полуротой Кирочную улицу, усилить караул Казначейства, очистить прилегающие улицы. По отряду продолжали постреливать. Он скомандовал открывать огонь по всякой толпе.

Да, это был фронтовой полковник, сомнений не было ни у кого.

Вскоре кексгольмцы огнем разогнали толпу, которая разбивала окна и лезла в казармы Жандармского дивизиона. Со стороны Литейного орудийного завода и с колокольни Сергиевского всей артиллерии собора открыли ответный огонь по кексгольмцам, несколько человек было ранено и четверо из них тяжело.

Русские стреляли по русским, так получалось. И некогда было размышлять, отчего?

Раненых разместили в доме графа Мусина-Пушкина, в управлении Красного Креста Северного фронта. Поступили и новые раненые.

Со стороны Марсова поля двигалась толпа к Литейному. Ее встретили залпами.

На Сергиевской улице собралось несколько автомобилей с вооруженными людьми внутри и на подножках. Войска приготовились отбивать их атаку. Автомобили вылетели из-за угла на Литейный. Мелькали красные обрывки в виде флагов. Сходу пошла беспорядочная стрельба. Кексгольмцы ответили четкими залпами, сбивая нападавших на мостовую и дробя ветровые стекла перед шоферами. Автомобили заелозили, завиляли и встали. Уцелевшие кинулись бежать... Нет, один автомобиль еще едет, с него падают люди, он вдруг разворачивается на полном ходу - и назад.

Кутепов посмотрел на поле боя, распорядился унести убитых в каретный сарай во дворе поблизости. Тут же ему доложили, что от них сильно разит спиртом. Где-то, выходит, молодцев подогрели!

Ну Бог им судья, а пока Кутепов держался и даже расширял свой район.

Тут к нему подбежал бледный штабс-капитан Розенбах, с оторванным погоном, без шашки. Только что он со своей ротой

вышел на угол Пантелеймоновской и Моховой, солдаты смешались с толпой, и толпа накинулась на него, он еле вырвался.

Вид побитого был жалок.

Кутепов немедленно двинул на Пантелеймоновскую.

Подошли две роты, семеновцев (с двумя прапорщиками Соловьевым и Эссеном-четвертым) и егерей.

Доложили: убит прапорщик Кисловский.

С семеновцами Кутепов вышел на Пантелеймоновскую и толпа сразу рассосалась.

"Литейный проспект уже привык к высокой фигуре полковника, не взятого ни одной пулей", - пишет Солженицын об этих минутах кутеповской защиты Петрова града. Конечно, здесь дело не в ошибке с определением роста коренастого Кутепова, а в том, что он был в эти часы высокой, даже, может быть, самой высокой фигурой в столице.

Именно тогда полковник услышал со стороны кексгольмцев странные крики: "Не стреляй!", поспешил на них и увидел идущего от Артиллерийских казарм по Литейному какого-то офицера. Тот делал солдатам знаки: не стрелять. На груди у него был большой красный бант.

- Огонь! - скомандовал Кутепов.

Раздались выстрелы. Офицер кинулся бежать, пробежал несколько шагов, упал. Все.

Кутепова здесь позвали, сообщили, что можно переговорить с градоначальством.

Он пошел в дом Мусина-Пушкина.

Смеркалось. Отовсюду доносился гул огромной толпы, все прилегающие улицы были заполнены враждебной массой. Что по сравнению с ней был кутеповский отряд?

Кутепов разговаривал по телефону с барышней с центральной станции и смотрел в окно. Барышня говорила, что градоначальство с полудня не отвечает.

Куда же исчез Хабалов? Почему не послал никого из офицеров для ознакомления с обстановкой? - Потом выяснилось: Хабалов со штабом перешел в Адмиралтейство и забыл предупредить Кутепова да и центральную станцию тоже.

В окно полковнику было видно, что в дом бегут солдаты, все больше и больше, вот понесли двух офицеров с безжизненно повисшими головами. При свете фонаря трудно было разобрать - кого именно.

Кутепов быстро вышел на улицу. Сердце его сжалось - из всех переулков на Литейный перла толпа, била фонари, кричала, материлась, а в ней, как маленькие островки, стояли солдаты его

отряда, стояли да их быстро размывало, растаскивало. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Отвоевался полковник.

Среди криков он разобрал и свою фамилию. Грозили и страшно ругались.

Кутепов вернулся и приказал запереть двери. Что делать? С задачей он не справился. Что происходит в городе, он не знает.

Он распорядился накормить солдат заготовленными для них ситным хлебом и колбасой. Странно было, но хотя и кричали недавно на улицах "Хлеба!", хлеб даже сегодня был в булочных. А вот ни один батальон своим людям обеда не прислал...

Распорядившись об ужине, Кутепов направился в лазарет к раненым. Чужие были ему эти солдаты и два умирающих прапорщика Соловьев и Эссен-четвертый, не успел он их узнать, хотя бы спросить об именах. Но теперь для них Кутепов и отец, и священник, и последний командир. Не каждому суждено умереть со славой в честном бою. Да и нельзя выбрать себе смерть. Надо исполнять свой долг, а там как Бог даст.

Соловьев и Эссен были совсем слабы, кончались. Он посидел с каждым, вглядывался в бледные влажные от испарины лица, сказал ободряюще, что они сегодня держались превосходно. Он знал, что за этими его простыми словами открывается широкая дорога, по которой прошли все русские офицеры, и те, чьи имена высечены золотом на мраморных досках Храма Христа Спасителя, и те, кто легли в землю не на Отечественной войне, а все же - за Отечество.

Жалко было на прапорщиков глядеть.

Но делать было нечего, следовало позаботиться о других солдатах.

Врачи волновались, просили вывести из дома всех здоровых. Он подумал: оборонять дом? Отпустить? Как лучше?

Улица бурлила, собирала злобу еще сильнее. У нее была какая-то бесовская мощь, неодолеваемая ни словом, ни страхом. Это не фронт, это не имело названия. Разве беспорядки на железной дороге в Чите и Красноярске, когда молодой поручик Кутепов возвращался из Маньчжурии, могут сравниться? Не могут. Там он легко справился, солдаты были что надо. Здесь же - не было тех солдат, вот в чем дело. Не было и гвардии.

И Кутепов решил отпустить здоровых солдат. Поблагодарил их за честное до конца исполнение долга и приказал: оставить винтовки на чердаке, расходиться малыми группами со своими унтер-офицерами.

Толпа все гудела, слышались угрозы Кутепову. Ему тоже предложили переодеться в штатское и покинуть дом, пока не поздно. Как, в штатское? Он наотрез отказался. Послал двух

унтеров посмотреть, может ли он незаметно покинуть дом. Но у всех выходов стояли вооруженные рабочие, ждали выхода полковника.

Наступала ночь. Кутепов отпустил и этих унтер-офицеров и остался один, решив спокойно ждать, что будет дальше. Он задремал в кресле. Поздно ночью его разбудил ефрейтор учебной команды преображенцев, которого послал подпрапорщик Лисов с комплектом солдатского обмундирования, чтобы полковник мог переодеться и ускользнуть. Может быть, это был последний шанс.

"Но мне был противен какой-либо маскарад, и я отказался", - позже, в 1926 году, напишет об этом генерал Кутепов.

Между тем восставшие овладели почти всей правобережной частью города, а также Литейной и Рождественской частями. Таврический дворец, в котором заседала Дума, тоже был захвачен.

Дума как реальная величина перестала существовать. Но от ее имени рассылались по стране телеграммы, изображая положение в выгодном для восставших виде.

Вскоре рабочая группа Военно-промышленного комитета была освобождена из тюрьмы Кресты, вместе с депутатами-социалистами и несколькими большевиками образовали Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, по всем заводам разослали агентов, чтобы там немедленно проводили выборы в Совет, заседание которого назначалось на семь часов вечера. Власть восставших самоорганизовывалась .

В исполнительном комитете были сообразительные люди. Они догадались, что взбунтовавшиеся солдаты скоро изголодаются, и сразу же стали реквизировать продовольствие "для нужд революции". Таврический дворец получал притягательность еще и на желудочном уровне.

А что правительство? Оно все не понимало обстановки. Думали: надо уступить народу Думу, поменять неугодного ему министра Протопопова, убеждали того сказаться "больным". Не то что не понимали, просто оказались ничтожными!

Происходящее точно укладывается в философскую формулу Владимира Вейдле: "Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил".

От Петра до Владимира Ильича пролегла сперва трещина, потом пропасть Российского материка.

Еще бьется Кутепов, еще хлопочут думцы, изображая себя создателями новой власти, еще в Зимнем дворце есть около полутора тысяч человек верных войск...

А тем временем Исполнительный комитет уже провел первое

собрание Совета, получили поддержку представителей восставших полков, которым не было пути назад, выбрали Исполнительный комитет, куда преимущественно вошли сторонники поражения России в войне, стали готовить выпуск "Известий Совета" и манифест.

Из Зимнего войска переходят в Адмиралтейство (чтобы не подвергать опасности обстрела ценности Эрмитажа), из Адмиралтейства тоже уходят (морской министр Григорович просит пожалеть "ценные кораблестроительные чертежи"), - и потом войска рассасываются.

Справедливости ради, надо отметить, что существует версия о заговоре английского посла Бьюкенена, который планировал организацию дворцового переворота, опираясь на Прогрессивный блок Думы. Приводим запись из дневника генерала Жанена от седьмого апреля 1917 года: "Долгий разговор с Р., который подтверждает то, что недавно сказал мне М. Посетовав, что Германия ненавидит его самого и всю его семью, он заговорил о революции, которую, заявил он, устроили англичане, а именно сэр Джордж Бьюкенен и лорд Мильнер. Петроград в это время кишел англичанами... Он утверждал также, что мог назвать улицы и номера домов, в которых квартировали британские агенты. Им было приказано во время восстания раздавать деньги солдатам и подстрекать их к мятежу. Он самолично видел на Миллионной улице людей бывших, как он точно знал, британскими агентами, которые раздавали 25-рублевые купюры солдатам Павловского полка, переодевшимся несколькими часами ранее в гражданскую одежду и примкнувшим к бунтовщикам".

Если это правда, то спрашивается, зачем нужно было Англии ослаблять своего союзника?

На этот вопрос существует такой ответ: поскольку по результатам войны Россия должна была получить проливы и Константинополь, а Англия этого не желала, то и организовала переворот.

Справедлива ли эта версия? Бьюкенен в своих мемуарах полностью ее отвергает. Милюков хранит по этому поводу молчание.

У Солженицына об этом есть такие строки:

"Бьюкенен давно перешагнул все дипломатические приличия и правила. Он открыто сближался со всеми врагами трона, дружески принимал Милюкова, обвинившего императрицу в измене союзному делу, у него в посольстве думские вожди и даже великие князья заседали, злословили, обсуждая интриги против Их Величеств, если не заговоры".

Убедительно? Нет, не очень. Это не документ, а тоже

своеобразная версия, взгляд на ситуацию глазами Николая II. Верно только общее направление, противостояние монархии и оппозиционного думского блока.

Здесь надо признать, что содействие англичан, если оно действительно имело место, и содействие Германии большевикам общей картины не меняет.

Русская трещина - это было внутри русских.

Милюков назвал февральские события "самоликвидацией старой власти". Многое говорит о том, что он прав.

Мы оставили полковника Кутепова одного в маленькой гостиной в доме на Литейном проспекте. Почти обреченного.

Послушаем его голос:

"Проснувшись утром 28-го января довольно поздно и напившись чаю, который мне дали во временном лазарете, я подошел к окну "своей" маленькой гостиной и увидел Литейный проспект, сад Собрания Армии и Флота и угол Кирочной улицы - всюду бродили вооруженные рабочие, не спускавшие глаз с окон дома гр. Мусина-Пушкина. В это время из-за угла Кирочной улицы выехали две броневые машины и два грузовика. Все они были наполнены вооруженными рабочими, среди которых было несколько солдат. Машины остановились посреди Литейного проспекта, и рабочие, соскочив с них, начали галдеть, все время показывая на окна. В этом приняли участие и гуляющие по Литейному рабочие. Затем, направив пулеметы на окна верхнего этажа дома, все они пошли к подъезду.

В это время ко мне в гостиную вбежала сестра милосердия и стала уговаривать меня надеть халат санитара, так как, по ее словам, приехали рабочие и солдаты, чтобы убить меня. Попросив ее оставить меня одного в гостиной, я сел на маленький диванчик в углу и стал ждать прихода представителей новой власти.

Гостиная, бывшая длиной меньше восьми шагов и шириной шагов в пять, имела двое дверей - одни вели в ряд комнат, идущих вдоль Литейного проспекта, другие, обращенные к окнам, выходили на площадку вестибюля. Напротив первых дверей было большое зеркало на стене, напротив вторых - тоже зеркало между окнами. Сидя в углу, я видел, как по комнатам бежали двое рабочих с револьверами в руках. Случилось так, что на порогах обеих дверей моей комнаты одновременно появились рабочие с револьверами в руках. Посмотрев друг на друга и увидя в зеркалах, вероятно, только самих себя, они повернулись и ушли, не заметив меня".

Кутепова спасло чудо. Ему не на кого и не на что было надеяться. Он был готов к смерти, и помолился Богу, подумал о самом для себя главном, о настроении частей на фронте, о том,

что они вскоре наведут в Петрограде порядок. Будучи фактически бессильным повлиять на судьбу, он мысленно продолжал борьбу.

Двадцать восьмого февраля восстание перекинулось на окрестности города. В Кронштадте оно было особенно жестоким: убили адмирала Вирена, десятки офицеров. В Царском Селе разгромили все винные склады. Что же до охраны царской семьи, то она объявила нейтралитет.

С. С. Ольденбург бесстрастно повествует: "Солдатская масса, лишенная офицеров, обратилась в вооруженную толпу, одинаково готовая разорвать на части всякого "недруга" и разбежаться во все стороны при первом залпе..."

В это время Николай II решает направить в столицу по две кавалерийские дивизии, по два пехотных полка и пулеметные команды с каждого фронта. Все окружение царя ратовало за уступки, но царь считал, что уступки только придадут восставшим больше уверенности в своих силах и безнаказанности.

Николай тут же выезжает в Царское Село, покидая Ставку, где он был под непробиваемой броней всех вооруженных сил России, и бросает себя в пучину хаоса. Можно понять его тревогу за семью, но положение Главнокомандующего, не говоря уже о положении главы государства, обязывало его к более продуманным решениям. Отъезд из Ставки оказался роковым шагом.

В его представлении Россия была страной, где жили крестьяне Штукатуровы, верные Отечеству солдаты и офицеры, подчиняющиеся законам империи промышленники, и, самое главное, она управлялась свыше традициями православия, которые проводил он, Православный Царь. Но на самом же деле это оказалось сказкой.

Во вторник двадцать восьмого февраля Николай покинул Ставку, а второго марта в четверг ему предстояло подписать манифест об отречении от престола.

Пока Николай находится между Петроградом и Ставкой, все нити управления - в руках начальника штаба Алексеева. К нему поступают сведения об успокоении в столице, которым он верит.

То, что произошло в последующие два дня, полностью подтвердило непонимание характера событий ни императором, ни его генералами, которые верили, что уступками думской оппозиции можно избежать гражданской войны и удержать порядок. Они разыгрывали привычную комбинацию "Правительство Дума", то есть "Бюрократия - Интеллигенция", где вправду можно было бы найти компромисс.

Они хотели заштопать прореху, не замечая пропасти.

Первого марта Николай II прибыл в Псков, где размещался штаб Северного фронта.

Генерал Алексеев в Ставке и генерал Рузский в Пскове считали, что надо отменить посылку верных войск в Петроград.

Свое особое мнение генерал Н. Н. Рузский выразил свите Государя весьма открыто: "Остается, - сказал он, - сдаваться на милость победителей", считая, что "победители" - это думский блок.

В устах генерала слова о сдаче были признаком формального предательства.

Тем временем верные войска двинулись на мятежную столицу.

Батальон георгиевских кавалеров с генералом Н. И. Ивановым во главе достиг вечером первого марта Царского Села. Железнодорожников они приводили в чувство одной угрозой полевого суда, на ближних к столице станциях усмиряли революционных солдат, ставя их на колени.

Полки Северного фронта, 67-й и 68-й, выдвинулись к городу. С других фронтов продолжали идти верные полки.

"Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено".

Вечером первого марта Николай II и генерал Рузский разговаривали в течение нескольких часов. Этот разговор все решил.

Но еще во время разговора была от имени царя послана генералу Иванову телеграмма: "Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать".

Еще во время разговора генерал Рузский остановил отправку войск Северного фронта и повернул обратно уже отправленные.

Одновременно Ставка распорядилась отправляемыми частями Западного и Юго-Западного фронтов: остановить, не производить "до особого уведомления".

Долгий разговор государя с генералом закончился согласием Николая на формирование правительства из членов Думы.

Но поскольку Дума не имела реального влияния на революционные события и ею только прикрывался Совет рабочих депутатов, согласие царя означало просто капитуляцию.

Он не знал, что подписывает себе смертный приговор. И Великой России.

Он стремился избежать ненужного кровопролития.

Он предполагал, что отныне Россия будет конституционной монархией, подобно Англии.

И жили бы мы сейчас, как англичане, испанцы, датчане, шведы, норвежцы, японцы и другие многие непрогрессивные

народы, - с монархом!

Второго марта, оказалось, положение в Петрограде таково, что требуется уже отречение императора.

Генерал Алексеев запросил по этому поводу мнение всех командующих фронтами. Он сопроводил запрос таким заключением: "Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии".

Командующие согласились с Алексеевым.

Как, должно быть, легко казалось им можно поменять во время трудной войны руководство страны!

Алексеев разочаровался в своих надеждах уже на следующий день. Он заявил: "Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму Главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола".

Впоследствии и Рузский выражал такие же настроения.

Все они, участники этой драмы, пеклись о благе Родины, понимая его по-своему.

"Кругом измена и трусость и обман", - записал Николай II в своем дневнике 2 марта 1917 года.

Российская империя сошла с исторической сцены.

Ее эпоха была самой яркой и славной. Ее культура, ее храмы, ее военные победы сделали ее Великой.

И вот ее не стало.

Один из прощальных гимнов в ее честь принадлежит Уинстону Черчиллю, тогдашнему английскому военному министру:

"Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена...

Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государством, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и

прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход ложатся на того, у кого авторитет верховной ответственности. Почему же отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был Он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный прорыв русских армий, спасших Париж в 1914 году; преодоление мучительного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо - разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки, большие и страшные, - тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными качествами он придавал жизненную искру к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают, его действия осуждают, его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных - недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, как древний Ирод, пожираемая червями".

Кутепов возвращается на фронт. Офицеры - российские новомученики, их распинают на крестах свои же солдаты. Корнилов, Деникин, Каледин - первые "враги" свободы и демократии. Белая идея

Власть в столице перешла к восставшим, но не было надежды ее удержать. Даже решение Совета рабочих и солдатских депутатов избавить петроградский гарнизон от посылки на фронт не делало этих солдат боеспособными в сравнении с фронтовыми частями. Нужен был решительный удар, который мог бы отсечь армию от офицеров, - и тогда бы положение изменилось.

Такой удар был сделан.

Второго марта был опубликован "Приказ № 1" в целях "обеспечения интересов революционных солдат". Солдатам предписывалось избирать полковые, батальонные и ротные комитеты, выбрать депутатов в Совет, в политических делах слушаться только Совета и своих комитетов, думские приказы исполнять только тогда, когда они не противоречат решениям Совета, держать оружие в распоряжении комитетов и ни в коем случае не выдавать его офицерам, даже по их требованию, было объявлено равноправие солдат и офицеров вне строя, отменены отдание чести, титулование.

Это был безотказный прием для лишенной верховного вождя армии. Его мгновенное разрушительное действие ярко показало, как введение "равенства" уничтожает понятия чести, доблести, патриотизма, сменяя власть дисциплины властью низменных инстинктов, хулиганства и демагогов.

В стратегическом отношении уже не имело большого значения то, что Временное правительство выступило за продолжение войны и верность союзническим обязательствам. Война только усугубила разложение армии. За что воевать?

"Приказ № 1" обрек тысячи офицеров на кровавую расправу.

Кутепов избежал ее в Петрограде. Его пытались арестовать у Преображенских казарм, на квартиру к его сестрам трижды являлись матросы, но он ускользнул.

Он еще пытался что-то изменить, заходил в офицерское собрание полка, в штаб округа, в Зимний, в Думу, пока наконец

не понял, что здесь все поражено смертельной болезнью, и тогда уехал из столицы первым попавшимся поездом на фронт. В Твери его чуть было не арестовали, он снова ушел, выскочив из набирающего ход поезда.

До полка, стоявшего в Волынской губернии на Ковельском направлении, добрался благополучно.

Второго апреля командира преображенцев генерал-майора Дрентельна зачислили в резерв, а Кутепов был назначен командиром полка.

На фронте было еще тихо, солдаты ограничивались разговорами, задумчивостью. Запланированное на лето наступление еще казалось реально исполнимым.

Но день за днем из тыла проникал яд нового порядка, освобождающий солдат от долга умирать за Отечество. Солдатские комитеты набирали силу, заставляли с собой считаться даже стойких людей, неспособных быстро изменить привычным убеждениям. Через комитеты просачивалась надежда не быть убитым, избежать тяжелой работы, - пусть за счет предательства, да ведь больше нет царя-батюшки, а офицеры - слуги старого режима, угнетатели народа, с ними незачем считаться, а будут лезть и толкать под немецкие пули, так можно их теперь крепко прижать.

В полк прибыло пополнение из "революционных" маршевых рот, и один из прибывших сразу на заседании полкового комитета неожиданно выпалил смертельный вопрос: а что делал наш командир в Петрограде 27 и 28 февраля и не стрелял ли он там в народ?

По смыслу вопроса следовало без излишних разговоров предать полковника Кутепова революционному суду.

Офицеры, члены комитета, возмутились и потребовали этот вопрос снять с обсуждения, в противном случае они покидают комитет, заявив о полной солидарности офицеров со своим командиром.

Вопрос сняли, но не из-за позиции офицеров, а из-за выступления ротного писаря Ивана Богового, который когда-то служил под началом ротного командира Кутепова. Этот писарь был эсер по партийной принадлежности и чрезвычайно революционно настроенный.

- Такие люди, как полковник Кутепов, нам нужны! - сказал он. - Да, он не наш. Но он честный и правильный человек. Ему нельзя ставить в вину, что он поступал по своей совести. Старые солдаты его знают. С ним не пропадешь.

Нет, не сразу и не в один прием переменялось настроение гвардейцев. На этот раз Кутепова отстояли.

Далеко не у всех офицеров первое же столкновение с новой реальностью заканчивалось мирно.

"Один полк был застигнут праздником святой Пасхи на походе. Солдаты потребовали, чтобы им было устроено разговение, даны яйца и куличи. Ротные и полковой комитет бросились по деревням искать яйца и муку, но в разоренном войною Полесье ничего не нашли. Тогда солдаты постановили расстрелять командира полка за недостаточную к ним заботливость. Командира полка поставили у дерева, и целая рота явилась его расстреливать. Он стоял на коленях перед солдатами, клялся и божился, что он употреблял все усилия, чтобы достать разговения, и ценою страшного унижения и жестоких оскорблений выторговал себе жизнь".

Это отрывок из записок генерала Краснова "На внутреннем фронте", относящихся как раз к тому времени, когда события заталкивали Кутепова в такое же безысходное положение. О каких боевых действиях можно было говорить? О какой службе? О какой дисциплине? Приказы командиров делились на боевые и небоевые, их можно было всегда отменить решением комитета. Достаточно было любому солдату, даже самому негодному, заявить, что назначенное учение или работы - это возвращение к старому режиму, как они отменялись.

Но воевать как-то надо было.

В один из ясных теплых дней Кутепов сидел на опушке возле дерева, прислонившись спиной к стволу, и грустно смотрел вдаль, на болотистую долину, за которой располагался его полк. Рядом с ним сидел полковой адъютант капитан Малевский-Малевич. Ординарцы держали лошадей. Из-за болота доносились крики. Предстоял переход полка на новые позиции вместе со всем Гвардейским корпусом, приближалось наступление.

О чем думал Кутепов? Наступление было обречено, никакое чудо не могло переломить судьбу. Он был спокоен, ибо, давно переломив страх смерти, философски смотрел на многое.

Подъехал молодой поручик Владимир Дейтрих и сообщил, что в полку идет дивизионный митинг.

- Поедем, посмотрим, - сказал Кутепов и сел на коня.

И снова, как в рассказе Краснова, лесная поляна, возбужденные солдаты нескольких полков, сбивчивые речи, разрастающаяся стихия самоуправства. Появление Кутепова вызвало отрезвление многих преображенцев и злобу солдат из 2-й дивизии, бывших здесь.

Кутепов шел в центр толпы. Она расступалась, от него веяло бесстрашием и силой духа.

Раздался крик:

- На штыки Кутепова!

Поднялось несколько винтовок с примкнутыми штыками. Крик повторился, и винтовок поднялось больше. Волна злобы поднималась против небольшой группы офицеров.

Может быть, кто-то вспомнил, как два года назад Кутепов вел 1-й батальон под артиллерийским огнем, молча, не пригибаясь и не ложась, лишь затягивая образовавшиеся от огня разрывы в цепях. Величие и страшная простота той атаки были незабываемы.

И вот взвинченная, с каждым новым криком возбуждающаяся все сильнее толпа захлестывает Кутепова. Еще секунда - и он пропал.

Кутепов сделался точно выше ростом, его темные глаза загорелись решимостью боя, и он громко, перекрывая шум толпы, воскликнул:

- Преображенцы, ко мне!.. Преображенцы, вы ли выдадите своего командира?

И как будто скала поднялась над волной злобы. В одну минуту вокруг него были десятки солдат-преображенцев, нет, уже не десятки - сотни, и произошло чудо, полк сомкнулся вокруг командира.

Надолго ли?

В мае на Офицерском съезде в Могилеве генерал Деникин выступил со страстной речью в защиту офицеров:

"Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им:

Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником.

Забитый, загнанный, обездоленный не менее чем вы условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до Отечественной войны - как яркий светильник - жажду подвига. Подвига - для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни:

Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть".

Призыв Деникина ничего не изменил, никого не спас, только показал всему офицерскому корпусу, что у него есть прямые и

твердые офицеры. Во время смуты и это было важно.

Шестого июня началось последнее русское наступление. 8-я армия генерала Корнилова прорвала фронт примерно на тридцать километров, были заняты города Калуш и Галич, взяты десятки тысяч пленных. Планировалось, что ударная группа 6-й и 11-й армий войдут в этот прорыв. Но вышло иначе.

Разложение настолько глубоко проникло в солдатскую массу, что она предпочитала боевым действиям митинговые обсуждения приказов. Как только австрийцы получили подкрепление более сильными германскими частями и двинулись в контрнаступление, русские корпуса и дивизии покатились назад.

После ночного боя 6-я Сибирская дивизия отступила левым флангом, загнув его, и туда, как в дыру, хлынул противник. У него была ближайшая цель захватить местечко Езерно, где находились огромные фронтовые склады Юго-Западного фронта, и выйти в тыл 8-й армии, сосредоточенной на Тарнопольском плацдарме.

Преображенский полк в составе Петровской бригады стоял в резерве в Тарнополе.

Шестого июля Верховный Главнокомандующий приказал для ликвидации прорыва направить из резерва фронта Петровскую бригаду. В обед Кутепов собрал офицеров и отдал приказ незаметно подготовиться к срочному выступлению. Полк по тревоге был построен, у солдат при себе не было ранцев, одни подсумки. Собирался дождь, низкие тучи не обещали легкого перехода.

Кутепов сказал речь, которая проста и понятна всем: только победа даст свободу Родине. Он закончил такими словами:

- С вами говорит ваш старый командир для того, чтобы вы не могли потом сказать, что он не предупредил вас в грозную минуту. Россия в опасности. Все простить можно. Нельзя простить предательства. Преображенцы предателями не были. Пусть шкурники остаются - они не нужны. Полк сейчас выступит и пойдет со мной. В ружье!

Хлынул ливень, словно природа показывала, что впередц тяжелый путь. Полк развернулся и двинулся ровным маршевым шагом. Шли целую ночь, промокшие и озябшие.

На рассвете вошли в деревню Мшаны. На обочине, верхом на коне, Кутепов пропускал мимо себя уставших солдат. Увидев отстающих, сбивающихся с ноги, громко подбадривал:

- Эх, Федора Ивановна, неужто заморился!

Эти знакомые немудреные слова действовали на людей, как приближающийся родной дом на путника. Солдаты поднимали головы, весело усмехались командиру и "давали ногу".

- Спасибо, братцы, за переход!

- Рады стараться! - прогремело в ответ.

Светало. Квартирьеры разводили людей по домам, можно было высушиться и поспать. Вскоре полк видел сладкие сны.

Но Кутепову было не до сна. В деревне стоял штаб 3-й пехотной дивизии, чьи окопы были в нескольких верстах впереди деревни вместе с окопами 176-й пехотной дивизии. Было тихо. Судя по карте, противник пока не угрожал. Однако Кутепов не обращает внимания ни на тишину, ни на усталость и приказывает команде конных разведчиков: на передовую проверить позиции, подступы к ним и дух тех частей.

Только после этого он прилег.

Взошло солнце. На площади у церкви разорвалась очередь шрапнели. Кутепов выскочил на улицу. К нему скакал разведчик: немцы в версте от деревни! Разведчики наткнулись на германские цепи, которые они сперва приняли за отходящие части 176-й дивизии. Было до презрения понятно, что дивизия ночью оставила позиции.

Преображенцы не отойдут. Кутепов командует 2-му и 3-му батальонам контратаковать немцев, обеспечить фланги и пулеметами прикрыть переправу через гать позади деревни. С юго-западной окраины Мшан потянулась пехота 3-й дивизии. Больше впереди никого не было. Только пулеметные команды и две батареи остаются от ушедших помогать преображенцам. В несколько минут надо уставшим солдатам прийти в себя, изготовиться к бою, занять позиции. А немцы уже в деревне. Кутепов ждет. К нему подбегают связные:

- Батальон по тревоге поднят! К атаке готовы!

- Готовы!

- Готовы!

Со стороны 3-го батальона слышатся звуки трубы, играющей сигнал атаки. Сигнал принимают трубачи 2-го батальона. В утреннем, еще не разбитом выстрелами воздухе летит команда: слушайте все! Эхо подхватывает, стихает. И снова двенадцать труб повторяют сигнал.

Двумя короткими контратаками Кутепов отбросил наступающих версты на две от деревни. На преображенское "Ура!" отозвались роты, стоявшие в резерве, и без команды бросились на поддержку своим. Но ведь общая задача - это оборона. Надо остановить немцев, пока не взорвут склады в Езерно и не перегруппируются войска. И Кутепов понимает, что порыв преображенцев скоро будет остановлен, придется отступать, как бы ни было это горько.

Он поднимается на колокольню, лестница скрипит под его

тяжелым телом. Ему тридцать пять лет, он могуч и бесстрашен, он командует первым полком России. Но Россия больна!

С колокольни было видно, что немцы обтекают Мшаны справа и слева, собираются выйти в тыл. Надо отводить оба батальона назад. В голове Кутепова проносятся, как видения, сцены этого отступления: на плечах преображенцев немцы должны ворваться в деревню, а узкая переправа по гати не успеет пропустить его полк.

Отступать нельзя! И отступать надо. Нужна жертва. Как всегда на войне, необходимо пожертвовать частью людей и не дать погибнуть другим. Без колебаний. На то он и командир.

План Кутепова прост, но для его успеха от обреченной части требуется не просто стойкость, а героизм.

Полковник вывел находившийся в резерве 1-й батальон вперед к отступающим и приказал рассыпаться по волнистому гребню и держаться во что бы то ни стало, пока полк не оттянется, и, пропустив эти части через себя, прикрывать их отход, сдерживая наступление немцев с фронта. Затем начать собственный отход, перекатываясь назад от рубежа к рубежу.

Кутепов остается с 1-м батальоном. Постепенно отходят 2-й и 3-й, все тяжелее бой ложится на остающуюся часть.

Люди устали. Палит солнце, хочется пить. Надолго ли хватит силы духа? Но Кутепов обходит залегший батальон - прямо по гребню, под выстрелами, идет вместе с адъютантом полка Малевским-Малевичем и офицерами штаба. Зачем он так рискует? Но солдаты на него смотрят и начинают приходить в себя, загораться злым огнем боя. Ротные командиры встречают Кутепова, каждый на своем участке, докладывают ему и провожают, идя рядом во весь рост. Вокруг ложатся пули. Кутепов продолжает идти, не обращая внимания на обстрел, останавливается, делает замечания солдатам, глядя снизу вверх. Разрыв снаряда. Он разорвался чуть ли не у самых ног Кутепова. Полковник отброшен на несколько шагов. По окопам проносится: "Командир убит!" Все его спутники - лежат. Но снова происходит чудо: через несколько секунд павшие оживают, Кутепов встает и идет дальше, продолжая свой страшный обход. Только один из сопровождавших офицеров - Мещеринов никогда уже не встанет. Судьба выбрала его.

А отступающие батальоны отходят, отбиваются от наседающих немцев вот уже гранатами и даже прикладами. Немцы вцепились в них, не дают оторваться, чтобы за их спинами ворваться на гребень. Но нет, не получается у них опрокинуть преображенцев, обратить их в бегущую толпу. Они отступают в полном порядке, впереди несут тела погибших офицеров и

раненых.

Что за молодцы эти солдаты! Нет, еще не все потеряно, еще можно возродить армию. А возродится армия, спасется и Россия.

Вот перед залегшим батальоном уже нет никого из своих. Кутепов командует пулеметам открыть огонь, и бросившиеся было вперед баварцы отброшены.

В сообщении Ставки от седьмого июля 1917 года говорилось:

"...на юго-западном фронте при малейшем артиллерийском обстреле наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной - покидают свои позиции. На всем фронте, только в районе Тарнополя, полки Преображенский и Семеновский исполняют свой долг".

Благодаря действиям Преображенского полка германское наступление было задержано на двое суток, склады в Езерно успели минировать и взорвать, 8-я армия передислоцирована, тяжелая артиллерия отведена в тыл.

Преображенцы положили на это 1300 солдатских жизней и 15 офицерских, хотя, конечно, теперь их нечего делить, они все были равны перед Богом и Родиной.

Кутепова за этот бой Георгиевская дума представила к ордену Святого Георгия 3-й степени. Получив его, он должен был сравняться с такими выдающимися генералами, как Деникин, Корнилов, Каледин. Но к тому времени главное противоречие той поры - противостояние армии и революционной перестройки - дошло до предела. Наградное представление Кутепова не успело дойти до правительства.

В ночь с седьмого на восьмое июля генерал Корнилов вступил в командование Юго-Западным фронтом. Это произошло благодаря решительному требованию комиссара фронта Бориса Савинкова, известного эсера, в прошлом террориста, руководителя Боевой организации партии эсеров, на чьем счету покушения на министра внутренних дел Плеве, великого князя Сергея Александровича и десятков, если не сотен, других высших лиц и руководителей Российской империи. Но времена изменились, и Савинков выступал за "необходимость твердой революционной власти, осуществляемой Временным правительством". Он объяснял, что его настойчивость вызвана к тому же и личностью Корнилова, который является наиболее подходящим человеком для восстановления в армии дисциплины.

Став командующим фронта, Корнилов на следующий же день послал Верховному Главнокомандующему Брусилову, министру-председателю Львову и военному министру Керенскому телеграмму. В ней он заявлял о необходимости применения исключительных мер вплоть до введения смертной казни на

театре военных действий.

Начиналась война армии с безвластием.

У Керенского не было выхода, надо было как-то останавливать беспорядочное отступление. Он телеграфировал: "Приказываю остановить отступление во что бы то ни стало, всеми мерами, которые вы признаете нужными..."

Получив телеграмму, в тот же день, девятого июля, Корнилов приказывает всем строевым начальникам в случае самовольного отхода войсковых частей обстреливать их из пулеметов и орудий. Дезертиры расстреливались. Генерал Брусилов поддерживает эти меры, Керенский - тоже. Двенадцатого июля закон о смертной казни на фронте принят и немедленно введен в действие по телеграфу.

Для большинства солдат, для солдатских комитетов имя Корнилова отныне связано с жестоким наведением порядка. Закон не отменял и не мог отменить самих комитетов, не мог повернуть к обычному армейскому единоначалию, дисциплине, ответственности перед Богом и Родиной. Всего этого не было, ни Бога, ни Родины. Была безграничная свобода и вседозволенность.

На следующий день немцы взяли Ригу. В Казани взорвался огромный оружейный склад, было уничтожено множество военного имущества, в том числе 12 000 пулеметов.

Савинков был послан Керенским в Ставку договориться с Корниловым. Он вез согласие министра-председателя на меры Корнилова и на переподчинение Петроградского военного округа, за исключением самой столицы.

Кроме того, в разговоре с Верховным Главнокомандующим Савинков высказал соображение, что не исключена возможность сопротивления большевиков и Совета этим мерам, и поэтому правительству надо иметь в своем распоряжении достаточно войск, чтобы подавить восстание. Корнилов согласился с этим и сообщил, что в ближайшие дни 3-й конный корпус будет сосредоточен возле Петрограда.

Кроме того, Савинков предположил, что в будущем Керенский, вероятно, станет президентом Российской республики, но Корнилов отнесся к этому скептически.

Савинков уехал. Генерал Лукомский предположил, что согласие Петрограда на все предложения Ставки выглядят подозрительно, а рекомендация Савинкова не назначать Крымова командиром 3-го корпуса особенно беспокоит.

Двадцать седьмого августа, через полгода после февральской революции, Керенский направил в Ставку телеграмму с приказанием Корнилову временно сдать должность Лукомскому и выехать в Петроград, не дожидаясь приезда нового Верховного

Главнокомандующего.

Корнилов отказался выполнить это требование.

Лукомский тоже отказался занимать должность Верховного Главнокомандующего, направил Керенскому телеграмму, в которой, в частности, говорилось: "Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу родины, определенно вам заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно и это приведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала".

Вскоре все эти предсказания сбудутся: будут и разложение армии, и позорный Брестский мир, и ликвидация всех свобод, и ужасы, ужасы, ужасы...

В дальнейшем события разворачивались очень быстро.

Командующие фронтами, Северного - генерал Клембовский, Юго-Западного генерал Деникин, Западного - генерал Балуев, Румынского - генерал Щербачев, выступили в поддержку Корнилова. Только командующий отдаленного Кавказского фронта генерал Пржевальский остался верен Временному правительству.

Противостояние армии и власти достигло верхней точки. Корниловские части шли на Петроград. Временное правительство было в панике, обсуждался вопрос о передаче власти генералу Алексееву. Корнилов выпустил обращение с обвинением правительства в том, что оно под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германцев, убивает армию и потрясает изнутри страну. Керенский объявил Корнилова изменником Родины и призвал армию к защите революции.

Двадцать восьмого августа Петроградский Совет образовал комитет по борьбе с контрреволюцией, главным механизмом которого стало бюро военной организации большевиков. Стала создаваться рабочая милиция, в ней легализовывались ячейки Красной гвардии, которые были на каждом заводе и после июльского выступления ушли в подполье. В первые дни в милицию записалось 25 000 человек, их вооружили винтовками и даже пулеметами.

А Корнилов взывал к патриотическому чувству.

Керенский, Советы, комитет борьбы с контрреволюцией и центральный комитет железнодорожного союза призывали всячески препятствовать продвижению войск.

Повторялась февральская история.

Ее на сей раз разыграли те же российские силы: бюрократия вместе с военными - интеллигенция в основном либерального толка - народные массы во главе с леворадикальной интеллигенцией.

Мы знаем, что продвижение войск к столице было блокировано уже двадцать девятого августа, войска были распропагандированы, генерал Крымов застрелился.

В этой обстановке Корнилов согласился подчиниться генералу Алексееву, который, в свою очередь, согласился принять должность начальника штаба Ставки при Верховном Главнокомандующем Керенском. Оба генерала надеялись, что еще есть надежда сохранить армию.

Но было уже поздно.

Ни о каких решительных мерах, на которых настаивал Корнилов, не могло быть и речи. Общественная сила все больше переходила к большевикам, реальным спасителям "свободы". Судьба Керенского была предрешена. На Россию неотвратимо надвигался ужас и сонмища "мелких бесов".

На фронте последовали еще большие перемены. Отныне приказы командиров должны были исполняться лишь после подписи членами комитетов, устанавливался контроль за всеми телефонными и телеграфными переговорами. Солдатская масса окончательно убедилась в том, что ее первыми врагами являются офицеры.

От фронта осталась одна оболочка - солдатская шинель.

Октябрьский переворот добил армию. Новые власти распорядились упразднить погоны, избирать командиров, как атаманов, прямым голосованием. Офицерский корпус перестал быть нужным.

Что с ними должно было стать, с русскими ненужными офицерами? Казалось, только смерть осталась им. Российского государства больше не было. Служить некому. Подчиняться разнузданной толпе? Терпеть унижения? Исполнять волю комитетов, назначавших капитанов и полковников кашеварами и писарями? Зачем цепляться за жизнь, когда она лишилась смысла?

И - револьвер к виску.

Ведь как человеку жить без веры, без отечества, без своего народа?

От Великой России осталось только полковое знамя. Преображенский полк еще держится, но все громче в комитете звучат торжествующие голоса, что Кутепов - стратег старого режима, его надо послать писарем хозяйственной части полка.

Недолго оставалось Преображенскому кораблю выдерживать бурю, он был обречен.

Двадцать первого ноября офицеры прощались со знаменем полка. Его сняли с древка, свернули и приготовились спрятать. Кутепов отвернулся к окну, по его бороде текли слезы. Он забарабанил пальцами по стеклу. Слова были ни к чему. Не было ни торжественных заверений, ни прощальных клятв отомстить. Словно подчеркивая распад всех традиций, на походных кроватях лицом к стене лежали Малевский-Малевич и Вансович. Правда, они издавали какие-то глухие, лающие звуки, выдающие сдержанное рыдание. Несколько офицеров, униженные увиденным, злобно смотрели в пол.

Они стали сиротами. Во всем мире у каждого человека, даже у самого убогого, были в душе огни, которые светили в любой тьме. У них теперь ничего не было, настала ночь.

Второго декабря 1917 года последним приказом Кутепова полк был расформирован. Петр Великий, наверное, перевернулся в гробу - любимый его полк больше не существовал!

В горе, отчаянии, безнадежности офицеры потянулись на Дон. Это была агония Великой России, породившая яркую жертвенную вспышку Белой идеи - идеи борьбы с разложением государства. Наконец-то они были свободны от всего, кроме этой высокой идеи. За ними была великая история, культура, слава. А что было за их врагами? Жажда добить, доломать страну?

Но насколько были соизмеримы противостоящие силы, в конце 1917 года никто не знал.

Ледяной поход - последний подвиг Корнилова. Кутепов становится крупной фигурой. Деникин против Краснова

Двадцать четвертого декабря Кутепов вступил в Добровольческую армию, прибыв в столицу Донского казачества Новочеркасск.

Здесь со второго ноября сухой старик в очках, с седыми жесткими усами, одетый в штатский костюм, занимался организацией патриотических вооруженных сил. Это был генерал Алексеев, одна из самых значительных фигур злосчастного семнадцатого года. Это он был одним из организаторов давления на императора Николая II в смутные февральские дни, это он разочаровался в руководителях Февраля, это он морально поддерживал Корнилова в августе и тем не менее для спасения армии вступил в соглашение с Керенским, это он арестовал Корнилова в Могилеве. За плечами этого шестидесятилетнего больного человека была, по сути, уже вся жизнь. Он предчувствовал близкую смерть и считал, что сейчас делает "свое последнее дело на земле". Он был не дворянином, а сыном сверхсрочного солдата. Воевал на трех войнах, еще с далекой русско-турецкой, осененной участием Александра II, наследника престола будущего императора Александра III, генералов Скобелева, Драгомирова, Гурко. Алексеев видел и цветущую страну, и разбившуюся державу.

Дон представлялся ему богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой, опираясь на казачество, он намеревался собрать последнее ополчение - офицеров, юнкеров, добровольцев из всех слоев населения, чтобы восстановить в государстве порядок. По-видимому, Алексеев представлял положение сходным со Смутным временем, когда в Кремле засели иностранцы, поставившие своего царя, а окраинные области России должны были организовать национальное сопротивление. Но положение, как вскоре генерал убедился, было иным: как и в дни корниловского выступления, народная масса, в том числе и казачество, была равнодушна ко всякой патристике, считая ее уделом высшего, находящегося за трещиной слоя.

В добровольцы записывалось на удивление мало!

В Новочеркасске, на окраине, в помещении одного из

лазаретов на Барочной улице разместилось помещение для офицерского общежития. В ноябре Алексееву удалось получить пожертвованиями всего четыреста рублей.

Атаман войска Донского был в сложном, двойственном положении. Лично он горячо сочувствовал Алексееву, но в области царили настолько враждебные попыткам вовлечь казачество в новую войну настроения, что Донское правительство надеялось, не принимая участия в борьбе, спасти Дон от нашествия большевистских сил. Поэтому генерал Каледин просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске дольше недели и перебраться со своей кучкой офицеров куда-нибудь за пределы области - на Волгу в Камышин или на Северный Кавказ.

Алексеев же по-прежнему хлопотал, искал провиант, кровати, хоть немного денег.

Каждый день приезжали на всех поездах с севера и юга новые группы офицеров.

Они находили приют у Алексеева. Им приходилось переодеваться в цивильную одежду, днями высиживать в общежитии, чтобы не дразнить казаков появлением своим на улицах, но все же они были там, где им следовало быть.

Долго так не могло продолжаться. Пружина сжималась. Для того чтобы успокоить соглашательские круги, Каледин даже устроил инсценированный "допрос Алексеева", однако старик пришел в негодование и отверг нелепую игру. Вместе с тем Каледин и его жена тайно передавали офицерам деньги. Неопределенность кончилась тогда, когда атаман Каледин не нашел верных войск, чтобы разоружить стоявшие в городе два запасных пробольшевистских полка. И он обратился к Алексееву.

Мерным шагом, строго и сильно шел по улицам Новочеркасска офицерский отряд. Погоны, ремни, винтовки - все было прочно. Шла сила.

Повторялась августовская история. Снова сталкивались две силы - слабое, нерешительное донское правительство, Донской круг, который можно сравнить с Временным правительством, и добровольцы Алексеева. У Каледина не было под рукой не только военной силы, но и законодательной и исполнительной власти. Как свидетельствует Деникин, заседания правительства были похожи на заседания "провинциальной городской думы с нудными, митинговыми, а главное, лишенными практического значения словопрениями".

Храбрый и умный Каледин был словно полупарализован.

К тому же с возникновением государственной власти на местах возник местный сепаратизм, имеющий на Юге и Кавказе значительную базу, который реагировал на государственную

идею добровольчества очень холодно.

Двадцать шестого ноября равновесие кончилось, большевики выступили в Ростове и Таганроге, власть там перешла в руки военно-революционных комитетов. Каледин обратился к казакам - казаки отказались навести порядок.

Атаман не хотел начинать военных действий, боялся первым пролить кровь, предчувствуя, что и это положения не спасет. Но отступить перед чуждой ему силой он тоже не мог.

И он пришел к Алексееву за помощью.

Добровольцы взяли Ростов. Их отряд составлял тогда не более пятисот штыков.

Тотчас по прибытии в Новочеркасск Кутепов получил назначение начальником гарнизона в Таганроге и его районе. В городе было юнкерское училище. Кутепову придали Георгиевский батальон в восемьдесят человек под командованием семнадцать раз раненого, опирающегося при ходьбе на палку полковника Тимановского и партизанский отряд Семилетова практически из одних юнкеров и гимназистов.

С севера наступал многотысячный отряд Сиверса.

Стояли сильные морозы, обороняться было тяжело. По железной дороге к Матвееву Кургану подходили составы с красногвардейцами; они рассыпались вдоль полотна и вперевалку шли к станции, стреляя на ходу. Напор был сильный, но бестолковый. Кутепов раз за разом отбивал эти атаки. Бои шли ежедневно. Большевики, получив отпор, митинговали у своих подъездов, силой захватывали их и двигались обратно. Им на смену прибывали новые отряды. Это была тяжелая, давящая на нервы война, без надежды на серьезный успех. Пока что горстка удерживала тьмы. Надолго ли?

Убитых складывали на платформы. Сами жили в товарных вагонах, с печками.

За спиной - рабочий Таганрог, сорок тысяч рабочих. На добровольцев они смотрели мрачно, редкие юнкерские патрули вызывали у них злобу. Четырнадцатого января рабочие восстали. Два дня юнкера отбивались, начальник училища полковник Мостенко собрал их вокруг себя и приказал пробиваться к Кутепову. Он был ранен. Его несли по улице под обстрелом. Мостенко видел, что с ним юнкерам тяжело, и они все тут лягут. Он приказал его оставить, прикрикнул, и молоденькие юнкера, хмурясь и отворачиваясь, побежали вдоль улицы. Он проводил их взглядом и застрелился. Не первый и не последний был полковник Мостенко, царство ему небесное!

Немногие юнкера добрались до Кутепова.

Это не война, этому нет названия.

Под Таганрогом добровольцы не могли долго держаться. Их просто вытесняла накапливающаяся масса, рвала маленькую плотину Кутепова.

Они тогда еще не могли знать, что обречены. Ни ложащиеся лицом в снег фронтовые офицеры, ни четырнадцатилетние кадеты, ни бесстрашные юнкера, ни старые генералы.

В Добровольческой армии было потом все - и жестокость, и воровство, и грабежи. Гражданская война пробуждает в человеке звериное начало. Но тогда, в начале восемнадцатого года, добровольцы были никем иным, как рыцарями Белой идеи.

Когда в Новочеркасском Войсковом соборе отпевали погибших мальчиков, чувства и мысли живых обращались к Господу с немым вопросом: за что они погибают? За чьи грехи?

Это были русские триста спартанцев, перегораживавших в новом Фермопильском ущелье путь полчищам врагов - своих соотечественников.

Разбившаяся волшебная сказка о дворянской империи собрала в январе восемнадцатого года около пяти тысяч добровольцев. По этому поводу возникает множество аналогий. Может ли культурный человек безболезненно изменить исторической традиции, в которой жили еще его отцы и деды и которая, по сути, является духовной оболочкой его физической жизни?

А что было до этого крестьянину, казаку, рабочему?

Тоска по утраченной прекрасной родине была близка далеко не всем.

Корнилов намеревался собрать десять тысяч человек и потом начинать активные боевые действия. Однако, несмотря на внешне бесплановые действия большевиков, они окружали Дон со стороны Украины, Царицына и Северного Кавказа, намереваясь сжать кольцо.

В середине января добровольцы оставили Новочеркасск и перешли в Ростов, покинув негостеприимную донскую столицу, где они были в ловушке. Но и в Ростове они не могли долго держаться.

Добровольческая армия была практически обречена, и спасти ее могло снова только чудо. Оставалась надежда на Кубань, где еще не было такого влияния большевиков.

Двадцать шестого января (восьмого февраля по новому стилю) генерал Каледин позвал телеграммой в Новочеркасск Алексеева и Корнилова, чтобы обсудить план дальнейшей борьбы. Они не приехали, послали генерала Лукомского, который вместо помощи, наоборот, потребовал срочно вернуть офицерский батальон. Защищать Новочеркасск становилось некому.

Оставалось уповать, на то, что бронзовый Ермак у Атаманского дворца оживет и пойдет оборонять столицу.

Лукомский предложил Каледину переехать на юг, в район низовых крепких станиц и там продолжать борьбу. Каледин заявил, что не оставит города, ибо атаману недопустимо бежать, - лучше погибнуть.

Двадцать восьмого января (десятого февраля) Корнилов послал Каледину телеграмму, что более оставаться на Дону гибельно и что добровольцы уходят на Кубань.

Каледин свое обещание выполнил. Этот храбрый генерал, герой Брусиловского наступления, собрал последнее заседание правительства и, сообщив, что фронт защищают всего 147 офицеров, юнкеров и гимназистов, сказал на прощание:

- Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но и настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития; предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю.

Начались дебаты, он их оборвал:

- Господа, короче говорите. Время не ждет. Ведь от болтовни Россия погибла!

Дотом он вышел в комнату рядом со своим кабинетом, снял китель, Георгиевский крест, лег на кушетку и выстрелил себе в сердце.

Каледин выбрал свой последний путь.

Между тем положение добровольцев в Ростове с каждым часом становилось все тяжелее. Неожиданным ударом со стороны Ставрополя большевистский отряд пехоты с артиллерией занял Батайск и начал обстреливать Ростов из пушек. На Таганрогском направлении добровольцы под напором Сиверса отступили почти до Ростова, не помогли ни доблесть, ни выучка. И наконец, в самом предместье Ростова Темернике рабочие начали обстреливать вокзал.

Занавес опускался.

Уходить зимой, без запасов, полуодетыми - в никуда?

А оставаться - наверняка погибнуть в неравном бою.

В России было четыреста тысяч офицеров, уходило из Ростова около четырех тысяч.

К вечеру покидают город. Идут в молчании.

Мороз, сухой снег. Каждый переживает про себя и, может быть, еще до конца не верит, что это происходит с ним. Тянется обоз, подводы с чемоданами, узлами, ящиками. Вывозят винтовки, снаряды, патроны, консервы, чай, сахар. Пятьсот

комплектов белья, восемь тысяч банок консервов...

Арьергард из восьмидесяти человек ждет, когда все пройдут.

В городе стреляют.

Впереди колонны идет Корнилов. Он в коротком полушубке с генеральскими погонами. Отказывается от лошади.

Вышли к Аксайской станице. Казаки не хотят давать ночлега офицерам, боятся. Что же, усмирять?

Казаков нельзя было обижать и притеснять, на них была вся надежда в будущем. Да и свои это были, как воевать со своими? Еще трудно было к этому привыкнуть.

За Аксайской - станица Ольгинская. Здесь стояли два дня, дожидались отставших. Офицерский полк - генерал Марков, Корниловский - полковник Неженцев, партизанский - генерал Богаевский.

В Офицерском полку - три роты по 250 человек. 3-й ротой командует полковник Кутепов.

У него как будто повторяется молодость, начало службы. Иди впереди и гибни.

Да что там... Вот генерал Деникин - потерял теплое пальто в Батайске, в худых сапогах, кашляет от простуды.

Надежда - на Корнилова. Он выведет!

Нищая жалкая армия вышла из Ольгинской. Провожать ее высыпала вся станица. Стоял весенний голубой день, сияло солнце. Никакой бедой не пахло. Казаки с семьями, улыбаясь, смотрели на тянущуюся по улице пехоту.

- Ну что, станичники, не хотите нам помогать: - готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам, - язвительно заметил казачий генерал Богаевский.

- Скоро будут к вам дорогие гости!

- На всех хватит, - ответил пожилой бородатый казак, и вся его семья засмеялась.

Дальше пролег путь на Хомутовскую, Мечетинскую, Егорлыцкую. За Егорлыцкой начиналась Ставропольская губерния, где еще нет советской власти, но есть ушедшая с Кавказского фронта 39-я пехотная дивизия, большевики, местные советы, местный сепаратизм. Впереди - Екатеринодар. Надо спешить, чтобы прорваться туда, опередить противника.

В нескольких верстах за Лежанкой железная дорога, занятая частями 39-й дивизии. Надо ждать боя.

Но к Корнилову в Егорлыцкую прибыла депутация, обещала от имени всех жителей пропустить добровольцев. И слава Богу, что так.

Ясное, чуть морозное утро. Тянется по степи колонна. Впереди Офицерский полк. Во главе широко шагает, опираясь на

палку, помощник командира полка полковник Николай Степанович Тимановский: Он гимназистом шестого класса ушел добровольцем на японскую войну, был тяжело ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами. Впереди у него очередное ранение, о котором он меланхолически скажет в первую же минуту: "Восемнадцатая дырка", впереди командование Офицерской имени генерала Маркова дивизией и смерть от тифа. А пока он посасывает свою неизменную трубку и идет, несмотря на то, что каждый шаг отдается болью в раненом позвоночнике.

Одну из рот ведет Кутепов.

Первый бой добровольцев! Офицеры шли спокойно, не ложась, прямо на Лежанку. Село опоясано окопами. Речка, мост, у церкви стоит батарея и бьет вдоль дороги. Офицерские роты идут в полный рост, и блестят штыки. Огонь все чаще. Уперлись в реку, залегли. Корниловский полк пошел прямо по пахоте вправо, в обход. Партизанский - влево. Прямо на дороге юнкера полковника Миончинского установили два орудия и начали стрелять. В атаке - заминка. Сколько ждать?

Кутепов лежит на оттаявшей липкой земле и вот приказывает своей роте:

- Броском! В реку.

Рота встает и переходит холодную с илистыми берегами речку вброд. Вода доходит до груди.

- Ура!

На том берегу смятение. Бегут!

И Кутепов, весь мокрый, сухая только фуражка, выскакивает на берег, перехватывая винтовку покрепче.

Добровольческая армия продвигалась к Екатеринодару. Прошли станицы Плоскую, Незамаевскую, Веселую, Новолеушковскую, Старолеушковскую, Ираклиевскую, Березанскую, Журавский хутор, Выселки-первые, Выселки-вторые, Кореновскую... Бои были непрерывные. Потери равнялись четыремстам убитых и раненых. Непрерывное напряжение от боя и "кошмара походного лазарета" изматывало людей.

Взятие Новодмитриевской - это и есть эпопея, потом получившая название Ледяного похода.

Добровольческая армия, осколок Российского государства, только по исторической инерции, может быть, пробивала все преграды. Ледяной поход был наивысшей точкой напряжения сил.

Накануне всю ночь лил дождь. Утром он не прекратился. Полкам пришлось идти прямо по полю, по размякшему вязкому глинистому киселю. Больших дорог в этом направлении не было.

Снова повторялось - надо до предела измучиться, искалечиться, чтобы добиться короткой передышки перед

следующим боем.

Уже начинало смеркаться. Погода сделалась еще хуже, ударил с ветром мороз. Запуржило, насквозь [вымокшие под дождем люди стали обрастать |льдом, руки застывали в бесчувственные чурки.

Надо пройти и это мучение.

Пушки и пулеметные двуколки не могут переправиться. Значит, с одними винтовками.

Обледенели затворы. Значит, штыками.

Вдобавок кубанцы Покровского, которые должны были штурмовать Новодмитриевскую с юга, не подошли, не захотели выступать по такой непогоде...

Конный дивизион - быстро вправо вдоль берега! Найти переправу! Охватить станицу с фланга!

Не получилось у конницы. Не нашли переправы, вернулись. Все - в белой корке, и всадники, и кони.

Ждать больше нечего. Или взять Новодмитриевскую, или подохнуть в поле!

А в станице, в тепле - тоже люди. Не уступят просто так.

В промокших до нитки, раздувшихся шинелях, скользя и падая в скользкую грязь, офицеры побежали к станице. Всего два десятка человек, два отделения.

Подошли к балочке. Через нее мосток. Перебрались. На бугре - часовой, окопы, орудия. Затаились, окоченевая. Потом подошло еще скудное подкрепление. И ударили!

Начался штыковой бой. Дрались у каждой хаты насмерть. Раскаленные злобой и яростью осколки бывшей России были неостановимы. В их облике не осталось ничего человеческого, это были несчастные полузамерзшие существа.

А те, что были в теплых хатах, не успели ни построиться, ни изготовиться к бою.

Снова меньшая сила переломила большую.

Уже кончался бой. Вот и окраина.

Несколько офицеров забегают в какой-то сарай. Нет, там никого нет. Один шарит в углу, там бочки.

- Господа, да здесь моченые яблоки да помидоры с огурцами!

- Где? А ну, дай-ка попробовать.

Запахло укропом, рассолом. Все вдруг почувствовали страшный голод, стали хрустеть яблоками, отставив в левых руках винтовки с еще незастывшей кровью на штыках.

Снаружи доносились редкие выстрелы. Вдруг раздался мерный топот. Кто? Почему?

Выглянули наружу. Увидели - шагает строем в обледенелых шинелях, в белых бородах и усах рота Кутепова. Сбоку идет

командир, блестят сосульки в бороде, он резко командует:

- Ать, два! Ать, два! Как на учении.

- Рота, стой!

Встали, звеня, но нечетко. Кто-то сбился.

- Отставить! - И снова повторяется: - Рота, стой!

На этот раз остановились все разом. Кутепов удовлетворенно сказал:

- Разойдись!

Это была какая-то фантасмагория. Это мог быть только Кутепов. Другому бы никто не стал подчиняться.

Да, это были люди-осколки. Их связывали тысячи нитей с прошлым, с любовью матерей, с молитвой, с книгами.

- Ать, два! - командует полковник Кутепов.

Горит тусклая свеча. Голос раненого читает о похождениях французских дворян.

Не прерывается в душе, тянется нить к столетним заветам.

А вокруг пылает новая пугачевщина. Вешают священников, кастрируют и распинают офицеров, насилуют гимназисток. Там нет ничего, только мрак.

- Рота! - командует Кутепов, и за ним встают герои Шипки, суворовские чудо-богатыри, сияют мраморные доски в Храме Христа Спасителя.

В Новодмитриевской произошло соединение добровольцев с кубанским отрядом, армия переформировалась. Кутепов был назначен помощником командира Офицерского полка.

Впереди был Екатеринодар.

Там Добровольческая армия израсходует силу своего порыва. Там погибнет Корнилов. Там Кутепов сменит убитого командира Корниловского полка Неженцева. Там во главе армии встанет Деникин и поведет ее обратно к Ростову.

А пока - вперед на Екатеринодар!

Риск, самоотверженность, стратегическое мышление - все было здесь.

Легко вышли на окраины города. Эта легкость, подъем духа побудили Корнилова, не дожидаясь развертывания всех сил, начать штурм. Если бы не это решение, исход мог бы быть иным.

Поднимая цепь, убит командир корниловцев тридцатидвухлетний Митрофан Неженцев. Командование временно принял двадцатичетырехлетний капитан Скоблин, измученный и одеревеневший от усталости. Вскоре Корнилов назначит на место погибшего - Кутепова.

Атаки продолжаются, потери добровольцев громадны.

Что делать? Одиннадцатого апреля едва не случилось чудо, в ночь с одиннадцатого на двенадцатое батальон с генералом

Казановичем во главе (ранен в плечо, рука на перевязи), преследуя отступающих защитников, дошел почти до центра города. И сорвалось.

Военные привыкают к виду смерти, к страданиям раненых, неудобствам и мучениям боевого быта. Они знают, что каждый день на войне может быть для них последним. Но когда? У Корнилова наверняка было предчувствие близкой смерти. Словно испытывая судьбу, он ходил под обстрелом возле своего штаба и на попытки увести его только отмахивался.

Он погиб быстрой легкой смертью: граната пробила стену в той комнате, где он один сидел за столом, и разорвалась под столом. Его отбросило взрывом, ударило о печку.

Смерть главнокомандующего потрясла всех, люди плакали навзрыд. Кутепов не плакал, не отчаивался. Еще была армия, и надо было воевать.

Начался отход добровольцев.

Отступали с боями, оставляя тяжелораненых, и не знали, что с ними со всеми будет дальше.

Спасли донские казаки. Они недолго терпели разгул новой власти, грабежи, реквизиции, казни, дележ казачьей земли крестьянами. Четырнадцатого апреля восставшие казаки неожиданным ударом захватили Новочеркасск. Бронзовый Ермак на пьедестале перед Атаманским дворцом, казалось, ожил.

Все изменилось вдруг. На Украине были немцы и украинская Центральная Рада во главе с гетманом Скоропадским, они благосклонно отнеслись к казачьему выступлению, образовали заградительный щит с запада. К Ростову на соединение с добровольцами пробился тысячный отряд с Румынского фронта под началом полковника Дроздовского.

В конце апреля Деникин, новый командующий Добровольческой армии, смог направить раненых в вольный Новочеркасск. Их было две тысячи. Ростовское купечество пожертвовало в их пользу по подписке 470 рублей. Это же сколько пришлось на одного раненого?

Начинался новый этап гражданской войны. Уже сорганизовались казачьи станицы, собрался Круг спасения Дона, решивший образовать настоящую регулярную армию взамен партизанских отрядов. Атаманом был избран генерал Краснов.

Краснов вошел в нашу историю в трех ипостасях: как один из доблестных казачьих генералов, как один из руководителей белого движения и как писатель.

Во всем этом он, по сути, повторяет своего постоянного соперника Деникина, которому впоследствии и должен был подчиниться. Повторяет, кроме одного существенного

обстоятельства - Краснов считал, что в новых условиях, уже не мировой, а гражданской войны, надо ориентироваться на Германию, чьи геополитические интересы диктуют ей стремиться к сохранению целостности России, но не на страны Антанты (преимущественно на Англию), чьи интересы в разделении России на ряд самостоятельных государств. Эта "германская ориентация" потом была использована Деникиным в сложной борьбе против Краснова, в которой столкнулись еще и два принципа ведения войны: Деникин стоял за "единую и неделимую" Россию, не желая признавать никаких региональных образований, никаких самостийностей, Краснов же - за признание местных интересов и через это - дальнейшее сложение всех сил в единый фронт освобождения России.

Кто из них был прав?

Трудно представить, что генерал Деникин за несколько месяцев смуты может перевернуть свои взгляды. Его идеал - Российская держава, наследница империи. Никаких автономий и независимых новообразований он и знать не хотел.

Все русские генералы, волею судьбы оказавшиеся во главе белых армий на окраинах империи, были за "единую и неделимую", - Миллер в Архангельске, Юденич на западе, адмирал Колчак в Сибири, Деникин на юге. Расплачиваться за военную помощь территорией Польши, Украины, Прибалтики, Финляндии для них было невозможно. В этом вопросе они стояли насмерть, отбрасывая всех возможных союзников. Например, на предложение генерала Маннергейма Колчаку двинуть на Петроград стотысячную армию в обмен на официальное заявление о признании Верховным правителем независимости Финляндии был дан категорический отказ.

Полковник Кутепов ничем не отличался от своих командиров. Он был воспитан преданным России, маневрировать не умел. "Единая и неделимая" как исторический образ прекрасной Родины был неприкасаем. А то, что этот образ исчез из политической реальности и остался только в памяти, он не осознавал.

Генерал Краснов был не только русским, но и казачьим генералом. Последнее обстоятельство делало его большим реалистом, возвращало на грешную донскую землю, где петербургская империя никогда не воспринималась прекрасной Родиной, - он хотел опереться на всех, кто был против большевиков, на казачьих сепаратистов, на украинских "незалежников", на немцев.

Казаки, всегда особо ценившие свои обычаи, отличались от добровольцев весьма заметно.

Что такое было Всевеликое войско Донское для офицера

Добровольческой армии? Донская область, Донская губерния и больше ничего...

Тем, кто в сердце своем носил бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, претил новый донской флаг. Немногие понимали значение его, как переходного флага. Не понимал его и Деникин...

Но пока у донского атамана на фронте была шестидесятитысячная армия, а у него вместе с кубанцами насчитывалось двенадцать тысяч, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и Добровольческой армией, с другой, Деникин молчал, и только окружающие его готовили грозную кампанию против генерала Денисова, атамана и всех донских патриотов. Они стремились свалить войско Донское, и впоследствии при помощи союзников они свалили его, но в результате погубили последний ресурс в своей борьбе. Как только война перестала быть национальной, народной, она стала классовой и, как таковая, не могла иметь успеха в беднейшем классе.

У добровольцев с казаками с самого начала, еще с конца семнадцатого года, как не заладились отношения, так они и не сложились к лету восемнадцатого.

На Ростовском вокзале, возмущая русские души, висела огромная вывеска на немецком языке - "Кавказ". Немцы поддерживали Краснова и готовы были поддержать Деникина. Ни англичан, ни французов не было и в помине. Добровольческая армия получала через донцов снабжение от немцев, но вела резкую пропаганду против гетмана Скоропадского и германских войск. В конце концов немцы возмутились и запретили Краснову передавать оружие и снаряжение. Атаман был вынужден делать это тайно.

Прошлое, его знамена и победа, договоры и пролитая кровь, диктовало с того берега живым людям, что они должны действовать по законам рассыпавшейся сказки.

Антибольшевистские силы юга России имели возможность весной восемнадцатого года сесть в германский поезд и к осени доехать до Москвы. Атаман Краснов предлагал Деникину совместное наступление в направлении Царицына и Воронежа.

Горько ехать в германском поезде по России?

Лучше было подождать англо-французского? Но будет ли он? Поступят ли от союзников войска? На это надеялись.

А пока Краснов договаривается с гетманом Скоропадским о совместных действиях против большевиков и привлечении самостоятельной Грузии, автономных Кубани, Крыма, Северного

Кавказа, Добровольческой армии. О "единой и неделимой" ни слова. Ее судьба будет решаться после победы.

Но Добровольческая армия отворачивается от "сепаратистов", начинает борьбу за освобождение Кубани, чтобы иметь на юге широкую базу; поход на север ее не интересует.

Что ждет столь разных союзников?

Кутепов на месте убитого Маркова. Военный губернатор, командир бригады, корпуса. На Москву. Новороссийская катастрофа

Из Ростова добровольцы выступили в свой второй Кубанский поход. Первый Кубанский, он же Ледяной, уходил в историю. Против них было около ста тысяч штыков с огромными боевыми припасами со складов бывшего Кавказского фронта. Но теперь у них за спиной - не равнодушные, отводящие глаза казаки. Стало легче. Они испытали, что такое погибать в безнадежном бою и победить вопреки всему.

Через три дня после начала похода, в одном из первых боев был убит генерал Сергей Леонидович Марков, отважный, веселый, всегда шедший в самое пекло. Разрыв снаряда - и свет меркнет. Его хоронят, и слезы текут по обветренным офицерским лицам. Сколько еще впереди таких похорон? Никто не вернет Корнилова, Неженцева, Маркова...

Здесь же, под станицей Шевлиевской, Деникин назначает полковника Кутепова командовать Первой дивизией. Временно.

Он командовал дивизией месяц, был с ней в боях под станицами Великокняжеской, Тихорецкой, Кущевской. Под Тихорецкой после жесткого боя едва не был убит: большевики уже подняли над окопами белые платки на штыках, Кутепов со штабом подъехал к окопам, а оттуда вероломно открыли стрельбу, убив рядом с ним несколько человек.

День за днем Кутепов проводит на передовой со своими полками, с Корниловским прежде всего. Он делает то, ради чего живет. Он воюет за Родину.

Он холост, одинок, его жизнь принадлежит только ему.

Во сне к нему приходят погибшие. Или же он забывается тяжелым натруженным сном.

Он не был жестоким, не любил, когда исстрадавшиеся душой офицеры, те, у кого убили, сожгли, изнасиловали, распяли близких, вели личный счет убитым врагам, делая на винтовочных прикладах зарубки.

Через полтора месяца добровольцы взяли Екатеринодар.

Второй Кубанский тоже стал историей, и новые мертвые легли в землю.

В Екатеринодаре добровольцы с ужасом узнали, что могилы Корнилова и Неженцева были разрыты, тела подвергнуты

глумлению и потом сожжены. Это небывалое обращение с павшими было одной из черт большевистской вольницы, поставившей себя не только за трещину, расколовшую народ, но и за грань христианской морали. Осквернялись могилы, испражнялись в церквах, стреляли в иконы, - стиралась память, отрезалась возможность вернуться к человеческим законам.

Вот как расправлялись с тремястами офицерами, содержащимися в трюме крейсера "Румыния" в Евпатории.

Смертников вызывали к люку. Вызванный поднимался наверх и шел к месту казни через строй матросов, которые срывали с него одежду и били. Затем офицера валили на палубу, скручивали ноги и руки и начинали медленно отрезать у живого человека уши, нос, губы, половой орган, руки. На залитых кровью досках лежал извивающийся обрубок с оскаленным кровавым куском мяса вместо лица. Только после этих мучений офицера сбрасывали в море, и он тонул, избавляясь от страданий.

Один из сподвижников Кутепова рассказал такой случай: "Однажды мы выбили большевиков из какого-то села Ставропольской губернии и разошлись по хатам. Я был вместе со своим большим другом, еще с Великой войны. Большевики совершенно неожиданно перешли в контратаку и застали нас врасплох. Кто в чем был, выскочил на улицу и помчался за околицу. Я тоже... Пока пришли в себя, пока подобрали все, прошло немало часов... Подхожу я к своей хате, а около нее лежит мой друг, раздетый догола, весь в крови... Глаза выколоты, все тело обезображено... Я как увидел это, так и пошел без оглядки. Иду и иду... Смотрю, а я уже в степи, в пшенице... Огляделся и вдруг вижу невдалеке небольшой шалаш, а около него две винтовки. Сторожевое охранение красных, а я с голыми руками... Заклокотало во мне, на весь полк полез бы... Подскочил я к винтовкам, схватил одну и заглянул в шалаш, а там сидят два красногвардейца.

- Ну-ка, товарищи, - сказал я, - прислонитесь друг к другу головами. И одним выстрелом обоих наповал... Отлегло от сердца".

Сколько еще будет крови, жестокости, отмщения. Пленных не брали. Это потом обе стороны будут обращать их в свою веру, во всяком случае использовать на фронте. Но тогда - некуда было брать. Расстреливали после каждого боя.

После одного из боев взяли в плен красных курсантов. Вывели на расстрел и поставили в ряд. Они не просили о пощаде, но попросили дать выкурить по последней папиросе. Им разрешили. Они выкурили.

- Теперь дозвольте нам спеть.

- Пойте.

Курсанты запели "Интернационал".

Офицеры, криво улыбаясь, слушали. Вроде бы пели русские люди. И мужественные, не пригибались. Волосы шевелились от их песни.

Им дали допеть, и стукнул залп, унося неприятное чувство.

Еще попадались среди красной стихии вот такие кристаллы и заставляли задумываться о будущем народа и страны. Нельзя было воевать только из мщения и ненависти. Нельзя было малым числом победить человеческое море.

Вскоре среди белых даже зародится какая-то странная гордость за русских большевиков. Их ненавидели, их расстреливали, но - были за то, чтобы Москва, хоть и красная, диктовала свою волю немцам и союзникам. В этом чувстве была самоубийственная мысль: ту силу добровольцы не смогут одолеть.

После взятия Екатеринодара прошло несколько дней, и был занят Новороссийск. Кутепова назначили Черноморским военным губернатором.

На что надеялся Деникин, выбирая на эту должность полковника, а не гражданского чиновника? Видимо, просто хотел иметь надежного человека и доверился житейской сметке Кутепова.

На Кутепова свалились заботы о финансах, самоуправлении, налогах, хозяйстве. Опереться было не на кого, губернские чиновники находились в безвестном отсутствии, а может, их уже и не было на этом свете. И гвардейский офицер одним из первых решений учреждает земство, без различия сословий, на самой демократической основе, как сказали бы сегодня. Именно без различий сословий. То есть Кутепов руководствуется не существовавшей до сих пор государственной практикой, а здравым смыслом. Вокруг губернатора постепенно складывается аппарат власти, с которым он постоянно спорит, защищает население от попыток взыскать новые налоги. Он не дает разгуляться спекулянтам, коих всегда в военном тылу возникает множество, сурово карает за грабежи, твердо утверждает смертные приговоры бандитам.

За свои строгости он удостоился нелюбви коммерсантов и либералов, они окрестили Черноморскую губернию Кутепией. Но губернатора это мало интересовало.

В 1919 году Кутепов составил "Записку о своей деятельности в Новороссийске в бытность Черноморским военным губернатором".

Этот документ краток, лишен бытовых красок, отражает

только некоторые стороны его работы. И вместе с тем деятельность губернатора видна очень ясно.

"13 августа 1918 г. я прибыл в Новороссийск и согласно приказу Командующего Армией вступил в исполнение обязанностей Черноморского военного губернатора. В этот же день я заметил, что на рейде стоит германский миноносец, командир которого сразу же явился ко мне с приветствием по случаю моего прибытия. Встреченный мною очень сухо, он скоро уехал. В этот же вечер мне доложили, что германский миноносец приказал наливному судну с полным грузом керосина и нефти отправиться в Севастополь. Узнав, что это судно русское, я послал к командиру миноносца передать, что, не имея ничего против ухода из порта германского миноносца, я вместе с тем против выхода русского наливного судна, т. к., во-первых, - я не знаю, кому из русских владельцев принадлежит это судно, а во-вторых, - город сам нуждается в керосине и нефти, и без них остановится городская электростанция. Одновременно я сделал распоряжение поставить на мол 3-дюймовое орудие и не выпускать из гавани без разрешения командира порта ни одного судна, кроме иностранных военных. Об этом распоряжении был уведомлен и командир миноносца. На следующее утро миноносец снялся с якоря и ушел в море. Через несколько дней он вернулся обратно. Ко мне опять явился командир миноносца, но уже в сопровождении капитана 1-го ранга, по фамилии, кажется, князь Ливен. Через этого офицера командир миноносца просил разрешения переговорить с генералами Алексеевым и Деникиным. Но мною еще раньше была получена инструкция, по которой я должен был принимать немецких и австрийских чинов, но ни в какие политические разговоры с ними не вступать и каждый раз давать понять, что главное командование уклоняется от каких бы то ни было переговоров. Командир миноносца начал тогда говорить о наливном судне и доказывать, что нефть и керосин, находящиеся на нем, куплены им у торговцев. Представить документов он не мог, но указывал на свидетелей состоявшейся сделки. Мы тогда договорились, что одна треть груза будет отдана немцам, две трети оставлено городу, а само судно будет возвращено владельцу. После ухода командира миноносца капитан 1-го ранга, оставшись у меня, стал говорить, что немцы хотят войти в соглашение с Добровольческой армией, причем всячески убеждал меня быть посредником между нашим главным командованием и немцами. Вскоре миноносец ушел, но быстро вернулся и опять с тем же русским моряком. Последний на этот раз привез различные предложения, так, например, получить для Добровольческой армии разные медикаменты и

перевязочные материалы. Я понял, что это только предлог для того, чтобы завязать с нашим командованием переговоры, но все-таки запросил Екатеринодар, и мне было разрешено дать этому моряку пропуск для поездки в Ставку. Через несколько дней он вернулся, видимо, не добившись никаких результатов. Миноносец все эти дни поджидал возвращения капитана. За это время произошел инцидент с немецким матросом, который на берегу напился и стал буянить. Его арестовали и дали знать на миноносец. Командир его немедленно ко мне приехал и извинился. Миноносец еще несколько раз уходил и возвращался и однажды прибыл с одним очень напыщенным немецким ротмистром, который стал от меня добиваться разрешения проехать в Екатеринодар, где ему, по его словам, было поручено лично переговорить со Ставкой о взаимоотношениях на случай каких-либо недоразумений, могущих возникнуть между русскими и немцами, высадившимися на берег..."

Нет, немцы ничего не добились от Кутепова. Он запросил Екатеринодар, прошло два дня, ответа не последовало. И миноносец ушел ни с чем.

Понимал ли губернатор, что происходило, когда задерживал германских офицеров?

Да он и не думал ни о каких переговорах с врагами. А то, что он видел в них противников, это не вызывает сомнений. Полковник просто повторял Деникина.

Зато в остальном, в отнятом у немцев грузе, в этих двух третях нефти и керосина, потребных для городской электростанции, в отсутствии всякого интереса к "перевязочным материалам", в трехдюймовой пушке, - во всем этом явно чувствуется могучая натура.

Кажется, сквозь сухость документа просвечивает облик гвардейского полковника из навеки ушедшей Великой России. "Кутепия? - слышится его чуть насмешливый голос. - Черт с ним, пусть Кутепия! А мимо меня вы не проскочите".

Суров командир Преображенского полка, ничего не скажешь. Но приходится на эту пору его жизни и влюбленность и женитьба на "дочери коллежского советника Лидии Давыдовне Кют, девице православного вероисповедания", как определена она в "Краткой записке о службе генерала от инфантерии Кутепова Александра Павловича".

Попался холостяк в руки милой светловолосой женщины с открытым, чуть полным лицом и теплыми глазами. Или, может быть, вернее - она попалась ему. Именно ей он мог позволить себе сказать, что готов пожертвовать ради блага России и своей семьей, то есть ею самой и маленьким сыном. Она позволила ему

так сказать.

Полгода губернаторствовал Кутепов. В январе 1919 года его за боевые отличия в Кубанских походах произвели в генерал-майоры и назначили командиром 1-го армейского корпуса.

Прощай, Новороссийск! Может быть, надолго. Может, навсегда. Кто знает? Фронт - не гадалка, судьбу не напророчит, всяко может быть. Но ехал с радостью. Какой из него чиновник-губернатор?

Однако фронт от него отодвигался. К тому времени красные на Кавказе уже были разбиты. Добровольцы уже почти не встречали сопротивления, шли по дорогам, вокруг которых валялись сломанные телеги, походные кухни, лошадиные трупы. Порой попадались еще живые лошади. Они неподвижно стояли, опустив голову, и слабо ржали, почуяв движение людей.

Казалось, большевиков хватил паралич. Добровольцам доставались богатые обозы с разнообразным добром, мануфактурой, сапогами, мукой, спиртом, завязанным в узлы церковным имуществом.

А сколько всего по матушке-России сейчас бесхозного, награбленного добра и сколько растерявшихся бегущих толп в серых шинелях?

Кутепов ехал на станцию Прохладная Владикавказской железной дороги, где его ждал штаб корпуса, переформированный из штаба 1-й дивизии.

Штаб уже ждал его. Офицеры отобрали несколько вагонов, вымыли их, очистили от мусора, вытравили горячим паром клопов и составили штабной поезд.

Вокруг толпами бродили, разбредались кто куда безоружные красноармейцы. Они брели по шпалам на север к Ростову, гроздьями облепляли проходившие поезда. Отставшие, больные, ослабевшие слонялись по станции. На них не обращали внимания. Они не представляли опасности. Многие тихо умирали от тифа и истощения. Каждое утро местный казак с помощником обходил пути и подбирал трупы, волоча их за ноги.

Конец врагов был виден воочию, и горечь обжигала душу: ведь то были наши русские солдаты, наш народ.

Кутепову чудилось, что близко освобождение страны, выздоровление ее.

А в это время на западе, на Украине уже развалилась стена, защищавшая белых. В Германии произошла революция, немцы тоже потеряли армию. И возможность доехать на немецком поезде до Москвы развеялась. Атаман Краснов говорит о ней определенно и недвусмысленно: "Тогда - и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной армии, совершенно не

желавшей драться с немцами, несомненно так бы и было - тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий император явился бы в роли Александра Благословенного в Москву, и вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь русский народ, с которого были бы сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии, и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы такая громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожными оказался бы прорыв линии Гинденбурга и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напор на фронт, а требование Вильсона и нежелание союзников говорить о мире с имп. Вильгельмом, но лишь с германским народом, пошатнуло положение династии. Имп. Вильгельм был принужден отказаться от престола, власть в стране перешла в руки социалистов во главе с Эбертом, а Вильгельм с наследным принцем покинули страну. В войсках немедленно образовались Советы солдатских депутатов, а в городах - Советы рабочих депутатов. Ни о каком выступлении германских войск против Советской республики уже нельзя было думать. В самой стране начались беспорядки, поднятые большевистски настроенными группами "Спартака".

Сбылось предсказание старого консерватора Дурново! Война обрушила обе империи. Победителей не было.

1918 год мог повернуть судьбу страны.

1919 год - дал надежду. Но "красные полчища", как называл большевистскую армию председатель Реввоенсовета Троцкий, в этом году уже получили голову в виде военспецов, бывших генералов. Партизанщина жестоко искоренялась, за дезертирство расстреливали, избы дезертиров сжигали; железный обруч террора и сладкая музыка социальной демагогии, пустых обещаний дать пролетарию весь мир выковывали новые красные полки.

К середине апреля 1919 года красная 10-я армия вела наступление на Ростов. Донцы сопротивлялись слабо, отступали. Красные уже перешли реку Маныч и были на линии железной дороги Батайск - Торговая, а их передовые части - в переходе от Ростова.

Уход немцев и слабая помощь союзников поставили к весне перед белыми новые испытания.

Начинали оживать предсказания атамана Краснова, считавшего стратегию Деникина ошибочной, плодящей новых врагов. Но Краснов к тому времени уже был отставлен, Деникин

стал Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР).

Учитывая опасность со стороны Маныча, Деникин стал перебрасывать туда добровольцев. Кутепов был назначен командующим одной из войсковых групп в этом районе и вместе со штабом прибыл на станцию Песчанокопскую. Фронт тянулся по степи. Мелкие окопчики, в которых сидело по пять-шесть человек, тянулись тонкой линией.

В селе Песчанокопском, что рядом со станцией, во время 1-го Кубанского похода отступающие добровольцы оставили часть своих тяжелораненых. Оставили на смерть? Может быть. Но об этом старались не думать. И все-таки не могли не думать... Сперва в Песчанокопской раненые получили надежду, что с ними ничего не случится. За ними ухаживали и не выдавали. Только это продолжалось недолго, все-таки их выдали. Их судил сельский сход, судил просто: постановил казнить, что и было исполнено. Этим сход как бы продемонстрировал большевикам свою полную лояльность, непричастность к белым, и сохранил такой ценой село от репрессий. Крестьянам казалось, что это мудрое решение.

Снова народ отворачивался от "первой России", предоставляя право властвовать сильнейшему. В это было трудно поверить, но тем не менее все было именно так.

И чтобы Кутепов не слишком сосредоточивался над этим неразрешимым вопросом, судьба поднесла ему новый - в виде взрывного устройства, подкинутого в его вагон. Оно попало в руки Лидии Давыдовны, и она с удивлением разглядывала странный сверток, пока Кутепов не забрал адскую машинку у нее из рук.

Она впервые ощутила, наверное, что ее жизнь с Александром Павловичем не принесет ей счастья, а скорее всего кончится чем-то страшным. Кто ее защитит? Эта военная сила, эти офицеры, эти казаки? Нет. Она видела, что здесь для семьи нет места и что те малоразговорчивые жители Песчанокопского, так жестоко ограждающие свои хаты от войны, озабочены тем же, чем и она: сохранением своего маленького мира.

Но с Кутеповым об этом нечего было и разговаривать. Он лишь весело, чуть насмешливо улыбался, и его улыбка так выделялась на суровом лице, что заставляла верить в хороший исход.

На станции простояли недолго. Прибывшие кавалерийские части опрокинули переправившихся через Маныч красных. Прямо с поездов Кутепов кинул их в бой, несмотря на то, что начальник дивизии генерал Шатилов, сам раненый, передвигающийся при

помощи двух палок, просил его отложить атаку, чтобы привести войска в порядок. Кутепов дал ему высказаться, затем подтвердил приказ, ибо не было времени откладывать атаку. Затем он улыбнулся Шатилову своей веселой улыбкой и пошел его провожать, помогая спуститься с крыльца, сказав на прощание, что не ожидал приезда Шатилова, так как знал о его тяжелых ранах, но теперь совершенно спокоен за успех завтрашнего дела.

Он как бы говорил: "Павел Николаевич, мы с вами военные люди, наша судьба известная..."

В эту же пору Кутепов познакомился с союзниками. К нему в штаб прибыли два английских офицера, чтобы ознакомиться с положением на фронте. Это были простые, невысокомерные люди, обожженные войной. Они побывали на передовой, под обстрелом, и, не обращая внимания на пули, сосредоточенно записывали что-то в записные книжки. Они видели рваные шинели добровольцев, дырявые сапоги, побитые щитки пулеметов с облезлой краской. Они все поняли без слов.

На обратном пути англичанам устроили ужин в Кубанском казачьем полку, с тостами за английского короля, главнокомандующего Деникина, крепким самогоном, бешеной лезгинкой и отчаянной джигитовкой на площади, озаренной большим костром из соломы и хвороста. Казалось, древняя Скифия высунулась из ночной тьмы и показала Европе свое дикое простое обличье.

Потом англичане признались Кутепову, что у них дрогнуло сердце. Они еще помнили о русских жертвах в Великую войну. И они обещали поддержку. Что могли знать эти британцы о настроениях и интересах британской короны? Да и Кутепов ничего не знал. Он жал руки гостям, видел, что они искренние и честные офицеры.

Наступал новый, самый яркий боевой поход для 1-го армейского корпуса.

Снабжение через новороссийский порт было налажено, союзники стали поставлять боеприпасы и снаряжение, а то, что они так и не прислали воинские части, как-то забывалось.

К маю красные почти вытеснили небольшие силы добровольцев, оборонявших Донбасс. Отдать окончательно угольный район означало потерю не только сырьевой базы, важной для военных перевозок и промышленности, но и потерю важного стратегического плацдарма, с которого можно было вести наступление на Харьков и Москву.

Здесь уже три месяца сражались наиболее надежные полки - Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский. Они были обескровлены, в некоторых ротах осталось по 10-20 штыков.

Отступали.

Уже дошли до последних рубежей, станции Иловайской, да и та обстреливалась артиллерией красных. Мысленно добровольцы еще находились в Донбассе, а на деле были лишены не только угля, но и возможности перебрасывать войска по разветвленной сети железных дорог, собирать свои малые силы в крепкие кулаки на нужных участках.

Кутепову фактически достался безнадежный фронт. Почему именно ему, а не какому-либо генералу, окончившему Академию генерального штаба? Потому что он должен был победить вопреки науке и логике.

Шестого мая Кутепов со своим штабом был переброшен с Манычского фронта. Шестнадцатого мая штаб корпуса смог перейти из Иловайской на станцию Криничная, прежнюю стоянку штаба в феврале - апреле. За десять дней наступил перелом.

Кутепов почти каждый день был на передовой, вел себя как диктатор, не скрывая своей требовательности. Но он не сковывал инициативу подчиненных, не влезал в каждую мелочь, - он был мотором для пассивных, грозой - для нерадивых, вождем - для сильных духом.

С той стороны тоже искали, как быстрее перейти от партизанской вседозволенности к военной дисциплине, и там тоже выдвинулись командиры жесткого склада.

Диктатор Кутепов. Верно ли это? Наверное, да. Они все или почти все были диктаторами. После ужасающего развала, после предательства народом вековых ценностей религиозной и культурной жизни иного пути, кроме диктатуры, не существовало. На вопрос о диктаторстве и диктаторах, малосимпатичных с точки зрения либералов, которых было множество в тылу белой армии, ответила сама жизнь.

Сегодня, в дни нарождающейся новой смуты, все-таки трудно представить тогдашний пожар на юге России, широту народного движения всяких банд Маруси, Ангела, Иванько, разнузданность мятежей, растерянность обывателей. Украина горела небывалым пожарищем крестьянской войны. Там сгорали и красные, и белые.

Корпус Кутепова продвигался вперед, как римский легион среди полчищ варваров. Направление - на Харьков. Удар наносился в стык между 13-й и 14-й красными армиями. Штаб Кутепова уже перемещается в Бахмут. Комкор опередил директиву армейского штаба, отдал приказ наступать на Харьков.

В дневнике Ивана Бунина "Окаянные дни" есть выписка из большевистской газеты, относящаяся к этим событиям:

"16 июня.

Харьков пал под лавиной царского палача Деникина... Он

двинул на Харьков орду золотопогонных и озверелых от пьянства гуннов. Дикая орда эта, подобно саранче, двигается по измученной стране, уничтожая все, что завоевано кровью лучших борцов за светлое будущее. Прислужники и холопы мировой своры империалистов несут трудовому народу виселицы, палачей, жандармов, каторжный труд, беспросветное рабство..."

Приведя это газетное сообщение, Бунин добавляет:

"Рад так, что мороз по голове..."

За пять недель Кутепов прошел от Иловайской до Харькова с боями триста верст.

Добровольцы после пятидневных боев заняли Харьков и прошли по улицам маршем. Их засыпали цветами, кто-то плакал, какие-то женщины становились на колени. После большевистской оккупации обыватели полюбили армию белых.

Вскоре после освобождения на пустыре возле пятиэтажного дома, где размещалась ЧК, был проведен другой, страшный парад: были вырыты трупы замученных и положены долгими рядами. У многих была содрана кожа с рук, палачи обваривали руки жертв кипятком и затем сдирали "перчатки" вместе с ногтями. Мимо тел часами шли женщины, искали отцов и мужей.

Кутепов не ездил туда, не смотрел на эти сотни убитых. Может быть, харьковчане имели право назвать его бесчувственным за то, что на собрании объединенных городских организаций он заговорил о солдатских сапогах и не проливал слез по убитым.

Он сказал, что армия без тыла обречена, сколько бы громких слов в ее адрес не произносили. Слов он уже наслышался.

- В эти дни, господа, я объезжал фронт и видел - идет в бой батальон. Идет хорошо, лихо развертывается, но он... босой. Сейчас на дворе лето, а как я буду посылать в бой зимою моих солдат? Вам, общественным силам, надо позаботиться о своей защитнице, Добровольческой армии.

Кутепову была обещана помощь, а горнопромышленники подарили командующему Добровольческой армией генералу Май-Маевскому эшелон с углем. На деле снабжение армии всегда было плохим. Многие солдаты, не дождавшись сапог или шинели, вынуждены были "самоснабжаться" за счет обывателей.

Кутепов издавал приказы, объявлял населению, что будет защищать его от насилия и грабежей, но то, что происходило в штабах, отражалось на жизни рядовых самым противоречивым образом. Что было делать Кутепову, когда перед ним клали приговор военного суда о расстреле солдата или офицера-инвалида за грабеж местного жителя? Утвердить приговор? Помиловать? Бедного офицера и нашли-то по особой примете: у

него вместо ноги была деревяшка, на которой он и передвигался в боях.

Кутепов утверждал приговоры. Это было ужасно. Но он считал, что наказание должно следовать неотвратимо. Точно так же в Ростове по его приказу были повешены несколько офицеров и солдат, грабивших еврейский квартал.

Добровольцы за все были обязаны расплачиваться деньгами. Но вот приходилось вносить поправку - расплачивались жизнями.

В Харькове надо было, по всем законам войны, освоиться, укрепить базу, я потом продвигаться дальше.

Освоиться не пришлось. Против корпуса шла активная перегруппировка красных войск, перебрасывались полки с запада и из Сибири. Разведка доносила Кутепову о готовящемся наступлении красных. Общая обстановка складывалась для белых благоприятно: в конце мая Кавказская дивизия разбила под Гуляй-Полем Махно, взят Екатеринослав, в Новочеркасске торжественно отпраздновали освобождение Дона, Кавказская армия генерала Врангеля взяла Царицын.

Кутеповская разведка не ошиблась. Сосредоточение красных частей было угрожающим. Да только к кому было обращаться командиру корпуса, если в это время командующий армией заболел запоем и был не в состоянии быстро реагировать.

Смешное и трагическое положение, в которое попал Кутепов, было им разрешено: он отдал приказ на свой страх и риск - атаковать раньше красных!

Он опередил противника на считанные дни и вместо того, чтобы оказаться в кольце и быть раздавленным 80-ю полками, сам отрезал армии Южного фронта красных от красных же армий на Украине.

Успех?

Как будто бы. Разбита западная группа противника, обеспечен левый фланг.

А на востоке? В стык между 1-м корпусом и Донской армией повалила лавина красных. С той стороны у Кутепова были лишь разъезды добровольцев, маячившие в степи, как редкая казачья стража во времена татарских нашествий. Красные занимают Валуйки, Купянск, Волчанск. Они уже возле Корочи и Белгорода, влезли уже в самые тыловые печенки 1-го корпуса, до Харькова остается пустяк - сорок верст.

Надо было срочно перебросить войска. Кутепов успевает развернуть главные силы к Короче. Харьков же с востока был по-прежнему открыт, но если бы красные двинулись в его направлении, то со стороны Корочи добровольцы могли бить им в тыл и фланг.

Эта картина борьбы каждый день изменялась. На чаши весов бросались все новые и новые жизни, залитые кровью чаши колебались.

Красные не решились подрубить кутеповский выступ, на Харьков не пошли и завязали жестокие бои у Корочи и Белгорода, надеясь перемолоть массой своих лавин добровольческие полки. Эта нерешительность стоила им потери инициативы.

Деникин перебросил на помощь Кутепову Конный корпус Шкуро в три тысячи сабель. Кутепов и Шкуро рядом маневров смогли окружить красных и сломили их сопротивление.

Снова меньшая сила одолела большую. Снова было чудо?

Бывший генерал Российской империи Селивачев, командующий армейской группой красных, вылетал на самолете для разведки и видел воочию эту апокалиптическую панораму битвы. В основание клина, вбитого войсками Селивачева в белый фронт, со стороны Белгорода ударили три дивизии и конники Шкуро, со стороны Красного - две донские дивизии. Серые фигурки солдат, пылящие цепи, маршевые колонны, казачьи лавы, бронепоезда, батареи, взрывы, пыль, пожары, рытье могил, митинги, прячущиеся крестьяне, поля пшеницы, проселки, деревни, русская земля... Селивачев летел над родной землей и жаждал победы. Но это было уже за чертой отпущенного ему Богом.

Счастье улыбнулось другим офицерам. Улыбнулось куцо, неверно, но улыбнулось!

Теперь - на Москву.

Белокаменная столица уже все глаза изглядела, высматривая добровольцев. Над ней несся клич Ленина: "Все на борьбу с Деникиным!"

Деревни и села смотрели в сторону юга, ждали с нетерпением и молились об избавлении от большевиков. В каждой деревне или почти в каждой уже было совершено то насилие и надругательство, которое кричит, вопиет с этого документа:

"Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой чисткой излишков хлеба полностью с раздачей бедноте части хлеба даром. Телеграфируйте исполнение. Предсовнаркома Ленин".

Эта беспощадная четкость "с конфискацией всего хлеба", "образцовой чисткой" агитировала против большевиков лучше всего.

"Красная книга ВЧК" свидетельствует:

"Настроение здесь сплошь антибольшевистское, но придавлено террором, не знающим границ. Усталость всех растет,

как и смертность, с каждым днем". Так значилось в донесениях белых разведчиков летом 1919 года.

А добровольческие полки, уже развернутые в дивизии, наступали и наступали.

Корниловцы пели свой марш:

За Россию и свободу, если позовут,

То корниловцы и в воду, и в огонь пойдут.

Верим мы: близка развязка с чарами врага.

Упадет с очей повязка у России, да!

Загремит колоколами древняя Москва.

И войдут в нее рядами русские войска.

Дроздовцы откликались своей песней:

Пусть вернемся мы седые от кровавого труда,

Над тобой взойдет, Россия, солнце новое тогда.

Они шли с открытым забралом, словно возвращались домой, где их ждали отец и мать. Лица этих людей светят до сих пор из темноты истории, поглощающей не только отдельных людей, но и целые тьмы соотечественников.

Сколько их было? Очень немного. Большинство выжидало, как всегда. Безмолвствовало.

Он был молодой, смуглый, с ослепительной улыбкой, и картавил, как мальчишка. Подобно Кутепову, Петр Иванов вырос в провинциальной чиновничьей семье, не имел ни поместий, ни фабрик. Единственное, что у него было - это Служба.

Вообще Империя выстрадала свой идеал Службы, и капитан Иванов нес его на своем невидимом знамени.

В его четвертой роте дисциплина была необыкновенная. Солдаты любили его, словно насквозь видели его чистую прямую душу и знали, что от Иванова никогда не будет им никакой несправедливости. Они звали его Иисус Навин. Потому, что у него была одна слабость - он любил в бою быть красивым и всегда ехал на коне впереди своей пехотной цепи. Под ним было убито несколько коней. И еще была у него другая слабость: любил рослых крестьянских вдов.

Двадцать девятого октября в бою под Дмитриевом рота атаковала красную батарею и попала под картечь. Под капитаном Ивановым была убита лошадь. Он встал, отряхнулся и скомандовал: "Вперед!", ведя роту за собой на смерть. Но Господь ненадолго дал ему отсрочку. Четвертая захватила восемь пушек.

В Дмитриеве она была определена в резерв. Однако ночью красные стали наступать со стороны Севска, и полковник Петерс приказал Иванову подтянуть роту ближе к батальону. А через час возле вокзала капитан был убит: над ним разорвалась шрапнель, и свинцовый удар в один миг срезал его жизнь. Это была

единственная потеря полка в ту ночь.

Когда командир полка полковник Туркул, двухметровый гигант, прибыл на привокзальную площадь, его поразил негромкий унылый вой. Это четвертая рота, не разжимая ртов, оплакивала своего капитана.

Ночью она была в новом деле. Их молчаливая атака на деревню под Дмитриевом была ужасной. Они перекололи красных штыками, пленных не брали.

Наутро они отыскали в городе оцинкованный гроб для капитана Иванова. Туркул приказал хоронить со всеми воинскими почестями.

Но не похоронили. Депутация от четвертой роты, в которой были старые солдаты и прапорщик Сорока, гневно и страстно высказали Туркулу, что нельзя оставлять капитана на поругание красным, надо забирать его с собой.

И Туркул разрешил.

Тридцать первого октября белые после упорного боя с четырнадцатью полками красных оставили Дмитриев. По подмерзшей дороге на мужицкой телеге ехал капитан Иванов, а над ним летела его еще неотлетевшая душа. И капитан видел, как перетекает через железную дорогу его рота и как ее прикрывает бронепоезд "Дроздовец" под командованием капитана Рипке.

Что потом сталось с ,этим цинковым гробом, окруженным четырьмя часовыми из четвертой роты? Это было беспримерное, страшное и величественное путешествие по грязи и снегу, через всю Россию, скорбно глядевшую на исчезающую вдали воинскую колонку добровольцев. Капитан Иванов возвышался над сталью в своем последнем ложе, заметенном колючим снегом и укутанным льдом.

Белые все отходили и отходили. Туркул время от времени говорил прапорщику Сороке:

- Мы отступаем, Сорока. Может, похороним капитана в чистом поле?

Но прапорщик сердито отвечал:

- Разрешите доложить, господин полковник, как остановимся крепко, так и схороним.

Почти два месяца, почти до Нового 1920 года не отдавали Иванова его солдаты. И только в Азове они похоронили его. Война отпустила Петра Иванова, одного из вечных русских капитанов, навсегда.

Что-то мистическое, древнее в этой необычной истории, словно отражение предания или мифа.

Прощай, Иванов!

Занесло тебя снегом, Россия, Закружило седою пургой. И

холодные ветры степные Панихиды поют над тобой.

Но мы забежали вперед с этим отступлением. Вернемся к живым. Пока еще живым.

Кутеповский корпус шел все дальше, хороня убитых и вовлекая в свои ряды молодых людей из освобожденных городов и сел. Не было времени остановиться, закрепиться на занятой территории.

"Хоть цепочкой, хоть цепочкой, но дотянуться бы до Москвы!" - говорил на совещании высших военных начальников начальник штаба Вооруженных сил Юга России генерал Романовский, как будто офицерская цепь обладала магической силой.

Мысль о первопрестольной кружила головы многим. Но Кутепов оставался холоден и понимал, что такое лихое, отчаянное наступление может обернуться катастрофой.

На беду Белого движения, существовала конкуренция между Деникиным и Колчаком, между югом России и Сибирью. Формально признав верховенство адмирала Колчака, генерал Деникин, вместо того чтобы продвигаться за Волгу на соединение с войсками адмирала, как того требовали некоторые генералы, в особенности же - генерал Врангель, решил самостоятельно взять столицу.

Москва! Все надежды были связаны с ней.

И было почти не услышано известие, что в июле части Кавказской армии Врангеля, перешедшие на левый берег Волги, вошли в связь с уральскими казаками, левым флангом колчаковской армии. Выбор был сделан, а насколько он был верен, предоставлялась возможность судить истории.

"Из глубины истории, - писал Кутепов в приказе от седьмого сентября по случаю занятия Курска, Льгова и Рыльска, - встают образы русских чудо-богатырей, и вы, их потомки, равны им. Пусть в сердце каждого наградой за их нечеловеческие усилия будет сознание, что пройден еще один тяжелый этап на путях к златоглавой Москве и что в этот момент сотни тысяч людей, освобожденных вашими подвигами, благословляют вас".

Курская газета "Вечернее время" посвятила Кутепову такие возвышенные строки:

"Если вы были в Мадриде, наверное видели в картинной галерее Прадо кисти Веласкеса портрет Хозе Альваро. Этот офицер, во славу Бурбонов и Габсбургов, завоевал в Новом Свете целые страны. Завоевал с горстью таких же, как и сам, храбрецов и дерзких искателей буйных романтических приключений. Молодой генерал-лейтенант внешностью своей весьма и весьма напоминает конквистадора, и не только внешностью. Но Хозе находился в лучших условиях. Он воевал с безоружными

дикарями, Кутепов - с вооруженными до зубов красноармейцами, дерущимися с бешенством отчаяния и ведомыми целой фалангой опытных офицеров генерального штаба.

В завоеванных губерниях он мудро правит. Он успевает объезжать завоеванные города.

Воспитанный в гвардейских традициях славной Петровской бригады, ген. Кутепов, как истинный рыцарь, чуток до щепетильности к чести офицерского мундира. Он требует и умеет властно подтвердить свое требование, чтобы каждый офицер его корпуса без страха и упрека и с достоинством носил свой мундир и свои погоны.

Таков внешний и духовный портрет одного из лучших, самых героических вождей Добрармии, идущего со своим железным корпусом по большой Московской дороге, чтобы освободить Иверские святыни".

В этой газетной статье сегодня видится какая-то чрезмерность, но в 1919 году, когда добровольческих командиров вообще отмечали очень скромно, эта чрезмерность была, пожалуй, благодарностью.

Курск был взят с ходу: в ночь с шестого на седьмое сентября три бронепоезда под командованием полковника Зеленецкого, с потушенными огнями, внезапно для красных ворвались на станцию Курск, открыли орудийный огонь по бронепоездам красных и посеяли страшную панику. Затем в город вошли 1-й и 2-й Корниловские полки.

Среди суматохи, тревоги и больших ожиданий совсем незаметным прошло известие, что несколькими днями раньше под Курском в селе Софроновка конная разведка корниловцев задержала оказавшуюся в прифронтовой зоне знаменитую певицу Надежду Васильевну Плевицкую и ее мужа, артиллерийского капитана Левицкого. Обоих доставили в штаб 2-го Корниловского полка, которым командовал полковник Яков Антонович Пашкевич. Он был родом из крестьянской семьи, был верующим человеком и каждое дело начинал с крестного знамения. Он был потрясен чудесным голосом певицы. Может быть, в этом он увидел доброе предзнаменование: ведь Плевицкая раньше выступала и в Царском Селе, и перед офицерами, и на торжествах в честь столетней годовщины Бородинской битвы. Она была частью дореволюционной Великой России. И как было не радоваться сейчас ее песням?

Черные глаза Плевицкой загорались, лился звонкий чарующий голос.

Добровольцы освобождали от диктатуры большевиков. От реквизиций, расстрелов, надругательств над храмами. Насколько

позволяли условия гражданской войны, белые генералы стремились к законности, что порой приводило население в недоумение, так как оно видело бесцеремонность красных реквизиций. В Курске для кавалеристов Марковской дивизии потребовалось две тысячи подков. Добровольцы понадеялись на благотворительность курян. Те пожертвовали десять штук.

"Кузнецы и владельцы лошадей! - обратилась газета к землякам. - Вас просят устыдиться!"

Армия просила. Она могла требовать, но предпочитала отличаться от своих противников.

С наступлением осени командование обратилось к горожанам за помощью и в обеспечении теплыми вещами. Куряне пожертвовали ни много ни мало одну шубу.

"Вечернее Время" так писало об этом:

"То, что происходит сейчас в Курске, эта жуткая картина приходящих санитарных поездов, переполненных ранеными, которых никто из населения не встречает, от которых в панике разбегаются шкурники-извозчики, не желающие их перевозить, эти грустные вести из лазаретов, перевязочных и эвакуационных пунктов, где почти отсутствует общественная помощь и где, как рыба об лед, бьется безо всякой поддержки военное общество, - все это не может быть терпимо ни одного часу".

Что ж, это был город Курск. Именно здесь неизвестный пятнадцатилетний гимназист записался добровольцем в офицерский полк и погиб на следующий день, завещав отцу передать Кутепову свою любимую книгу "Рассказы о Суворове".

Все это соединяется в одну картину: герои, обыватели, подвижничество, равнодушие... И в этой картине где-то сбоку, не выпячиваясь перед молодыми героями, стоят терпеливые мужики-крестьяне. Они ждут от белых не самопожертвований, а ответа на простой, даже очень простой вопрос: как они распорядятся землей?

"Третья" Россия настороженно глядит на Белую, старую Россию. И что же она видит? Непонимание. Деникинский закон предлагает мужикам отдавать каждый третий сноп владельцам земли, бывшим помещикам. Да, прежние собственники возвращаются. Деникину некуда деть этих добродушных помещиков, не умеющих жить. Они прилепляются к добровольцам и тащат их назад, куда-то в трясину.

Да, добровольцы лучше, возвышеннее, у них - душа. Но мужикам этого мало. Они видят: чужие.

Неужели надо пройти через страшный туннель полного разрушения старой России, чтобы содрать с нее эту шкуру отчуждения? Если это так, то вся белая эпопея была обречена с

самого начала, несмотря на все героические ледяные походы, несмотря на кровь трехсот русских юношей у бесчисленных донских, кубанских, курских, орловских Фермопил.

Обречена!

И летний рейд казачьего конного корпуса генерала Мамонтова, пронизавший красные тылы, как стрела, и победы на Украине, и щедрая помощь оружием и снаряжением со стороны Англии, решившей наконец вести свою многослойную политику с учетом интересов Вооруженных сил Юга России, - все это пустяки перед лицом хмуро глядящего мужика.

К тому же былые патриотические круги российских промышленников и торговцев, прежде заинтересованные в защите своих рынков от зарубежных конкурентов, теперь находились словно в помрачении и не могли стать выше сиюминутных своих выгод. Чего стоили, например, призывы деникинского Управления торговли и промышленности к донецким шахтовладельцам продавать уголь Добровольческой армии? Почти ничего не стоили. Шахтовладельцам было выгоднее продавать уголь в Константинополь, где стоял флот союзников, и получать твердую валюту, чем отечественные "колокольчики", на которых был рисунок Царь-колокола.

"Они, как свиньи, своим бессердечием подтачивают великий дуб, желудями которого кормятся", - без околичностей припечатывало "Вечернее Время".

Никто не понимал, что это конец.

Неужели эти пятнадцатилетние гимназисты и капитаны Ивановы должны были выковывать белую победу? Они одни? Да с ними великие тени - Петр, Екатерина, Суворов, Скобелев, Столыпин.

Мертвая Великая Россия пыталась победить.

В обозе добровольцев неудержимо двигалась месть.

Будто не было революции, будто ничего не произошло, надвигалась она на "третью", народную, или вернее - простонародную Россию.

"По дошедшим до меня сведениям вслед за войсками при наступлении в очищенные от большевиков места являются владельцы, насильно восстанавливающие, нередко при прямой поддержке воинских команд, свои нарушенные в разное время имущественные права, прибегая при этом к действиям, имеющим характер сведения личных счетов и мести. Приказываю такие явления в корне пресекать и виновных привлекать к строгой ответственности". Эта телеграмма Главнокомандующего должна была остановить или хотя бы заставить задуматься.

Но как можно было остановить того, кто по-иному просто не

умел жить?

Деникин хотел, "чтобы всем было хорошо", надеялся уравновесить интересы, чтобы объединить крестьян, землевладельцев, промышленников, интеллигенцию. В итоге он никого не объединил. В его обозе находились все те же три разрозненные силы.

С взятием Курска 1-й корпус выдвинулся вперед. Слева и справа от него шли конные корпуса Шкуро и Юзефовича. Напор был сильным, дух - крепким.

В этот решающий для наступления момент командующий Добровольческой армией генерал Май-Маевский приказал выделить из кутеповского корпуса шесть полков для отправки их на Украину против Махно. Шкуро отдавал бригаду Терской дивизии, Юзефович - два полка.

Кутепов не находил себе места. Почему ослабляется корпус?

Спорить он не мог, надо было подчиняться. Он чего-то не понимал. Разве нельзя было оставить на Украине только сдерживающие силы, а все бросить на Москву?

Ему мог бы ответить генерал Слащев, который в ту пору как раз воевал с батькой Махно. Вот его записки:

"Союзники давали деньги, рассчитывали возместить свои расходы русским углем и нефтью.

Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали как бы попираться интересами крупного международного капитала.

Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создались внутренние фронты".

Вряд ли Кутепов согласился бы тогда со слащевскими выводами. Его корпус борется на стороне британских банкиров против русских людей? Что за чушь! Он борется за Российскую державу, за Отечество.

Перед кутеповским корпусом собирались все новые красные дивизии и полки. Наиболее крупные части - Латышская дивизия сосредоточивалась на левом фланге под Карачевым, а Конная армия Буденного - на правом, в стыке с Донской армией.

Кутепову предстояло брать Орел. У него не было сомнений, что он легко возьмет этот город. Дело было в другом: в целесообразности мгновенного занятия Орла.

На совещании в штабе корпуса Кутепов прямо объяснил свои

сомнения:

- Об этом я только что говорил по прямому проводу со штабом армии. Говорил, что я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, то я не смогу маневрировать - часть своих полков мне и так пришлось оттянуть к соседним корпусам после того, как их ослабили да у меня самого отняли шесть полков... А мне все-таки приказали взять Орел.

Большого энтузиазма в его словах никто не слышал.

Да и откуда быть энтузиазму? Что-то не увязывалось. На Украине - Махно, на Дону - строптивые казаки, на Кубани - "самостийники" из Кубанской Рады. И меж ними словно нет России.

Орел заняли, Май-Маевский прислал Кутепову веселое поздравление: "Орел - орлам!"

А тревога не проходила, росла.

Белая Россия была окружена врагами. Она уповала, что народ сам очнется и разберет, на чью сторону вставать. А что народ? Ждал, кто победит.

Красные, хоть и лучше владели средствами управления народа, от заведомо невыполнимых обещании до жесточайшего террора, в отличие от белых этого молчаливого народа все-таки боялись. Против Добровольческой армии были брошены латышские, эстонские, украинские части, ничем не связанные с населением центральной России. Они должны были сцементировать оборону. Ленин придавал этому настолько большое значение, что лично подсчитывал по карте срок прибытия латышских стрелков к Орлу и следил за ходом переброски.

О том, как сражались "червоные казаки", известно. Нет, не жестокость боев, не дерзкие прорывы вызвали к ним злобу. В конце концов и белые стреляли и рубили не слабее. Но белые не опускались до провокаций во имя "светлого будущего". Чтобы возбудить среди мирного населения ненависть против белых, "червоные" наряжались в белогвардейскую форму, надевали погоны и устраивали массовые расстрелы крестьян.

Четырнадцатого октября ударная группа красных получила приказ наступать. В ночь на пятнадцатое октября после ожесточенных боев 2-я бригада Латышской дивизии отбила Кромы и создала угрозу флангу и тылу Корниловской дивизии, занимавшей Орел.

Кутеповский корпус был нацелен на Тулу. Но теперь надо было избавиться от фланговой угрозы, снова занять Кромы.

Холодная осенняя пора, облетевшие леса, побуревшие мокрые поля - глухое предзимье сурово глядело в глаза добровольцев, словно вопрошало, почему они опоздали воспользоваться безвозвратно ушедшим летним теплом. И что могли ответить офицеры в разбитых сапогах?

Опоздали?!

Чаши весов качались.

Добровольцы вновь овладели Кромами и Севском и начали движение к Липецку, Лебедяни и Ельцу.

Буденный занял Воронеж и получил задачу двигаться главными силами на Курск, в тыл добровольцам. Кутепов приказал оставить Орел.

Все висело на волоске. В эту пору любое точное решение могло переломить ход назревшего кризиса.

В штабе корпуса собралось совещание, чтобы определиться в этой тактической неразберихе. По давно заведенной традиции первое слово было предоставлено самому младшему по чину офицеру. И этот офицер предложил неожиданное:

- Прежде всего надо приказать всем штабам выйти из вагонов и перейти в войска. А обозы, больных и раненых отправить скорее в тыл. Затем собрать все наши силы в один кулак и обрушиться на Латышскую дивизию. Латыши уже сильно потрепаны корниловцами, и наш корпус, безусловно, их уничтожит. Остальные советские полки будут после этого нам не страшны. Мы снова возьмем Орел. Не будем в нем задерживаться, двинем быстрым маршем на Москву. За Орлом никого, кроме только что мобилизованных частей нет, они нам не страшны. Москву мы возьмем. Это разрушит все управление красными армиями, их карты будут спутаны. Центр страны будет наш. Мы получим все преимущества центральной власти. А рейд Буденного по нашим тылам в конце концов выдохнется...

Предложение это вызвало большое оживление, но кто-то резонно заметил, что армейский штаб никогда не утвердит такой операции.

- А мы должны только предупредить Харьков о ней и немедленно прервать связь, - сказал офицер.

Но с ним никто не согласился. А что было бы, если бы согласились?

Спустя несколько лет, уже в Париже, генерал Кутепов вспомнил об этом. Тогда шел разговор о судьбе, о даруемых ею каждому человеку пяти минутах, ухватив которые можно достичь наивысшей удачи. Ему напомнили то штабное совещание. Может быть, именно там он упустил свои пять минут?

- Если бы я пошел на Москву, каких бы собак на меня потом

навешали в случае неудачи, - ответил Кутепов.

Но тот самый офицер возразил:

- В случае неудачи вас бы давно не было в живых, все легли бы костьми. Ну а при удаче - победителей не судят.

Может быть, и вправду они дошли бы до Москвы, как весной восемнадцатого года дошли до Екатеринодара. И легли бы под Москвой, подобно Корнилову.

Прорыв кавалерии Буденного под Касторной на стыке Добровольческой и Донской армий и Червоной дивизии на Фатеж (снова был маскарад с переодеванием) заставили белых отступать.

Как ни горько было ощущать движение исторического маятника в чужую сторону, но с каждым днем добровольцы начинали все больше понимать, что московский поход уже завершился, надо думать о спасении армии.

Наступил новый период белой борьбы. На протяжении огромного фронта в 1150 километров у белых было всего 48 400 штыков и 22 000 сабель. О сплошном фронте не могло быть и речи. К тому же, как всегда при отступлении, резко обозначились тыловые противоречия и столкновения генеральских позиций. Ко всем трудностям добавлялись вспышки сепаратизма на Дону и Кубани, где во избежание подъема цен на продукты питания запретили их вывоз за пределы областей. То есть добровольцы как бы официально объявлялись чужими.

В свою очередь генерал Май-Маевский издал приказ, запретивший на Украине преподавание в школах на украинском языке.

Все это происходило в рамках белого движения, единой борьбы с большевиками.

"Единую и неделимую" на самом деле объединяла только военная сила, да и то всегда чувствовалась разница между добровольцами, донцами и кубанцами.

В тылу же безраздельно властвовала "колдунья в шапке-невидимке". Это название журналисты из "Донских ведомостей" дали безудержной спекуляции, с которой не могли справиться ни гражданские, ни военные власти. Ни строгие приказы, ни аресты, ни реквизиции не смиряли безудержность "колдуньи". Среди арестованных были даже и офицеры. Так, в Новороссийске за хищения вина из казенного имения Абрау-Дюрсо был арестован чиновник для особых поручений при черноморском губернаторе де Роберти.

Кого было винить?

В октябре генерал Врангель приказал повесить заместителя начальника станции Царицын, весовщика и составителя поездов.

Они за взятки отправляли с воинскими эшелонами частные грузы, задерживали раненых и снаряжение. Бедняги попали под железное колесо, оно изрубило их, но вокруг все оставалось по-прежнему.

Обвинять стрелочников и чиновников можно было до бесконечности.

А виноватый вместе с тем был совсем рядом.

Среди офицеров широко расходились письма Врангеля Деникину с жесткой критикой стратегии Главнокомандующего, не пожелавшего соединиться с армией Колчака.

Некоторые начинали понимать, что национальная Россия в отличие от красной не получила яркой объединяющей идеи, что деникинское правительство, Особое Совещание, - это неопределенная смесь монархистов, либералов, кадетов. Смесь малодейственная.

В середине ноября кадет Астров подал Деникину записку: "Тезисы по вопросу о политическом курсе". Он нарисовал безнадежную картину разложения Белого государства и разрыва связей между народом, армией и торгово-промышленными кругами вкупе с интеллигенцией. Требовались новые идеи, новый курс.

Но кто мог проложить этот курс?

Деникину предстояло совершить немыслимый в его положении выбор: круто повернуть от монархическо-консервативного направления к либеральному. Но это бы означало, что основные силы офицерства его бы не поняли.

Главнокомандующий был зажат историей в тиски. Ему не суждено было из них вырваться, чуда "спасения утопающего в двенадцатибальный шторм" не могло произойти.

Кутеповский корпус отступал.

Сдали Курск, откатывались к Харькову. Отстоять город было трудно фланги были оголены, постоянно была угроза окружения.

Оставляемый войсками город - жалок и беззащитен. Когда уходит одна власть и еще нет другой, наступает короткий промежуток, бездна безвластия. В этот период ни у кого нет защиты, все дозволено, и только Господь взирает с ужасом на грешных людей.

Предчувствие отхода белых повергало Харьков в тоску. Уже бездна обламывала края военного порядка, уже лихие молодцы пытались взламывать пакгаузы и грабить обывателей.

Кутепов распорядился своему конвою и охранной роте обходить улицы и вешать грабителей на месте преступления.

Казалось, что только и остается - расстреливать и вешать двуногих зверей. Полтора года гражданской войны не прибавили

никому милосердия и сердечности.

Когда в Пятихатках махновцы окружили вокзал и из пулеметов сквозь окна расстреляли офицерский бал в зале первого класса, они уничтожали не просто золотопогонников, а нечто высшее, чуждо стоявшее над ними.

Высшему не было места в той междоусобице. Оно должно было либо погибнуть, либо опроститься, влезть в другую шкуру.

Кутепов предпочитал до конца оставаться самим собой и не склонять голову перед обстоятельствами. Солдафон? Хорошо, пусть солдафон. Вешатель? Пусть вешатель.

В Харькове к нему шли на приемы и нормальные люди: потребовать или попросить долг у уходящих добровольцев. Так перед ним оказался и главный инженер одного завода, выполнявшего заказы Добровольческой армии; рабочим задолжали за три месяца, а казначейство уже было эвакуировано.

Инженер смотрел на Кутепова без особой надежды. Генерал мог отказать. Кутепов поблагодарил инженера за откровенный разговор, открыл денежный ящик и выдал необходимую сумму. Он был человеком долга и понимал, что пусть они уходят из города, но все-таки они остаются.

Зима была ранняя, морозная. После сдачи Харькова Врангель сменил Май-Маевского. Отступление продолжалось. Часто на станциях можно было видеть раскачивающиеся на телеграфных столбах заиндевевшие трупы с прикрепленными к груди табличками: "Мародер".

Как будто бы возвращались те безысходные дни июльского отступления под Тарнополем, когда Корнилов пытался остановить развалившуюся армию. Впрочем, здесь еще не было краха, был надлом. Наверное, еще можно было вернуть удачу. Еще оставались за спиной армии огромные пространства, еще были храбрые и талантливые командиры - Врангель, Кутепов, Слащев, Барбович, Витковский, Скоблин. Еще не затупились казацкие шашки.

На Дону отступление должно было кончиться. По рекам Тузлов и Самбек, по их притокам были выстроены рубежи обороны с окопами и проволочными заграждениями. Оборонительный пояс окружал Ростов и Новочеркасск, железнодорожные станции и станицы.

Но пока Добровольческая армия откатывалась. Вот уже был очищен и Донецкий бассейн. Армию приказом Деникина свели в Добровольческий корпус под командованием Кутепова. Врангель был отрешен от должности.

Нет, не было удачи белым частям!

Под Новочеркасском успешно атаковал Буденного генерал

Мамонтов. Генерал Гусельщиков вот-вот было уже зажал в тиски красных, а находившаяся восточнее города конная дивизия генерала Лобова должна была ударить им в тыл. Но Лобов не решился на удар и отошел за Дон. Участь Новочеркасска была предрешена. В ночь на Рождество город был оставлен.

"Звезды кровавые горят в эту Рождественскую ночь, - писала газета "Приазовский край". - Пустыня задушила наши сады, оголила наши деревья, смяла цветы. Пустыня победила. В горячке, в бреду, но мы не смеем останавливаться, не смеем падать духом. Надо нести свой крест и идти, двигаться, будить в себе и окружающих настойчивые зовы жизни. Слышишь ли, путник? Надо идти. Перевяжи свои раны, утри горький пот со своего чела, смахни налипшую пыль, и дальше, дальше".

В Ростове командовал Кутепов, там царили другие настроения. Он объявил всеобщую трудовую повинность, запретил мужчинам уезжать из города, организовал рытье окопов. Проводилась мобилизация. На улицах задерживали пьяных, грабителей и воров вешали.

А перед Ростовом был дан бой наседавшему противнику. Добровольцы вместе с конницей генерала Барбовича отбивали все атаки и отбросили красных на семь верст.

В беседе с журналистом "Приазовского края" Кутепов говорил: "Тут и там трусливо шушукаются, что добровольческих частей якобы не существует, что армия бежит, что все потеряно. Преступная клевета!" Он собирался защитить Ростов и не подозревал, что из-за сдачи Новочеркасска окажется в трудном положении: колонны красных выйдут ему в тыл.

Оставили и Ростов, ушли за Дон, в Батайск. Здесь можно было держаться.

Поезд Кутепова стоял на станции Каял.

В морозном воздухе разносилась кислая гарь сгоревшего угля. В окно вагона было видно угол станционного здания из красного кирпича и слышались какие-то разговоры часового с неизвестным человеком, явно невоенным. Командир корпуса вышел в тамбур. Кто там? Оказалось, четырнадцатилетний мальчик просится на прием к Кутепову. Пропустите. Мальчик был в алексеевской форме с белыми погонами. Кадет? Гимназист?

Это был кадет 2-го Московского кадетского корпуса Борис Пылин. Он пристал к добровольцам в Ливнах, считал себя белогвардейцем.

Кутепов стал расспрашивать о родителях, и Борис рассказал, что отец преподаватель гимназии, мать умерла от туберкулеза, а сейчас отец женился снова; при эвакуации из Харькова отец потерялся, мачеха же с младшей сестрой находится где-то в

Крыму. Еще мальчик поведал о юных офицерах, восемнадцати - двадцати лет, с которыми он сдружился в Алексеевском полку, только у одного была отсохшая после ранения рука, а у другого - черная повязка на глазу.

К Кутепову Бориса привело желание пойти на разведку в Ростов. В полку его не пускали, не хотели подвергать риску, поэтому он решился обратиться к командиру корпуса.

- Нет, ни за что! - категорически ответил Кутепов. - Я не имею права рисковать твоей жизнью.

- Да я пройду! Мне безопасней, чем любому взрослому! - стал доказывать кадет.

В глазах его появились слезы, он не уступал.

Может быть, его горячность заставила Кутепова вспомнить других подростков, обращавшихся к нему и уже погибших, и вспомнить себя самого в таком же возрасте, притулившегося к армейскому полку. Борис доказывал, что хоть ему и немного лет, но он уже много видел и пережил, поэтому на него можно положиться. И Кутепов в конце концов сказал:

- Ну, хорошо, беру этот грех на себя. Иди, Бог с тобой.

Борис пошел в красный Ростов, был арестован, несколько дней просидел в тюрьме, потом его выпустили, и он смог кое-что разузнать о бронепоездах и артиллерии. Он мог погибнуть и на обратном пути, но только отморозил себе щеку, а в остальном Бог, действительно, был с ним. Генерал Барбович, к которому привели кадета, возмутился, что "детей посылают не туда, куда нужно". Но Борис не считал себя ребенком. Командир полка произвел его в старшие унтер-офицеры, на его погонах появились три лычки. Новоиспеченный унтер был счастлив, и даже саднящая, перевязанная правая щека не слишком огорчала его. С первым поездом он отправился на станцию Каял, к Кутепову. Тот принял его и был очень доволен, что все обошлось и что разведка тоже удачна. Командир корпуса вышел в соседнее купе, принес Георгиевский крест и прикрепил его к гимнастерке Бориса.

- Оставайся при штабе корпуса, - предложил генерал.

Но Борис отказался и вернулся в полк. С той поры они больше не встречались.

"На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле прострошася половци..." Эти строчки из "Слова о полку Игореве" вспоминали тогда на станции Каял. Что ж, и степь была та же, что и семьсот лет назад, и новые половцы давили, и разрозненные русские князья пытались держать оборону.

В начале февраля по старому стилю генерал Кутепов приказал перейти корпусу в наступление.

Все было на стороне красных: численное превосходство,

занимаемый высокий берег реки, сильный мороз при резком ветре. Ночью корниловцы во главе с полковником Скоблиным перешли по льду Дон, внезапно заняли станицу Гниловскую, вышли во фланг Ростова и ворвались в город. Противник понес большие потери, пленных было около шести тысяч.

Снова добровольческий меч был победным.

Чуть раньше против красных на Манычский фронт была двинута вся донская конница под командованием генерала Павлова. Она отбросила дивизию Гая. Казаки шли на Буденного, который перед этим прорвался сквозь кубанские полки. Никто не мог предугадать, чем кончится столкновение. Может быть, повторялся Ледяной поход? Мороз с ветром гнал донцов вперед к станице Шаблиевской. Люди застывали и обмораживались. Проходили час за часом, верста за верстой, а белая безлюдная степь была все так же враждебна и медленно убивала тысячи всадников. Обессиленный Донской корпус все-таки атаковал Буденного, но все было уже кончено, удара не получилось. Донцов отбросили в степь. Ворота в тыл добровольцам распахнулись перед Буденным, и он кинулся в направлении Тихорецкой и Ставрополя, не оглядываясь на занятый Ростов. Под угрозой обхода добровольцы сами оставили город. Без боя.

Кутепов уже третий раз оставлял Ростов. В третий раз казаки надламывались. Был ли предел этому? Что должно было случиться, чтобы перестали уповать на милость палачей?

Добровольцы отступали. По дорогам вместе с войсками шли беженцы, тащились сани и повозки. Впереди была еще одна водная преграда - река Кубань, где еще можно было держать оборону. А если не удержатся, то будут приперты к морю. И тогда не на что уповать.

Двигались по местам Первого Кубанского похода. До Кутепова дошли донесения о действительных обстоятельствах конного рейда Павлова. Лошади гибли от бескормицы, ночевать приходилось под открытым небом, в лучшем случае в зимовниках, приспособленных для небольших табунов. Но теперь эти донесения ничего не вызывали, кроме ярости. Профукали победу добровольцев под Ростовом!

Его корпус отступал и был страшен для красных. Замыкали отступление дроздовцы. Время от времени полковник Туркул сворачивал свой полк в каре и под звуки военного оркестра бросал его в контратаку.

Под Егорлицкой произошел еще один бой - снова конницы. Он начался редкой стрельбой в станице: наверное, туда залетел красный разъезд. Небольшие отряды кубанских казаков покидали станицу, не хотели драться. На высоком холме, на том берегу

ручья Ей, отделявшего Донскую область от Кубанской, появились темные четырехугольники резервных колонн красной конницы. На холме с этой стороны стояли конные батареи белых. Они открыли огонь. Дистанция была в три версты, шрапнели разрывались прямо над колоннами, разбивая их ряды. На смену рассеянной коннице выкатились красные батареи. Ни о каких закрытых позициях не было и речи. Все было видно как на ладони. Весь склон был покрыт батареями и полками. Батареи снимались с передков, устанавливали орудия. Белые пушки били непрерывно, не давая противнику угнездиться. Но красные разворачивались под обстрелом, теряя коней и людей, и все же начали отвечать огнем. В утреннем небе шипели снаряды, а внизу, в долине ручья, сошлись две конные массы.

По склону туда стекали красные резервные колонны, новые, еще не развернувшиеся. Шрапнель выкашивала их. Но с упорством они перли и перли, не обращая внимания на жертвы, и не стремились обойти фронт с фланга. В их движении чувствовались громадный численный перевес и незамысловатая жестокая воля.

Вот здесь должен был быть нанесен кубанскими казаками удар в правый фланг буденновцев.

Накануне калмыки почти полностью вырезали красную бригаду, потом прошли по станице, неся на пиках отрубленные головы, колотя в бубны и размахивая захваченными красными знаменами. Это было устрашающее дикое зрелище.

Если бы сейчас казаки налетели на буденновские части, то бой был бы решен. Но кубанцы не сдвинулись с места.

Только под вечер терские казаки генерала Агоева охватили левый фланг красных и заставили их отойти. Но казаки-терцы не стреляли. И красные тоже по ним не стреляли. Это походило на столкновение призраков, уставших от войны.

С добровольцами такого не случалось.

На реке Кубани удержаться не удалось. Там погиб 4-й батальон Корниловского полка, погиб не в бою, а из-за предательства своих. Кубанские казаки лишили его возможности переправиться на ту сторону, перегнав все лодки на левый берег. Тень повешенного белыми кубанского сепаратиста Калабухова продолжала мстить.

Двенадцатого марта Кутепов неожиданно направляет Деникину резкую по тону телеграмму:

"Комкора Добрармии генерала Кутепова, № 1415 на имя Главкома.

Ставка. Главнокомандующему. События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительное

сопротивление казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добркорпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добркорпуса и добровольцев. Для того чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добрармии, пожелавших пойти с ним, от окончательного истребления и распыления необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие: 1) немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу. 2) немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добрармии, в определенный срок за границу с тем, чтобы с подходом Добркорпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев..."

В словах телеграммы явно прорывалось недоверие Главкому. Чтобы Кутепов решился на такое, надо было совершиться чему-то необычайному. Далее командир корпуса требовал подготовить три или четыре транспорта с конвоем миноносцев и подводных лодок; немедленно поставить в строй всех офицеров. Особенно вызывающе звучало предложение: все учреждения Ставки и правительственных учреждений должны грузиться одновременно с последней эвакуируемой частью Добровольческого корпуса и никак не раньше.

Еще Кутепов требовал: передать в исключительное ведение корпуса железную дорогу Тимашевская - Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно; с подходом корпуса вся власть должна принадлежать командиру корпуса, от которого "исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия".

"Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа, для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину. Все вышеизложенное отнюдь не указывает на упадок духа Добркорпуса...

Двадцать седьмого февраля. Ст. Тимашевка № 1415 Кутепов"

Главнокомандующий, определенно, был раздражен, получив эту телеграмму. Его ответ не оставляет в этом сомнения.

"Комкордобр генералу Кутепову

На № 1415. Вполне понимаю Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев, прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам, и что охотно принимая советы моих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями будем удерживать фронт на Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добркорпус пойдет на Новороссийск. Отвечаю по пунктам. Первое. Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускоряю сколько возможно. Второе. Семейства вывозятся, задержка только от их нежелания и колебаний. Третье. Транспорты приготовляются... Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет права и основания упрекать в этом отношении. Добровольцы должны верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет раньше..."

Если не погибнет раньше!

Вряд ли Деникин рисовался. Это ему не свойственно. Настроение у него и впрямь было невеселое, если не сказать безнадежное. Он приукрашивал положение. В отличие от него Кутепов лучше знал и чувствовал обстановку.

Заканчивался деникинский ответ в тех же определенных, твердых выражениях:

"...Железная дорога передана быть не может, власть принадлежит Главнокомандующему.

Екатеринодар 28 февраля 20 г."

Но как ни заблуждался Деникин, в главном он был прав: нельзя было отдавать "диктаторские полномочия", - тогда бы все рассыпалось еще быстрее.

Надо было погибать дисциплинированно, сцепив зубы.

Войска отступали. Настроение было ужасное. Политики продолжали разрывать армию: Донской Круг постановил разорвать взаимодействие Донской армии с Добровольческим корпусом, выразил Деникину недоверие.

Кубань, по которой отступали белые, фактически принадлежала "зеленым". Эти партизаны налетали на обозы и колонны, не разбирая ни добровольцев, ни донцов. Казалось, развал скоро дойдет до молекулярного уровня, когда все начнут

воевать против всех.

Самые страшные сцены разыгрались при переходе через реку Кубань. Она раздулась от дождей и несла свой желтый вспененный поток с бешеной скоростью, лишив отступающих даже малой надежды переправиться вплавь. Екатеринодар был забит телегами, арбами, обозами, складами, беженцами, ранеными, тыловыми учреждениями, кавалерией, пехотой, артиллерийскими частями. Никакого плана эвакуации не было. Все рвались к железнодорожному мосту. Человеческая масса, охваченная паникой, образовала пробку. Время от времени за околицей города раздавались выстрелы, минуты таяли, пролетел слух, что мост взорвут, чтобы задержать красных. Никто не считал, сколько человек спрыгнули в воду и утонули, а сколько были сброшены озверевшей толпой.

Наконец командир казачьей бригады генерал Голубинцев догадался послать один свой полк на северную окраину, чтобы обезопасить переправу от неожиданного налета красных. Вскоре выставил заставы еще один полк. Постепенно паника улеглась.

Впрочем, за Кубанью Донская армия уже представляла из себя только тень прежних дивизий и корпусов.

"Вообще надо заметить, что казаки, при всех своих положительных военных качествах и доблести, при неудачах восстаний, как это подтверждает нам история, часто стремятся рассчитаться головами своих вождей и начальников", - свидетельствует казачий генерал, который пережил опасность быть выданным в те дни красным.

Деникинская армия погружалась в пучину.

"Между тем Новороссийск, переполненный свыше всякой меры, ставший буквально непроезжим, залитый человеческими волнами, гудел, как разоренный улей. Шла борьба за место на пароходе - борьба за спасение... Много человеческих драм разыгралось на стогнах города в эти страшные дни. Много звериного чувства вылилось наружу перед лицом нависшей опасности, когда обнаженные страсти заглушали совесть и человек человеку становился лютым врагом.

13 марта явился ко мне генерал Кутепов, назначенный начальником обороны Новороссийска, и доложил, что моральное состояние войск, их крайне нервное настроение не дают возможности остаться далее в городе, что ночью необходимо его оставить..." - вспоминал Деникин.

Во второй раз Кутепов давил на Главнокомандующего. Или на сей раз просто предупреждал? Заподозрить Кутепова в мыслях о перевороте и тому подобных насильственных действиях вряд ли возможно. Он понимал, что для армии это будет губительным.

Скорее всего, сейчас через Кутепова действовала история, в чьих железных руках неслышно ломалась опора добровольчества. Он не мог знать, что Деникин уже решил уходить и не будет драться за власть с новым поколением сорокалетних генералов, с Врангелем, Кутеповым, Слащевым, Витковским, - со всеми теми, кто готов был на краю бездны дать последний бой.

Деникин согласился с Кутеповым; эвакуация началась.

Приказ Кутепова подводил черту под тысячелетней историей России.

Все кругом разваливалось, но строки этого приказа дышали спокойствием и уверенностью. Кутеповский легион дошел до края и не опустил флага.

Миноносец "Пылкий" отвалил от причала и, дымя трубами, пошел к выходу из бухты. Все неотрывно смотрели на удаляющуюся пристань, забитую людьми.

Крики. Махание рук. Проклятия.

Кутепов, прищурившись, молча глядел на город.

Низко осев, медленно уходили баржи, транспорты, буксиры.

На берегу - стон. В город вошли передовые части красных.

Сигнальщик с "Пылкого" по приказанию Кутепова сигналит русскому дредноуту "Император Индии". Трехорудийная носовая башня поворачивается, нацеливаясь куда-то в горы, откуда идет наступление. С ревом, сотрясая пристань и горы, бухают двенадцатидюймовые пушки. Не видно, кого они поражают, - далеко. Но для оставшихся это звучит похоронным салютом.

Прощайте!

Впрочем, Кутепову предстояло вернуться. Ему донесли, что оставлен 3-й Дроздовский полк, прикрывавший посадку корпуса.

"Пылкий" повернул обратно.

На молу уже стояли красные с трехдюймовым орудием. "Пылкий" открыл огонь всеми тремя своими орудиями, не обращая внимания на красные шрапнели.

- Готовить сходни!

Волна от миноносца ударила в пристань, борт стукнулся о причальный брус, сдирая серую краску. Упали сходни.

Быстро сбежал вниз конвой комкора с револьверами в руках, с борта нацелились пулеметы.

Кутепов крикнул:

- Брать в первую очередь раненых и сестер милосердия!

Понесли носилки, заковыляли на костылях одноногие.

Кутепов командовал:

- Не напирать! Грузиться в полном порядке. Вещи бросать в воду.

А много ли возьмешь? Капитан "Пылкого" доложил:

перегрузка, больше нельзя взять ни одного человека.

Конец?

Конец.

Кутепов не всесилен. Можно погибнуть, но всех не спасешь.

Он крикнул:

- Сейчас вернемся! Перегрузим на "Беспокойный". Возьмем всех.

Миноносец, взбурлив воду винтами, отошел.

На переполненную палубу русского дредноута высадили спасенных и повернули назад.

И в третий раз вернулись за дроздовцами.

"Потом все стихло. Контуры города, берега и гор обволакивались туманом, уходя в даль... в прошлое.

Такое тяжелое, такое мучительное" (А. И. Деникин. Поход на Москву).

Последним покинул Новороссийск все же не Деникин, а Кутепов.

Заговор? Англичане разочарованы. Деникин уходит. Простодушный Кутепов. Врангель находит спасительный шанс. Столыпинские реформы на фоне Гражданской войны

В Крыму армия была в безопасности. Немногочисленный корпус генерала Слащева сумел защитить Сальковский и Перекопский перешейки благодаря остроумной тактике своего командира. Генерал предпочел не оборонять пустынную местность, где к тому же нельзя было разместить свыше трехсот солдат, а решил оставлять ее противнику, чтобы тот в случае своей атаки выбил бы оттуда небольшое охранение белых и остался там мерзнуть.

Яков Александрович Слащев был на три года младше Кутепова, дворянин, сын полковника. Германскую войну закончил в чине полковника, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием и всеми другими боевыми орденами, пять раз ранен. В Добровольческую армию вступил в самом начале 1918 года. Он был романтик, честолюбивый, склонный к браваде, но талантливый военачальник. По свидетельству Деникина, "он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решительностью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо".

Слащевский план обороны Крыма был успешно выполнен. Части 13-й красной армии трижды захватывали перешейки, и трижды Слащев заставлял их отойти. Деникин за успешные действия 3-го армейского корпуса переименовал его в Крымский. Слащев отстоял полуостров, чтобы, как вскоре стало ясно, история разыграла там новый и последний акт трагедии Русской Смуты.

Конечно, с точки зрения истории безразлично, что за человек генерал Слащев. Разве не все ли равно, был ли он кокаинистом, носил ли псевдогусарский, им самим придуманный наряд - белый доломан и лиловые рейтузы? Как-то Врангелю сказали о чудачествах Слащева, он ответил: "Какое вам дело? Если он даже воткнет павлинье перо себе в задницу, но будет продолжать так же хорошо драться, это безразлично".

Врангель явно ошибся, ибо декадентство военного человека было не только смешно, но и грозило обернуться непредсказуемым поступком. И в конце концов обернулось. Правда, уже после исхода, в Константинополе.

Потом Слащев вернется в Советскую Россию, где будет убит.

А тогда, в начале двадцатого года, Слащев умело воевал, дерзко решил в считанные дни проложить железную дорогу для снабжения обороны Перекопа и добился этого.

Поэтому Врангель смотрел сквозь пальцы на его романтизм и чудачества.

Врангель. Черный барон. Призыв красной пропаганды: "Все на Врангеля". Сорок два года. Прекрасное образование - Горный институт и Академия Генерального штаба. Из старой дворянской семьи: генерал-адъютант А. Е. Врангель воевал на Кавказе, его войска взяли в плен Шамиля; Ф. П. Врангель выдающийся путешественник; на пятнадцатой стене Храма Христа Спасителя, посвященной сражениям при Колоцком монастыре, Шевардине и Бородине 24 и 26 августа 1812 года, указан среди раненых барон Врангель.

Петр Николаевич участвовал в русско-японской и германской. В августе 1914 года в Восточной Пруссии эскадрон под командованием ротмистра Врангеля в конной атаке захватывает германскую батарею под деревней Каушен. Все офицеры эскадрона были убиты, одному снесло голову. Врангель чудом остался жив, а его лошадь получила девять картечных ран. За храбрость он награждается орденом Святого Георгия 4-й степени. В Добровольческой армии прославился взятием Царицына и резкой критикой Главнокомандующего. В феврале 1920 года Деникин уволил его в отставку.

В марте, когда Врангель готовился отбыть из Константинополя в Сербию, он был приглашен верховным комиссаром Англии адмиралом Де Робеком на флагманский корабль "Аякс" позавтракать. Врангель уже выходил из здания российского посольства на улице Пера, когда ему передали телеграмму, гласившую, что генерал Деникин решил отказаться от своей должности и назначил военный совет для выбора своего преемника, куда просил пригласить и Врангеля.

Судьба опального генерала круто менялась.

На "Аяксе" все мысли Врангеля вертелись вокруг телеграммы. Он не тешил себя иллюзиями: белая борьба была обречена на гибель, он мог сложить голову в Крыму, но вряд ли способен был что-либо изменить. Что же? Отказаться? Не ехать на совет? Отступить в ту минуту, когда может сбыться его мечта и он возглавит русскую армию, с которой шел ее крестным путем?

Рассудок подсказывал ему отказаться, но душа звала вернуться. Пусть там у него будет один шанс из ста, все равно надо этот шанс использовать.

Завтрак кончился. Адмирал пригласил Врангеля и генерала Мильна в кабинет и там сказал, что готов предоставить в распоряжение Врангеля судно.

- Я знаю, - продолжал Де Робек, - положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указания ему преемника, остановит свой выбор на вас. Знаю, как тяжело положение армии, и не знаю, можно ли ее еще спасти... Мною только что получена телеграмма моего правительства. Телеграмма делает положение вашей армии еще тяжелее. Я не буду скрывать ее от вас, хотя она адресована Деникину. Вы должны ее знать, прежде чем принимать решение. Я повторяю, я не вправе утаивать ее от вас и, зная, о чем она, оставить вас в неведении. Вы должны узнать все сейчас, а не тогда, когда будет поздно.

В телеграмме значилось:

"Секретно. Верховный комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Совет находит, что продолжение гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой в настоящем положении обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, великобританское правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское правительство, оказавшее в прошлом генералу Деникину значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное его предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за

этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину.

Британский Верховный комиссар. 2 апреля 1920. Константинополь".

Теперь Врангелю все становилось ясным: ни малейшей надежды не оставалось. Белые были обречены.

Адмирал выжидательно смотрел на него. Как европеец, он понимал, что генерал лишен даже возможности выбора, но то обстоятельство, что тот был русским, могло оказаться решающим. У русских свое понимание долга.

- Благодарю вас, - ответил Врангель. - Если у меня еще могли быть сомнения, то после того, как я узнал содержание этой ноты, у меня их более быть не может. Армия в безвыходном положении. Если выбор моих старых соратников падет на меня, я не имею права от него уклониться.

Англичанин молча протянул ему руку, приветствуя его мужественный выбор.

Врангель сказал, что выезжает немедленно.

На следующий день броненосец "Император Индии" с генералом на борту покинул рейд Мода и через сутки бросил якорь на Севастопольском рейде. Родная земля встречала будущего Главнокомандующего голубым небом, солнцем, белыми домами на берегу.

Чувство утраченной прекрасной Родины владело Врангелем.

Вот он и вернулся. Надолго ли? Об этом не хотелось думать. Позади остались неприятные минуты, когда он, опальный отставной генерал, лишенный всяких средств к существованию, только при помощи Кривошеина получил небольшой заем в банке и готовился к унылой жизни эмигранта.

Яркое солнце было добрым знаком, который верующий православный генерал воспринимал с надеждой.

" 1.

Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России.

2.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон.

Господи, дай победу армии, спаси Россию.

Генерал-лейтенант Деникин".

Антон Иванович Деникин уходил в историю с высоко поднятой головой, с молитвой на устах.

Начиналась короткая, восьмимесячная история врангелевского "государства Крым", похожего на эпилог столыпинских замыслов и какой-то смутный сон о будущих

переменах.

Может быть, российская история выбрала этих двух героев потому, что наступила пора "смены вех", от консерватизма к реформизму, для чего они и были востребованы из политического забвения. Если бы не необходимость новых идей, то оба они остались бы невостребованы.

С первых же шагов Врангель действовал с византийской дипломатичностью, словно воздух Константинополя навеял ему мысли о старинной связи "второго" и "третьего" Рима. Генерал высказал свой замысел весьма определенно: "Англичане решили выйти из игры. Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с большевиками с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется в настоящих условиях необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложить на них одиум переговоров, всячески затягивать таковые, а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок и обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации..."

Он начинал странную политику "двух России", белой и красной. Впоследствии мир увидел продолжение этого разлома в двух Германиях, двух Китаях, двух Кореях.

Однако для того, чтобы в 1920 году действовать по такой схеме, нужно было пережить внутренний переворот и отказаться, пусть на время, а может быть, и навсегда, от "единой и неделимой". Государственник и патриот должен был исповедовать презренный сепаратизм. Для этого требовалось не меньше мужества, чем для конной атаки на германскую батарею.

В Константинополь британскому верховному комиссару была направлена телеграмма, из которой следовало, что новый Главнокомандующий согласен на прекращение военных действий с большевиками, но для этого требуется не менее двух месяцев подготовки, в продолжение которых "союзники должны продолжать снабжать армию и население занятых областей всем необходимым".

Врангель явно запутывал англичан.

Вначале это имело успех. Лорд Керзон обратился к Чичерину с решительной нотой, грозя в случае отказа принять британское посредничество, направить английский флот в Черное море для защиты белых. Но спустя всего неделю Англия решила добиваться торгового соглашения с Москвой и отвернулась от Крыма.

На счастье Крыма, были еще, кроме английских интересов в России, интересы Франции. Франция прекрасно понимала, что с выбыванием России из европейского оркестра некому будет противостоять Германии. Франция поставила на Польшу, надеясь

создать антигерманский противовес. Польша была в шаге от войны с Советской Россией.

Белая армия в Крыму была нужна Парижу как дополнительная военная сила.

Новая военная кампания становилась неизбежной.

Сжавшимся на полуострове войскам, потерпевшим поражение и ужасную катастрофу новороссийской эвакуации - снова воевать?

Воевать!

Занимаемые белыми позиции были ненадежны: летом Сиваш сильно мелел и оборона подвергалась опасности обхода. Надо было выдвинуться вперед, занять выходы из Сальковского и Перекопского дефиле.

Так и начиналось это русское государство в Крыму: защищались от измены англичан, искали связей с французами, планировали военную операцию и обеспечивали возможную эвакуацию. Впрочем, это только внешние действия, очерчивающие некий силовой круг внутренней жизни, жизни в совсем маленькой осажденной крепости.

Шансов было мало, один из ста, как признавали сами белые генералы. Если говорить об их самочувствии, то они ждали приближения гибели.

И делали все, чтобы выжить.

Эта мужественная спокойная сила, державшая Крым в 1920 году, была унаследована от Великой России. Русская пословица: "Помирай, а рожь сей" полностью приложима к ней.

В полках подтягивалась дисциплина, каралось пьянство и дебоши, виновные офицеры разжаловались в рядовые. Восстанавливались воинская этика и мораль.

Врангель обратился за поддержкой к двум столпам национальной России Кривошеину и Струве. Он уповал только на сподвижника Столыпина и не ошибся: Кривошеин ясно осознавал необходимость учитывать новые обстоятельства отечественной истории, не закрывать глаза на то, что революция произошла.

До Врангеля и Кривошеина с революцией только боролись, не признавая ее.

В заявлении для печати Главнокомандующий четко обрисовал перспективы: "Создание для населения Юга России, занятого моими войсками, такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире - вот основные задачи власти.

Мною намечен целый ряд мер, чтобы наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд. Мелкому крестьянину-собственнику принадлежит сельскохозяйственная

будущность России, крупное землевладение отжило свой век".

Прозвучала главная столыпинская идея: ставить на крестьянина-собственника, видеть в нем опору государственности. Деникинская, дворянская в своей основе направленность, радикально менялась. Врангель отказывался от особой, "добровольческой" политики, считал, что она разделила противобольшевистский фронт, поссорила с другими антибольшевистскими силами - Грузией, Украиной, Азербайджаном, едва не привела к борьбе с казаками, которые составляли половину белой армии. По сути Врангель совершал маленькую столыпинскую реформу, занимаясь, как выразился один из руководителей крымского земства В. А. Оболенский, "перестройкой всего государственного строя на новой социальной базе".

Если бы генерал Петр Николаевич Врангель находился у власти не восемь месяцев, то можно было бы сравнивать врангелевскую перестройку и ленинскую НЭП, которые родились примерно в одно время с той только разницей, что первая была глубоко народной, а вторая - пропагандистским трюком, ни в коей мере не предполагавшим передать крестьянам "землю и волю".

А Кутепов, беззаветные герои, потерявшие все, кроме добровольческой идеи?

Добровольческий корпус пошел за Врангелем. Когда принимался "приказ о земле", именно военные добились, чтобы он стал реальностью. Но для военных главным делом было воевать, а не устраивать гражданскую жизнь на новых основаниях. По российской традиции военные не хотели надолго вмешиваться в несвойственное им начало, предоставляя это политикам и чиновникам, как бы мы сказали сегодня, аппарату. Здесь Кутепов не был исключением. У него, в отличие от Врангеля, имевшего, кроме военного, и инженерное образование, интересы были уже отчетливее, прямолинейнее.

Тридцать первого марта (ст. стиля) в районе Перекопа разыгрался жестокий бой, латышские стрелки и красная конница пытались овладеть Перекопским валом и, встретив сильное сопротивление, отступили, признав неудачу. На следующий день к ним подошла свежая стрелковая дивизия, и атака повторилась. Снова была отбита.

Но давление было сильным.

Кутеповские полки редели. Армия была жива.

Кровь смешивалась с водой, пропитывала землю. Подростки и юноши, самые дерзкие, еще не задумывающиеся о смерти, поднимались в решающие атаки. На Таганаше генерал Слащев

повел юнкеров-константиновцев под артиллерийским огнем штурмовать гать с мостом, впереди шел оркестр. И ошеломили.

О, русская военная музыка!

Не в каждой дивизии была знаменитая Плевицкая, как у корниловцев, но в душе каждого звучала мелодия либо "Преображенского марша", либо "Бородина", либо какой-то другой родной и привычной песни. Например, песня Николаевского кавалерийского училища, в стенах которого учился и поручик Лермонтов, и генерал Самсонов, и защитники Кавказа, Севастополя, освободители Болгарии...

Едут, поют юнкера Гвардейской школы,

Трубы, литавры на солнце блестят.

Грянем "Ура!", лихие юнкера,

За матушку Россию, за русского царя!

Вот так, с музыкой, начиналась последняя кампания гражданской войны. С жертвы самых молодых добровольцев. Впоследствии жена белого офицера Марина Цветаева в поэме "Перекоп" найдет точные описания тех боев, начиная с эпиграфа:

" - Через десять лет забудут! Через двести - вспомнят!"

Главное все же происходило в тылу. Войска выполнили поставленную задачу.

Еще не был объявлен "Приказ о земле". Он только вызревал. Была короткая пауза между двумя периодами, деникинским и врангелевским.

Жестокие меры генерала Кутепова в Симферополе, где он твердой рукой отправлял грабителей и дезертиров на виселицу, с короткой задержкой в военно-полевом суде, вызывали неприязнь у местных либералов. Городской голова Усов заявлял от имени городской общественности протесты. Кутепов этого не понимал. Разве он не вправе навести порядок?

Главнокомандующий вызвал Усова в Севастополь. Либеральная пресса восприняла это как пролог к смещению Кутепова.

Однако Врангель заявил городскому голове:

"Я знаю о неладах ваших с генералом Кутеповым, являющимся исполнителем моих приказаний. Я не хочу разбирать вопроса, кто прав. Я ли, дающий эти приказания, или вы. На мне лежит ответственность перед армией и населением, и я действую так, как мой ум и моя совесть мне повелевают. Вы на моем месте действовали бы, конечно, иначе, однако судьба во главе русского дела поставила не вас, а меня, и я поступаю так, как понимаю свой долг. Для выполнения этого долга я не остановлюсь ни перед чем и без колебания устраню всякое лицо, которое мне в выполнении этого долга будет мешать. Вы

протестуете против того, что генерал Кутепов повесил несколько десятков вредных армии и нашему делу лиц. Предупреждаю вас, что я не задумаюсь увеличить число повешенных еще одним, хотя бы этим лицом оказались вы".

О да, Врангель не был слащавым либералом. Он понимал, что реформам прежде всего потребуется сильная воля и твердая власть. Воля у Врангеля была, военная сила тоже была. Чего же не было? Людей. Аппарата. Старые чиновники оказались непригодны. Они цеплялись за старые бюрократические привычки, ища в них опору, вместо того чтобы искать гибкие творческие методы действий. Деникинские сотрудники, пришедшие в основном из либералов, говорили больше, чем делали, были еще хуже.

Врангель послал письмо Кривошеину в Париж. За Кривошеиным сразу встал Струве. За Струве - молодой ученый Петр Николаевич Савицкий, будущий "евразиец". Савицкому было двадцать пять лет. В 1917 году он закончил Петроградский политехнический институт, где его руководителем был Струве, получил звание кандидата экономических наук. Был коммерческим советником российского посланника в Христиании. Струве пригласил его начальником экономического отделения управления внешних сношений. Ничего особенного. Он еще не вошел в историю.

Вот несколько отрывков из писем Савицкого Струве.

"Одесса. 2 марта 1919 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Петр Бернгардович!

Страшно рад за Вас, что Вы вырвались из большевистского плена и что находитесь сейчас среди людей, на которых мы, находящиеся сейчас на территории, хотя и освобожденной от большевиков, но продолжающей гнить и разлагаться, возлагаем последние свои упования.

Говорю: последние упования, т.к. период французской оккупации для нас явился временем самых горьких разочарований, приведших к состоянию, граничащему с отчаянием... Кто только не изображает теперь собой пророка грядущей всемирной социалистической революции?!. Но мне все еще не хочется верить в гибель мировой культуры, неизбежность краха всего того, чем мы привыкли жить... Вопрос о мировом большевизме гнетет меня еще потому, что за последнее время я потерял недавно окрылявшую меня веру в возможность возрождения России, главным образом, силами Добровольческой армии. В той отвратительной социально-психологической атмосфере, в которой ей здесь на Юге приходится действовать, она не в силах справиться со стоящими перед ней громадными

задачами. Кроме того, ее правительство страдает пороком, всегда губившим русскую интеллигенцию: отсутствием воли. Мне это особенно видно в финансовой области: необходима решительная борьба, направленная на уничтожение советской валюты, а здесь на это никак не могут решиться..."

"2/15 марта 19 г.

...Зимой и весной 17-18 был "помещиком и солдатом собственного войска, собственного хуторского гарнизона"., В ноябре-декабре "гетманским солдатом Особого корпуса" и участвовал в сражениях в Киеве; теперь же у меня некоторое осложнение со здоровьем, и я безраздельно предаюсь экономике".

"3.08.21

...Не восхваление большевизма и не апологетическое отрицание происходящего в России морального и материального ужаса, но нечто иное было скрепой, связавшей "евразийство". Этой скрепой явилось стремление, осознав ужас, найти ему определение в духе... Для того, чтобы нам не погибнуть, нам нужно верить, и верить не только в то, что на обломках мы снова построим свой дом, как об этом пишет С. С. Ольденбург в конце своего доклада, но и в то, что этот дом будет домом Божиим... Среди разорения, которое пережил каждый, среди роковых вестей, которые приходят к каждому, во сколько раз легче предаваться ненависти против тех, кто все это сделал, и самоуничижению по отношению к судьбам России, - чем отвергнуть, просто забыть о ненависти и вынести, как светильник из тьмы, предчувствие будущего!"

Но сколько можно жить предчувствием будущего? Когда будущего, возможно, и не было. Пора было взять в помощники всех, кого Бог послал, и делать дело. Кривошеин согласился приезжать в Крым помогать Врангелю. Начиналась последняя реформаторская волна.

Основные идеи реформы принадлежат лично Врангелю, но в главном она продолжает столыпинский принцип передачи крестьянству большей части помещичьей земли. И все-таки сколько говорилось о необходимости перемен и сколь мало было героев, способных эти перемены осуществить!

Сперва Врангель устанавливает основы нормального правопорядка в армии. Стихия самоуправства, сводящая судопроизводство до расправы, развращала армию. Военно-полевые суды подчинялись не прокурорам, не военным судам, а непосредственным войсковым начальникам. Белая Фемида не имела повязки на глазах.

Приказом главнокомандующего этот порядок отменялся. Предание суду должно было происходить путем внесения в суд

прокурорского обвинительного акта.

Было провозглашено: "Опора - в праве".

Затем была создана комиссия по разработке земельного вопроса. Ее возглавил Г. В. Глинка, один из ближайших сотрудников А. В. Кривошеина, бывший начальник переселенческого комитета и товарищ министра земледелия.

И сразу вокруг комиссии разгорелись страсти. Кому отдавать землю? У кого забирать? Как быть с бедняками, уже захватившими землю?

В июле 1920 года Кривошеий на встрече с журналистами сказал: "Русская революция потому и приняла анархический характер, что крестьяне жили земельным укладом царя Берендея. Если Западная Европа, треща и разваливаясь, все еще обошлась без большевизма (и обойдется), то потому, что земельный быт французского, немецкого, английского, итальянского фермера давно устроен... В будущей России центр тяжести устроения жизни должен переместиться книзу, в толщу народных масс".

Комиссия работала. Интерес к ней был огромен. Газеты со статьями о ее работе проникали за линию фронта, и в Севастополь пробирались из Северной Таврии крестьяне, горя нетерпением поскорее узнать о сути дела. Эти ходоки попали к Врангелю на прием. Точнее, он сам их позвал, чтобы понять, что нужно делать.

Земля должна была перейти в вечную, наследственную собственность крестьян. Собственность должна была сплотить крестьян, сорганизовать их, привлечь к защите порядка и государственности.

Правительственное сообщение по земельному вопросу, которое написал Кривошеий, гласило: "Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе Главнокомандующего о земле, - проста. Она может быть выражена в немногих словах: земля - трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль приказа опирается на два основных стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий и захватов, и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие.

Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченность жизни, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем".

Врангель опережал всех социалистов, вместе взятых. Как будто Столыпин восстал из своей киево-печерской могилы и продиктовал ему и Кривошеину эти мысли.

Снова из раздробленного праха создавалась российская обновленная государственность. Впервые так ясно было сказано: ее опора - миллионы и миллионы.

Может быть, результаты гражданской войны были бы совсем иными, если бы в начале добровольческой эпопеи Деникин принял подобный земельный закон. Но это - к слову. Деникин оставался самим собой.

В разговоре с Шульгиным Врангель сказал: "Я чего добиваюсь? Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, - показать остальной России... вот у вас там коммунизм, то есть голод и чрезвычайка, а здесь: идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает... живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... До известной степени это удается... Конечно, людей не хватает... Я всех зову... Я там не смотрю, на полградуса левее, на пол-градуса правее, - это мне безразлично... Можешь делать - делай. И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла: что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед, - медленно, не так, как при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться..."

В этом монологе Главнокомандующего есть ключевая мысль: чтобы крестьянам было за что бороться - за белую идею! За национальную, в противоположность интернациональной, Россию.

Наконец, демократические преобразования, опирающиеся не на речи политиков, а на законы, становились реальностью Белого движения.

"Мы отдали мелким крестьянам собственникам не только власть земскую, но и власть административную, - сказал Кривошеин в интервью газете "Великая Россия". - В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных..."

Оставалось эту власть защитить перед лицом огромной красной России.

Добровольческая армия была переименована в Русскую армию. Кутеповский корпус стал Первым корпусом.

Красная армия была занята войнами с Польшей, где терпела тяжелые поражения. Поляки заняли огромную территорию в Белоруссии и на Украине, включая Киев. Словно восстали из гробов лжедимитрии, поднялись вместе с Заруцким казаки - на

Москву! Только уже не была та Москва православной и подлинной, хотя и высились над нею еще не разрушенные золотые купола Храма Христа Спасителя и остальных "сорока сороков".

Двадцатого мая Врангель обнародовал воззвание:

"Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.

За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.

За прекращение междуусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

Генерал Врангель".

Русская армия была готова к наступательной операции.

Намечалось два удара: один через Перекоп корпусом Кутепова, второй морским десантом частей Слащева в район Кирилловки.

Идти на Москву никто не собирался. Это был поход за хлебом, чтобы обеспечить Крым продовольствием. Но - все равно война.

Морской десант попал в сильный шторм, высадка затянулась. Укачавшиеся лошади едва шевелились. Но все же первой выгрузилась кавалерия. Подвод в нужном количестве не было, поэтому вслед за ней двинулась только одна бригада пехоты. Артиллерия отстала.

Наступление разворачивалось, спотыкаясь.

На Перекопе белые заняли несколько деревень. Кутеповский корпус атаковал главные силы 113-й Красной Армии.

Казалось, все повторяется, как в девятнадцатом году. Против кутеповцев твердо стояли латышские полки, словно в осенние бои под Курском. Белые пустили вперед танки и броневики. Красные в упор били из пушек. За танками шла пехота, за пехотой подтягивалась конница. В рассвете было хорошо видно, как проворачивается огромное колесо боя, подминая людей, лошадей, сжигая танки.

Вот белые кавалеристы пошли рысью, обогнули горящий танк и стали настигать красную пехоту. Она побежала, на бегу перестраиваясь в каре. Командир эскадрона, против которого оказалось каре, скомандовал к бою: "Шашки вон, пики к бою, в атаку марш, марш!" Кавалерия пошла галопом, поднимая клинки. Каре латышей стояло неподвижно, ощетинившись винтовками.

Грянул четкий сильный залп.

Эскадрон врубился в каре. Латыши подняли на штыки ротмистра Гудим-Левковича.

Кавалеристы рубили пехоту, сбивали ее конями. Им на помощь подлетел еще один эскадрон. Несколько минут - и ни одного красного латыша не осталось. Но эскадрон потерял половину всадников. Господь один знает их поименно.

Красные отступали, затем оправились от удара и выбили марковцев из Первоконстантиновки. В штыковые атаки вставали юнкера и красные курсанты. Рассыпавшись цепями, роты шли по цветущей степи, не стреляя. Пулеметы молчали. У тех и других была одна мысль - скорее кончить бой. Фланги цепей вихлялись, не выдерживая напряжения. Никто не произносил ни слова. Шелестела трава. Долго это не могло продолжаться. Кто-то должен был уступить и погибнуть.

Когда 2-й Дроздовский полк снова занял Первоконстантиновку, бойцы была поражены: на улицах и в степи лежало множество убитых белогвардейцев. И было видно, что убиты они в беспомощном состоянии, заколоты штыками. Например, перебита нога и штыком разворочено горло... Трупы хоронили до вечера.

А вокруг наливались сады, созревала ранняя вишня. Начавшееся лето не хотело знать о войне.

Войскам же надо было спешить. Срывали целые ветки, усыпанные вишнями, и спешили на подводы. Вперед! На вражеские штыки, под красные пули. Кто-то, смеясь, срубил топором целое дерево и затащил в подводу. Ели вишни, стреляли косточками, не думали о следующем бое. Что думать? Хоть день, да мой!

Счастье улыбалось Русской армии, но потери в частях самого сильного, кутеповского, корпуса были велики. В 1-м Дроздовском полку были убиты или получили тяжелые раны все командиры батальонов и рот.

Едут, поют юнкера Гвардейской школы, Трубы, литавры на солнце блестят...

Можно было переиначить эту бравую песню: "Гибнут, поют юнкера..."

За два дня боев 1-й корпус взял в плен 3500 человек, 25 орудий, 6 броневиков.

Слащевский корпус занял Мелитополь. Кутепов подошел к Каховке.

На польском фронте произошла перемена: красные перешли в наступление, прорвав фронт в районе Белой Церкви. Тридцать первого мая они заняли Киев.

Успехи Врангеля обесценивались в глазах англичан. "Политика англичан стала нам резко враждебной", - отметил Врангель.

Тем не менее Русская армия завладела богатыми уездами Северной Таврии, Крым получил продовольствие. Ставка перешла в Мелитополь.

Надолго ли все эти успехи?

На этот вопрос они отвечали сами.

"Генерал Врангель отдает себе отчет в трудностях своего собственного и международного положения. Он далек от мысли, что восстановление в России порядка и свободы может быть достигнуто исключительно чисто военными действиями. Он понимает необходимость длительной умиротворительной работы, направленной в первую голову на удовлетворение потребностей крестьян, составляющих большинство русского населения. Это население не желает ни восстановления старого порядка, ни коммунистической тирании. Дать удовлетворение потребностям крестьянского населения, оздоровить моральную жизнь страны, восстановить экономическую жизнь, объединить все элементы порядка - - вот цели, которые себе поставил Главнокомандующий вооруженными силами на юге России и достижение которых, по его мнению, выведет Россию из состояния анархии, в которое ее ввергнул коммунистический режим, сделавший из нее опытное поле для чудовищных социальных экспериментов, неслыханных доселе в истории..."

Это строки из письма Струве премьер-министру Франции Мильерану от двадцатого июня 1920 года.

Французы обещали поддержку. Англичане же становились все более холодными, они завязали переговоры с Москвой, надеясь успеть первыми заключить выгодные торговые сделки. Насколько обещание французов было исполнимо, никто не брался загадывать. Одна крупная неудача на фронте могла все опрокинуть раньше дипломатического краха. И эта неудача вскоре замаячила перед Русской армией. Красные подтянули конный корпус Жлобы. Врангель приказал, не дав противнику сосредоточиться, выдвинуться для атаки. Жлоба атаковал первым, и в жестоком, достигавшем ярости рукопашных схваток бою сильно потеснил Донскую дивизию генерала Гусельщикова. Одновременно с этим атаковал и 2-ю Донскую дивизию. Казаки отступали.

В это время корпус Слащева наступал в северном направлении на Пологи. Жлоба перерезал его тыловые связи. Что было делать? Отступать? Но в сравнении с конницей пехота обречена. Было решено прикрыть Мелитополь частями

кутеповского корпуса, с юга и востока повернуть на красных кавалерийские дивизии Морозова и Калинина, ударить с воздуха аэропланами, а с севера отрезать бронепоездами.

Завертелись жернова, перемалывая людей. Одиннадцать аэропланов генерала Ткачева летали над красной конницей, поливая ее пулеметным огнем. Жлоба замедлил свой ход, предпочел двигаться ночью. К Мелитополю успели подтянуться дроздовцы и стали напирать на красных героев.

Кавалерия белых героев завязала встречный бой.

Жлоба ломил. Врангель требовал от донцов стойкости, чтобы кутеповская пехота успела зайти в тыл Жлобе. Напряжение достигло предела, в резерве Главнокомандующего остался только один юнкерский полк.

Корниловская дивизия успела подойти на помощь изнемогавшим казакам. Пушки выкатили на открытые позиции и стали засыпать красных шрапнелью. Выкатились вперед броневики. Авиация ударила сверху. Жлоба быстро перестроился и повел атаку на корниловцев. Они стояли в каре. Их артиллерия взялась на передки и зашла атакующим во фланг. Казаки тоже пришли в себя и надавили. Жлоба бросился на север. Там его ждали четыре бронепоезда на высокой насыпи Токмакской железной дороги. Он бросился к югу. Там были дроздовцы, они тоже стояли в каре. Кутепов был здесь. Твердокаменные добровольцы гибли у него на глазах.

Разгром корпуса Жлобы был праздником для "государства Крым".

Только мертвых не было среди торжествующих.

- Как они прекрасны, - сказал Кутепов. - -Я был бы счастлив вот теперь идти вместе с ними, чтобы помочь им лично... Как просто, без страха, гибнут драгоценные для России жизни патриота-офицера и рядом с ним русского солдата.

Но может быть, вера в чудесное возрождение поднимала убитых? Восемнадцатого июня 1919 года корнет Мошин упал с простреленной грудью, пуля вошла в сердце в тот миг, когда оно сжалось. И он выжил. Спустя год, восемнадцатого июня 1920 года под Каховкой он снова упал, сраженный пулей в грудь. Она вошла в ту же точку, когда сердце сжалось. И во второй раз он выжил.

Все эти бессмертные юноши, гимназисты, корнеты, юнкера, поручики должны были выжить, судьба им готовила иную смерть. Поэтому когда двадцатилетний ротмистр-конногвардеец Петр Арапов стоял под артиллерийским огнем, а вокруг него, съежившись от страха, укрывались за расколотыми памятниками распаханного снарядом кладбища его однополчане, он, наверное, догадывался, что уцелеет. А не догадывался, так верил!

Перенесемся на несколько мгновений в будущее, туда, где Кутепов воюет с контрразведкой НКВД, где евразийцы мечтают преодолеть большевистскую пропасть, где чекистская организация "Трест" обнадеживает белоэмигрантов... Савицкий в 1937 году сделал такую запись на черновиках своих писем Н. С. Трубецкому: "Первое появление Петра Семеновича Арапова, игравшего огромную сначала конструктивную, потом разлагающую - роль в евразийстве с 1922 по 1929 год. Очень способный человек, с великолепным "жезлом", тончайший сноб, парадоксальное сочетание глубокой принципиальности и циничной беспринципности (эта последняя с годами в нем возрастала). Исключительная наружность. Совершенное знание ряда языков. Покоритель женских сердец (Т. Н. Родзянко, Исакова, кн. Е. Г. Голицына), всегда пренебрегавший женщинами. (Подобно многим гвардейцам он их не "признает".) В Крыму и позже состоял при П. Н. Врангеле. Вспоминаю, что он участвовал в расстрелах и убийствах "по приказу" - что очень потрясло его психологию".

Петр Арапов погиб в Соловецких лагерях, будучи увлечен "Трестом" в безнадежный поединок.

Но пока - лето двадцатого года, постмонархическая Россия бродит, обливаясь кровью, ищет свой путь между невозвратным прошлым и ужасным будущим, нависшим над маленьким Крымом.

Газета "Военный голос" оповестила в "Официальной части":

"№ 316. Июля 14 дня 1920 года. Крепость Севастополь.

1. Присужденного Севастопольским Крепостным Военно-полевым судом к 20 годам каторжных работ за двукратную службу у большевиков на ответственной должности и активную борьбу за установление советской власти на Юге России, а затем помилованного Главнокомандующим и освобожденного от отбывания наказания надворного советника Петра Соломоновича Кузанова, оставление коего на территории вооруженных сил Юга России, как продолжающего и после освобождения явно сочувствовать большевикам, представляет опасность государственному порядку и общественному спокойствию, приказываю в порядке приказов Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России от 11 мая с. г. за № 3182 (п. 3 раздел 11) и от 14 июня с. г. за № 3338 выслать в пределы Советской России.

Исполнение сего приказа в 3-дневный срок возлагаю на начальника Отдела Государственной Стражи полковника Юденича, коего названного Кузанова направить под конвоем в распоряжение коменданта Штаба 2-го Армейского Корпуса для

дальнейшего выселения в Советскую Россию, и об исполнении мне донести.

Генерал-лейтенант Стогов".

Власть стремилась к умиротворению, избегая лишний раз пролить кровь. Подобные приказы не единичны. Прощают рабочих-забастовщиков, даже устраивают для них особые дешевые продовольственные магазины. От действий власти веет социализмом.

Земельная реформа, самоуправление, кооперативы, дешевая распродажа на базарах продуктов питания и зерна, опора на правовые нормы, разрешение татарам преподавания в местных школах на татарском языке, объявление борьбы с канцелярщиной, этим, по словам Врангеля, "стародавним русским злом", - это были вехи самой настоящей верхушечной революции.

Много ли было у нее шансов на успех?

Скорее всего, их не было вовсе. Увеличивалась спекуляция, кооперативы стремились скупить побольше зерна и отправить его за границу, получив за него твердую валюту. Рубль упал так низко, что крестьяне отказывались брать деньги, требовали оплату хлеба товарами. Но откуда у армейских интендантов товары? Они расплачивались с мужиками по низким государственным расценкам. Крестьяне оказывались перед выбором: продать зерно кооператору, который дает взамен спички, ткань или оконное стекло, либо поддержать врангелевские реформы, уступив интендантам за бесценок.

Газета "Вечернее Слово" писала в передовой статье "Труд и спекуляция":

"История скажет: Россия погибла не столько от революции, сколько от спекуляции... Идет бескровный, но страшный и поистине смертельный поединок труда и спекуляции. Необходимо прекратить куплю-продажу иностранной валюты..."

Надежд на патриотизм кооператоров и купцов нет. Цены росли, призывы правительства к торговым кругам встречали полное понимание на словах, а на деле оно выражалось в деликатных просьбах: выдать вывозное свидетельство на продажу зерна в Константинополе.

Газета "Вечернее Слово": "Многие говорят: "Все равно ничего не выйдет, т. к. организация не налаживается, нет живой работы, общество бездеятельно, низшие представители власти не умеют, не хотят проводить в жизнь ценных мероприятий Главнокомандующего, низы враждебны и проч."

Неужели мы не поймем, что спасение не в чужой немощи, а в национальной организованности?

Мы перестали быть честными, чуткими людьми, не многие

посмеют посмотреть совести прямо в глаза".

"Если мы последовательно прочтем все приказы генерала Врангеля - во всех них неуклонно проведен русский принцип. Мы видим стройную и твердую систему прогресса и вероисповедания. Казалось бы, она должна стать обязательной для всех, однако руководящие идеи Вождя нередко встречают глухое молчаливое, упорное сопротивление, а иногда и полное отрицание.

Все тот же спекулятивно-грабительский интернационал, что и пять месяцев назад, с полным забвением родины и "наплеванием" на нее, все те же - бойкот и саботаж в деле и почине собирания России. И по-прежнему русский человек и русское понимание в забытом углу, в униженном положении на последнем месте, как нечто недостойное и отверженное.

Нет хода русскому человеку, но всему, что враждебно России, что равнодушно к ней или не верит в нее - широкий размах и широкое поле... Полное расхождение людей и системы".

"Консорциум банков ведет игру на понижение русского рубля, на падение русских ценностей. Стоит только внимательно присмотреться, после чего следует это повышение или понижение.

Так, ответом на начало переговоров Англии с Советской Россией о возобновлении торговых отношений было то, что все эти Лианозовские, Бакинские и др. (акции. - Авт.) сделали скачок вверх. В ответ на переход русской армии в наступление - последовало резкое понижение русских ценностей и рубля.

Все делается по обдуманному плану. Все это выкачивание из России золота и драгоценностей, скупка романовских и других ценностей делается по мановению дирижерской палочки разных Шиффов, Фордов и Ко.

Происходит определенное обескровливание России, чтобы потом без великого труда забрать русский народ в кабалу".

Выводы "Вечернего Слова" убийственны для будущего "государства Крым". Движение биржевых ценностей на Константинопольской и особенно Лондонской фондовых биржах подтверждают наблюдения русских журналистов. Международный капитал борется с Врангелем и поддерживает Москву. Почему? Ответ, видимо, в том, что белые стремятся восстановить Россию в прежних границах (хотя Врангель не выдвигал такого лозунга), а Запад стремится расчленить бывшую Российскую империю на ряд небольших государств - прибалтийских, кавказских, среднеазиатских. Поэтому при наступлении Врангеля бакинские нефтяные акции да и весь район Кавказа становится для английских биржевиков менее доступным. И наоборот, при сохранении статус-кво биржевики

получают в Азербайджане гораздо более обширное поле деятельности.

В июле Врангель, вопреки своим взглядам, признает новые государственные образования - Эстонию, Литву, Латвию.

Это признание - в разгар военных успехов.

Это - горький реализм. Ничего не поделать, по одежке протягивай ножки.

"В настоящей сложной политической обстановке при господствующих на Западе демократических веяниях и полной зависимости нас от западноевропейских государств, приходилось быть особенно осторожным. Враждебные нам круги русской зарубежной общественности вели предательскую работу, подыгрываясь к западноевропейской демократии. В нашей борьбе хотели видеть борьбу не национальную, а националистическую, не освобождение, а реставрацию. Пользовались всяким поводом: так в обращении моем к "русским людям", выпущенном в дни нашего перехода в наступление, слово "хозяин", напечатанное к тому же крупным шрифтом, вызвало в левой прессе целую бурю..." Это достаточно сдержанное признание Врангеля свидетельствует о многом.

Двойственное положение "государства Крым", зажатого между наковальней большевизма и молотом Запада, было трагично.

Газета "Россия", издаваемая в Софии, поместила одну заметку, которая показала будничность этой трагедии:

"Запасы хлеба и угля в Бердянске, после взятия его войсками генерала Врангеля, так велики, что свободно могут питать Крым в течение 2-х месяцев.

Положение вещей позволяет направить суда с хлебом в Марсель для нужд союзных Держав".

Газета "Юг России" поместила такое объявление: "Умоляю о спасении от голодной смерти. Кто чем может. После воспаления кишок слаба, беспомощна, без всяких средств, продать уже нечего. Лежу в семье бедного офицера. Жена полковника. М. Морская, 34, кв. 15".

Жалко полковницу? Но что поделаешь...

А то, что англичане направили в расположение врангелевских войск миссию Красного Креста, состоявшую полностью из разведчиков, и появилась прямая угроза передачи красным важной информации?

На этом фоне бедная полковница вообще была не видна!

Оставалась, конечно, надежда на французскую помощь. Но и она, увы, сводилась к тому, чтобы обязать Врангеля выплатить долги его предшественников.

Тем не менее борьба продолжалась. В районе Орехова белые

части под командованием Кутепова, Бабиева и Барбовича разгромили несколько красных дивизий. Был занят Александровск (Запорожье).

Армия должна была нести крестьянам "землю на штыках", как выразился Врангель.

Всего три месяца прошло с начала "государства Крым". Чудо свершилось. Оно показывало всему миру, что Россия еще возродится, несмотря на двуличие Запада.

Все, что произошло на фронте в дальнейшем, неудачный героический десант на Кубань, кровопролитные атаки Каховского плацдарма, окончание польско-советской войны и заключение Рижского мира, после которого красные могли бросить на Крым какие угодно силы - все это было вехами гражданской войны, тогда как "врангелевский Крым" стал страницей Истории.

После Заднепровской операции Кутепова стало ясно, что овладеть Каховским плацдармом невозможно, и Кутепов предложил Врангелю начать отступление из Северной Таврии за Перекоп. Тогда бы они могли отсидеться в Крыму зиму. Но Врангель не согласился, ибо оставление территории могло бы плохо сказаться на переговорах с Францией.

В России царил голод, крестьяне поднимали мятежи один за другим, поэтому Крым еще мог надеяться.

Завершал Кутепов войну командующим 1-й армией. Против белых к середине октября красные выдвинули шесть армий. Спастись было вряд ли возможно.

Исход Русской армии был приравнен к одному из успехов Врангеля. По сравнению с Новороссийской катастрофой здесь все происходило организованно.

Кутепов отступил в Крым одним из последних и оставлял Севастополь одним из последних. Юнкерские училища и заставы "цветных" полков прикрывали посадку войск на корабли.

"Дальнейшие наши пути полны неизвестности", - говорил Врангель в последнем приказе.

Как далеко ушло их великое прошлое, Санкт-Петербург, военные парады на Марсовом поле, Великая Россия... И возврата не было.

Можно было только подвести итоги и опустить занавес.

И занавес опустился!

Галлиполи - русское государство на берегу Дарданелл

Кутепов оставил Севастополь вместе с последними частями в ночь на 14 ноября (нового стиля), 1920 года погрузившись вместе со своим штабом на пароход "Саратов", вместимость которого была 1860 человек.

Севастополь был уже оставлен почти всеми военными, и только патрули юнкеров да кутеповские заставы еще сдерживали толпы, пытающиеся разгромить военные склады. Врангель приказал для прикрытия погрузки занять линию укреплений 1855 года. В этом была какая-то странная символика. Он оставлял богатейшие запасы, не стал их уничтожать, считая это добро народным достоянием. Оставлял и тяжелораненых, которых нельзя было транспортировать. Надеялся, что на той стороне такие же, как и он, русские. И Господь был ему судьей в этом выборе: жечь или не жечь, оставлять или не оставлять.

Кутепов, измученный и не вполне понимающий, что произошло, смотрел с палубы на город, мерцающий редкими огнями. Это был полный крах или же оставалась надежда?

Погрузка на пароход вызвала тяжелые мысли. Что-то подобное уже было в Новороссийске - чувство страха, близкое к панике. Здесь оно готово было вырваться наружу при малейшей оплошности. Как напишет в отчете об эвакуации начальник эшелона парохода "Саратов" генерал-майор Мартынов, "тут именно сказывался тот закон психологии масс, когда все дурное суммируется, а все хорошее разлагается. И надо сознаться, что элемент солдат и казаков был куда сдержаннее в этом отношении, нежели офицерский состав, особенно военного приготовления. У солдат и казаков сказалась та высокая национальная черта покорности судьбе, которая перенесет всякие лишения, вытерпит свое горе, а затем в тяжелую минуту спасет свое родное, близкое, отдав ему всего себя".

На борт было принято 7056 человек, почти все военные. Штатские терялись среди них. Было еще 157 женщин, 55 детей. Из 303 раненых тяжелых было 75.

Всего из Крыма на 126 судах ушло 145 693 человека, не считая судовых команд. Что это значило по сравнению с красным валом? Песчинка, отколовшаяся от глыбы.

Четырнадцатого ноября, в полдень, "Саратов" вышел из Килен-бухты и стал на якоре против бухты Стрелецкой. Еще не были оборваны нити, связывавшие его с берегом. К "Саратову"

потянулись баржи, паровые катера и рыбацкие лодки. На что надеялись сидевшие в них люди? Пароход был переполнен. Капитан не знал, что делать. Кутепов приказал ему спустить трап и брать всех на борт. Он еще не ведал, что начинается самая главная пора его жизни. Он действовал как в Новороссийске, когда подбирал оставшийся на молу Дроздовский полк.

Вечером, в 18 часов 30 минут, пароход снялся с якоря и пошел на Константинополь.

Все было кончено.

Это путешествие было мучительно. Ощущение краха овладевало людьми, ибо у них уже не было ничего. У многих даже багажа.

Эскадра беженцев удалялась, ярко светило солнце, в спокойном море отражалось безоблачное голубое небо. Французский крейсер "Вальдек Руссо" салютовал двадцатью одним орудийным выстрелом русскому флагу.

Занавес опускался.

На "Саратове" в первые часы творился настоящий хаос. Люди расползлись по всем уголкам и щелям, забили все закоулки, садясь буквально друг на друга. Пройти от бака к корме почти невозможно. Но нужно было ходить за пищей, естественными надобностями, по делам службы. Путники сталкивались, делались пробки, кипяток или суп в жестянках расплескивались. Неужто приказывать, как надо ходить? И пришлось. И только с установлением порядка движения здесь наступило облегчение: к баку стали ходить по правому борту, к корме - по левому, поперечные переходы тоже были размечены соответствующим образом. Этому правилу подчинились легко. Как и необходимости выстаивать долгие очереди за супом и кипятком. Но никакие корабельные порядки не могли остановить кражи, дрязги, ругань в адрес начальства.

Вряд ли кто-то надеялся, что в Константинополе дело поправится и люди обретут душевный покой. Выбор прост: либо воевать, либо умирать. Для русского человека, впрочем, это было понятно всегда.

"И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и всосан народным организмом.

Если мы, клеточки этого некогда могучего, ныне агонизирующего государственного тела, еще живем физически и морально, то это есть в значительной мере та жизнь по инерции, которая продолжает тлеть в умирающем и которая как будто

возможна на некоторое время даже в мертвом теле. Вспоминается мрачная, извращенная фантазия величайшего русского пророка Достоевского. Мертвецы в своих могилах, прежде чем смолкнуть навеки, еще живут, как в полусне, обрывками и отголосками прежних чувств, страстей и пороков; уже совсем почти разложившийся мертвец изредка бормочет бессмысленное "бобок" - единственный остаток прежней речи и мысли..." (С. Франк. Из глубины.)

Что бормотала врангелевская армия?

Несколько десятков русских мыслителей определили диагноз (или диагнозы) самоубийства России, а простые разбитые морально русские люди уже не знали, каким богам молиться, какой родине служить. Бобок! Пропади все пропадом!

А что Константинополю пришедшая эскадра? Над рейдом Мода развевались флаги Англии, Франции, Америки, Греции, Италии, Сербии. России - не было.

Сиял солнечный свет, сияла лазурь Босфора, возносились к небу мраморные минареты и купола прекрасных мечетей, среди которых великая Айя-София, бывшая некогда византийским православным храмом.

Русские, начиная с екатерининской великой эпохи, рвались сюда, и вот добрели!

Встречали корабли десятки и десятки быстрых лодок-каиков, в которых расторопные турки привезли халву, апельсины, лаваш и предлагали все это обменивать на все что угодно - часы, револьверы, обручальные кольца, шинели. Хочешь - бери, не хочешь - вольному воля.

"Продается все: и белье, и обувь, и одежда, и золото, и оружие буквально за гроши, - отмечал в приказах по эшелону парохода "Саратов" генерал Мартынов. - Господа, воздержитесь от продажи вещей, потерпите немного..."

Напрасно он уговаривал. Каждый жил своим умом, своим неверием в спасение.

У Кутепова, впрочем, были иные приказы. Первый приказ в Константинополе, 18 ноября, когда союзные власти объявили, что русские должны сдать оружие:

"1. Приказываю в каждой дивизии распоряжением командиров корпусов всем чинам за исключением офицеров собрать в определенном месте оружие, которое хранить под караулом.

2. В каждой дивизии сформировать вооруженный винтовками батальон в составе 600 штыков, которому придать одну пулеметную роту в составе 60 пулеметов.

3. К исполнению приступить немедленно и об исполнении

донести.

Генерал-лейтенант Кутепов".

За этим приказом открыто стояла несгибаемая воля, для которой спасение людей было возможно только через спасение армии.

Но никому в Константинополе не была нужна эта армия беженцев. Наоборот, она могла быть опасной. Французы смотрели на нее как на источник неприятностей и торопились забрать с кораблей побольше русского имущества. Они сгрузили с прибывших судов тонны военной амуниции, десятки тысяч единиц оружия, сотни тысяч пудов зерна, сахара, чая, табака. В залог помощи.

Беженцы были беззащитны.

Девятнадцатого ноября армия была сведена в 1-й русский армейский корпус под командованием Кутепова. Он был произведен в генералы от инфантерии.

Пехота перемещалась в Галлиполи, казаки - на остров Лемнос, откуда им всем был один путь - либо обратно на родину под расстрел, либо обратиться в беженскую пыль.

Врангеля туда не допустили, отделили от армии.

Двадцать первого ноября пароходы "Саратов" и "Херсон" с частями корпуса пошли на Галлиполи. Было холодно, ветрено. В борт тяжело били волны. Желтовато-серой полосой тянулся берег, изрезанный высокими холмами. Утром пришли к городку Галлиполи, маленькому, разрушенному недавним землетрясением и бомбардировками английского флота. У небольшой квадратной гавани возвышалась четырехугольная каменная башня, помнившая еще генуэзцев. Это была горькая для русских земля. Здесь содержались в неволе пленные запорожцы, солдаты Крымской войны и русско-турецкой войны за освобождение Болгарии.

Пароходы снова облепили лодки торговцев, завязалась жалкая меновая торговля, которая вскоре закончилась кровопролитием. Кутепов распорядился прекратить торговлю.

В городке Кутепова встречал комендант, французский майор Вейлер, полный блондин среднего роста, и солдаты-сенегальцы из батальона колониальных войск, рослые парни в желтых мундирах. Кутепову подвели коня, и они с Вейлером отправились осматривать место для будущего лагеря.

В семи верстах от городка, возле устья маледшкой речки Буюк-Доре, впадающей в Дарданелльский пролив, Кутепов осмотрел широкую, в полверсты, полосу между проливом и невысокими горами, отведенную для русских войск.

Дул холодный северо-восточный ветер, гнул заросли терна и

шиповника.

- И это все? - спросил Кутепов.

Майор молча кивнул.

Надо было принимать свою судьбу. Кутепов повернул лошадь обратно. Предстояла высадка измученных, потерявших сердце людей на голые камни и песок. Чем он мог поднять их дух? Они потеряли родину, потеряли веру, потеряли все, кроме жизни. Но зачем такая жизнь?

Войска высаживались под мерную дробь барабанов. Горнисты играли "сбор". Солдаты в коротких английских шинелях шли под дождем. Их конвоировали сенегальцы.

Картина была печальная. Войска устроились для начала в двух огромных длинных сараях на окраине Галлиполи. Вместо крыши было небо. Это временное пристанище угнетало еще больше, чем бездомность. Городок превратился в русскую толкучку. Бродили хмурые люди в шинелях, собирали щепки для костров и продавали на базаре разные вещи. Чести старшим не отдавали, считая армию мертвой. Еще несколько дней, и от армейской организации останется враждебная всем толпа. Все дозволено! Этот хаос безначалия расползался даже в штабах, где из-за недавней реорганизации армии в корпус большинство начальников не знало своих новых подчиненных, а многие офицеры потеряли свои должности.

Кутепов был единственным, кто мог что-то изменить. Он видел все: и тифозных больных, и ослабевших женщин с детьми, и развалившиеся сапоги солдат. Надо было поскорее построить лагерь, чтобы защититься от дождя и ветра. Но строительство должно было основываться на чем-то понятном для всех, а не только на одной мысли спасти собственный живот. Самоспасение было прямой дорогой к полному разложению, когда из-за кружки воды можно было идти прямо по головам слабых.

Кутепов строил не поселок беженцев, а военный лагерь по российской военной традиции. У него в руках было только одно сильнодействующее средство: требование полного подчинения воинскому порядку. Он написал в приказе:

"Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам тщательно и точно следить за выполнением всех требований воинской дисциплины. Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малейшее упущение по службе и беспощадно предавать суду всех нарушителей правил благопристойности и воинского приличия".

Кутепов заявлял этим, что не отпускает их души, что он не даст им разложиться, как бы они не хотели уйти, уползти из-под

тяжкой плиты долга.

Какие у него были средства? Гауптвахта в старой генуэзской башне, куда сажали под арест, наказания, определяемые уставом внутренней службы, военно-полевой суд. Все это средства - принуждение. Но как мало одного принуждения для того, чтобы влить в безвольную человеческую массу духовную силу! Особенно у русских, для которых ругать начальство всегда было одним из привычных способов самовыражения. Усилия Кутепова воспринимались большинством с недовольством, как игра в солдатики. У него было только одно безотказное средство - собственная воля и нравственная сила. С утра он обходил Галлиполи и лагерь, следил за работой, налаживал работу, поддерживал дух работающих. Он всегда был подтянут, тщательно одет и уверен в себе, будто за ним был не корпус эмигрантов, а Преображенский полк, традиции Великой России.

Лагерь строился по правилам устава внутренней службы. Ставились полковые палатки, полковые церкви, грибки для знамен и часовых, линейки украшались песком и камнями. Перед каждой частью из дерна и песка выкладывали двуглавого орла.

Трое суток ставили палатки, ночуя под открытым небом. Поставили палатки, вырыли землянки, сложили очаги из камней и кирпичей. Устроились. Упали на землю. Но Кутепов снова поднял, приказав каждому построить себе койку и набить матрас морской травой. Он не давал им права болеть.

Французы, получив имущество Русской армии и ее флот, обеспечивали русских питанием, всячески подчеркивая их зависимость. Сперва в паек входило: 500 граммов хлеба, 200 граммов мясных консервов, 80 граммов риса, фасоли или бобов, 20 граммов кокосового масла, 20 граммов сахара-песка, чай, соль, лавровый лист. Иногда выдавали по осьмушке табаку. Раз в месяц была выдача денег, офицеру - две лиры, солдату - одна. Тут же делались вычеты на оркестр, офицерское собрание, церковь и прочее.

Постепенно приспосабливались к лагерной жизни, подчинившись суровому командиру корпуса. При церквах создавались хоры. В воскресение и праздники посещение службы было обязательно для всех. Обязательно! - вот, пожалуй, тот безжалостный принцип, которому следовал Кутепов. Для солдат гражданской войны с психологией добровольчества это было открытым возвращением к дореволюционным порядкам.

Тринадцатого февраля 1921 года в Константинополе стал выходить альманах "Зарницы", который отразил на своих страницах небывалую историю "Кутепии", российского государства, просуществовавшего на берегу Дарданелл больше

года.

Уже тогда становилось ясным, что в русской душе произошли большие перемены. Вот редакционная статья "Наш долг":

"Плохо живут русские в Константинополе. Хуже, чем где-либо. Ютятся по трущобам окраин, по лагерям и предместьям. В поисках куска хлеба не брезгуют ничем.

Среди них так много молодежи. У большинства семьи разбиты или остались у красных. Средств никаких. На вид неказисты. Но присмотритесь внимательно: не унывают. Жива русская душа. Голова не переставала работать, по-прежнему отзывчиво усталое сердце. В среде молодежи происходит любопытнейший процесс. Боятся опуститься. Из последних сил стремятся к свету. В общежитиях, ночлежках, по палаткам лагерей страшная жажда духовной пищи. Не все, конечно, но многие ценят газету и книгу наравне с куском хлеба. Не прочь отказаться ради них от самого необходимого. При первой возможности учатся, стараются наверстать потерянное за войну время.

Общим сочувствием была встречена попытка организовать студенческий союз. Идут приготовления к открытию юридического факультета, пополненного рядом предметов коммерческого института. Организуются технические курсы, лекции, кружки.

У части молодежи, особенно среди кадров молодого офицерства, просыпается потребность заняться серьезным пересмотром трафаретно-интеллигентского мировоззрения.

Опыт войны и революции заставляет на многое посмотреть совсем поиному. Грубая демагогия, заученные мертвые лозунги сейчас холодно встречаются среди молодежи. Она жаждет искреннего нового слова, свежей русской мысли. Пережитые несравненные страдания сделали ее какой-то строгой, научили глубоко презирать всякое фиглярство, всякую фальшь.

Даже сенсации, разоблаченья, публичная стирка белья не производят впечатления. Ждут серьезного, убежденного, искреннего слова.

Эта удивительно сильная и в отдельных случаях прямо трогательная потребность нашей молодежи в духовной пище заслуживает самого серьезного внимания.

Молодые силы ведь это все, что осталось у честной России. На их плечи пала непосильная тяжесть многолетней борьбы. Не многие остались в живых. Теперь эти юноши, начавшие воевать еще детьми, выброшены в чужой стране, среди разлагающейся трактирной грязи. Часть борется с окружающей пошлостью и готова работать над собой. Это самые нужные люди. Все, что

осталось культурного, должно им протянуть руку помощи. Это наш долг...

Среди молодежи есть и, конечно, будут и правые, и левые. Многие уже и теперь по-разному смотрят на будущее России, на разрешение основных проблем русской жизни. Но сейчас всех начинает объединять сознание национального единства. Все хотят быть русскими...

Валерий Левитский".

Все мыслимые и немыслимые силы были уже исчерпаны, осталась последняя национальная. Здесь уже реяли новые чувства, вскоре породившие евразийство.

"Был вечер. Шел дождь. В тумане - матовые пятна фонарей, как глаза холодных враждебных привидений. По опустевшей Галатской лестнице я спускался к мосту и из лавчонки услыхал граммофон. Он играл вальс "Ожидание", старинный, простенький вальс, под который влюблялись на гимназических балах, писали милые смешные записки. Я остановился... Какие-то чужие звуки мешали музыке. У ворот соседнего дома, прислонившись к стене, плакал рослый юноша, плакал наивно, по-детски, с громким всхлипыванием...

- Что с вами?

- Так... Вспомнилось...

Донес память о схороненной юности до грязной Галатской лестницы и отслужил панихиду под вальс "Ожидание".

...Это смешно, это невероятно, но вот из этих швейцаров, пекарей, продавцов газет, из всех этих сумевших кусаться, царапаться, но не сдаваться,, вырастает грядущая родина.

Когда они сойдут с кораблей, перед ними преклонятся знамена...

Искупившие смертью и страданием вольные и невольные грехи свои, мы придем строить. Эльпе".

Но не сбылось.

Грядущая родина была зажата красным террором. И никогда не было преклоненных знамен. Ни через год, ни через двадцать лет, ни через семьдесят пять. В гражданской войне нет преклоненных знамен.

После ухода белых в Крыму не было жизни оставшимся врангелевцам. Объявили регистрацию офицеров на Дворянской улице в Симферополе, в здании цирка в Севастополе, и пришедших брали и расстреливали в Петряевской балке и на еврейском кладбище. Руководили террором пламенные революционеры Бела Кун и Розалия Землячка. Кун как настоящий победитель опубликовал заявление: "Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер

останется в Крыму; Крым - это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России..."

Обреченных косили пулеметами, рубили шашками, топили в море, мозжили головы камнями, хоронили полуживых. Стон и ужас стояли над полуостровом. Оставленных на милость красных раненых, а вместе с ними врачей и сестер милосердия расстреливали прямо в лазаретах. В Севастополе расстреляли свыше 500 портовиков, работавших во время погрузки на корабли белых войск. Екатерининская и Большая Морская улицы, Нахимовский проспект, Приморский бульвар были увешаны трупами офицеров, арестованных на улицах и казненных без суда.

У Ивана Савина, поэта Зарубежной России, воевавшего на гражданской войне, потерявшего в ней четырех братьев, есть пронзительное стихотворение о расстреле. Оно посвящено памяти погибших братьев. В нем есть такие слова:

И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик, во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,
Вдруг начал петь - и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой, брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

Галлиполийцы смотрели на проходящие по проливу корабли, провожали взглядами и думали об оставленной Родине. Ее уже не существовало, ее там добивали, но она все равно еще жила.

Она жила в Галлиполи трудной жизнью, преодолевая нечеловеческие испытания. Но как бы ни было тяжело, люди чувствовали себя дома, под сенью родных богов, под защитой родных традиций. Вставали в шесть часов утра, завтракали, шли на работы: прокладывать узкоколейную железную дорогу, строить разгрузочные пути и станции, строить кухни, лазареты, бани, склады, мастерские, хлебопекарни.

Кроме этих работ, были еще и другие, чисто военные, - учения, подготовки к смотрам, несение караульной службы.

Но это было еще не все. Жизнь требовала духовной пищи, и появились библиотека, театр, гимназия, детский сад, академическая группа, технические, гимнастический и футбольный кружки, несколько хоров, корпусная фотография, рукописные и литографированные журналы:

За всем этим стоял Кутепов. Он появлялся всюду. При его виде все подтягивались и ощущали, что есть сила, способная

помочь, поддержать, покарать или защитить.

Части корпуса переставали быть разрозненными и постепенно сплачивались в своеобразный Белый орден. Были введены дуэли между офицерами, принят Дуэльный кодекс: для защиты оскорбленной чести.

"Не следует забывать основной идеи рыцарского поединка: "Божий суд", а не заведомое превосходство одного из противников", - гласил Дуэльный кодекс. Поэтому, чтобы сгладить разницу в стрелковом мастерстве, у дуэльных револьверов сбивались мушки, а при поединке на шашках дуэль прерывалась после первой крови, "ибо дальнейший бой ставит нераненого настолько в неравные условия, что продолжать бой было бы для рыцаря постановлением себя в неудобное положение как джентльмена".

Кутепов запретил даже употребление бранных слов, на которые так богат русский язык. Может быть, этот запрет и разрешение дуэлей были чем-то романтическим и свидетельствовали о непонимании реальности? Просто реальностей было несколько. Самая главная, объединяющая большинство, была такова, что кутеповское управление ей не противоречило.

Эта тяга к очищению, обновлению была настолько очевидна, что бросалась в глаза.

"Никогда я так сильно не ощущал, как в этом лагере, - говорил Шульгин, - что не единым хлебом жив человек. В первый раз в жизни я почувствовал, что мы, писатели, - "предмет первой необходимости". Люди просто умоляют дать им газет, книг. Книг - каких угодно, но больше всего хотели бы классиков: иметь в руках томик Пушкина или Лермонтова было бы счастьем для них. Трогательно смотреть на эту вдруг вспыхнувшую в людях жажду культуры, страстное желание не опуститься до животной жизни. Характерно также то, что произошло необычайное обострение национального чувства. Казалось бы, что после всего пережитого люди должны были бы чувствовать себя униженными и угнетенными. Это и есть, но только в политическом отношении. Но никогда еще, быть может, за всю свою историю, русские не гордились своей культурой. Наоборот, мы всегда предпочитали все иностранное. Теперь же, в этих условиях жизни, любовь к своему вспыхнула с необычайной силой: люди требуют с необычайной искренностью, почти с мучением русской книги, русской музыки, русского Бога...

В лагере нет никаких иных властей, кроме русского командования, и вообще нет ни одного иностранца; де факто лагерь экстерриториален.

В заключение не могу не отметить прекрасных отношений между галлиполийской армией и местными турками. Оказывается, что можно воевать веками и искренне полюбить друг друга в течение месяцев. Мне кажется, что русские никогда не должны забывать той деликатной ласковости, которую проявили к ним турки в самую тяжелую минуту исторической жизни обоих народов".

Казалось бы, причем здесь турки? Но именно прежде всего от них, тоже испытывающих горечь поражения, беженцы ощутили поддержку. Старые турчанки приходили в галлиполийские общежития, устроенные в развалинах, молча рылись в кухонной утвари обитателей, вызывая их удивление, потом уходили и возвращались, кто с горшком, кто со сковородкой. В Константинополе при переходе по мосту через Золотой Рог со всех брали плату в два пиастра, а русских пропускали бесплатно, сочувствуя им и угадывая их среди идущих. Таких примеров было много, словно турецкая горечь протягивала руку русской.

Белый орден бесспорно существовал и выражался в сильной, почти религиозной тяге к абсолютному идеалу. Когда они молились в палаточных церквах, пели хором, штудировали науки, занимались спортом, - они отвергали серую действительность и жили духом. Они обыгрывали на футбольном поле англичан в Сан-Стефано со счетом 2 : 0, причем соперники не выдержали морально и покинули поле за двадцать минут до конца матча. Они боготворили Плевицкую, которая приехала в лагерь и стала женой генерала Скоблина, командира корниловцев, боготворили за то, что она была в их глазах частицей России. Они поняли о себе что-то поразительно важное, поняли свою особенность.

Шульгин так писал в "Зарницах": "Если мы белые по существу, рано или поздно Россия - наша... Если мы только "крашенные", - то хотя бы мы взяли Кремль, нам его не удержать: облезлых, грязно-серых нас выгонят оттуда через короткое время.

Будущее русское государство не может существовать без настоящей армии. Настоящая же армия во всех странах мира базируется на известной минимальной нравственности. Нельзя носить кокарду и быть хулиганом. Нельзя... Ибо неминуемо армия превратится в бандитов, а на бандитах власть удержаться не может.

Если путем временной потери всей русской территории мы купили это "сознание", то продешевили мы или нет, - об этом еще судьба не сказала своего последнего слова. Потому что в тех мыслях и чувствах, которые мы сейчас переживаем, в той психологии, которая сейчас в нас зреет, будущность России...

С этой точки зрения и надо смотреть на 1920 год".

Ошибался ли Шульгин или через семьдесят четыре года после начала русской Смуты история подтвердила его правоту? В Галлиполи он не ошибался.

Рядом с Константинополем, где русские беженцы быстро опускались на дно, Галлиполи возвышался как скала.

В Галлиполи была армия, она позволяла сохранить надежду, что русские не затеряются, не будут унижены и оскорблены. Впервые в истории люди, лишенные отечества, начали строить его вне своей страны, сохранив себя как национальное целое.

18 декабря, месяц спустя после исхода, в лагерь прибыл Врангель и французский адмирал де Бон. Перед ними были уже не растерянные беженцы, а настоящие войска. Врангель твердо заявил: "Армия остается!" Де Бон, показывая на клумбу с двуглавым орлом, выложенным ракушками и цветными камнями, предсказал: "Он взлетит".

Было ли это простой любезностью? Скорее всего. Французы не хотели сохранять русскую армию, не хотели, впрочем, и ее мгновенной ликвидации, чтобы не иметь дела с вооруженными толпами, а стремились постепенно распылить ее по миру. А русские идеалисты желали воссоздать на чужбине что-то свое.

Первое столкновение произошло вскоре после перебазирования в Галлиполи: сенегальский патруль арестовал двух русских офицеров за то, что они шли по базару и громко пели. При аресте офицеры сопротивлялись, их избили прикладами до крови. Начальник штаба русского корпуса генерал Штейфон, как только узнал об этом, тотчас был у французского коменданта и потребовал освободить офицеров. Майор Вейлер отказал и вызвал караул, подкрепляя свой отказ. Тогда Штейфон вызвал две роты юнкеров Константиновского военного училища и двинул их на комендатуру. Сенегальцы разбежались, бросив два пулемета. Воевать всерьез им было страшно. Юнкера освободили товарищей из заточения, и с тех пор французы перестали высылать свои патрули в город.

Юнкера, когда проходили строем мимо французской комендатуры, весело пели песню на стихи поручика Михаила Лермонтова:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана...

Им жизненно важно было остаться русскими. Только русскими, чтобы выжить.

А неподалеку, в Константинополе, их соотечественники разлагались и гибли. Женщины становились содержанками или проститутками, мужчины - мелкими торговцами, игроками,

жуликами. Эти превращения дали плодотворную пищу творческой фантазии Михаила Булгакова, Алексея Толстого, Аркадия Аверченко. Тараканьи бега это не выдумка писателей, а бытовая подробность беженского быта.

В районе Гранд базара было множество русских харчевен и столовок. Выстроенные из фанеры и обтянутые палаточной парусиной, они украшались надписями "Казбек", "Ростов", "Одесса-мама", "Закат". Там подавали борщ и котлеты, "горькую русскую", "перцовку". На площади перед мечетью шла торговля обручальными кольцами, часами, серьгами, столовым серебром, одеялами, подушками, одеждой. Предприимчивые интенданты продавали через агентов целые партии белья и обмундирования, пожертвованных иностранными благотворительными организациями для русских беженцев. А бедняки за неимением товара пускались во все тяжкие и продавали медные кольца как золотые, стекляшки - как драгоценные камни, за что, случалось, были и жестоко биты доверчивыми турками порой до смерти. Все шло на продажу с лотков: спички, карандаши, конверты, бублики, пончики, книги - "История государства Российского", учебники, томик Пушкина.

Веселая была жизнь.

На площади Таксим, где Всероссийский Земский Союз получил бесплатно участок земли, была устроена палатка-столовая для беженцев. На Таксиме каждый день толклись тысячи. Одни устраивали лотереи-крутилки на подставке-треноге и за пять пиастров предлагали прохожим выиграть мыло, папиросы, рахат-лукум, дешевое вино, консервы. Другие предлагали силомеры, знаменитые "три листика", "красное выигрывает, черное проигрывает", красочные панорамы, лотки с пончиками и прочие изобретения беженского ума. Наиболее удачливые даже процветали, слившись в компании, и открывали новые предприятия: кинотеатр в дощатом бараке, цирк-шапито, кегельбан, воздушные качели.

Особый интерес вызывал "Паноптикум", где демонстрировались женщина с хвостом и человек-зверь с далеких и несуществующих островов, который питался только своим собственным мясом. Владельцами "Паноптикума" были греки, а экспонатами - русские беженцы.

Весело было и в цирке, где зрители смотрели "небывалый в Константинополе и во всем мире номер - женскую французскую борьбу". Перед началом представления перед цирком выходила полуголая женщина и звонила в тяжелый колокол, призывая на русско-турецком немыслимом языке:

- Эффенди, гельбурда, рус ханум хорош борьба!

Эта борьба вызывала у турок большой интерес и они азартно кричали, когда "мадам Лида" укладывала на лопатки "мадам Галю".

От площади Таксим рукой подать до богатой улице Пера, на которой расположено российское посольство. Оно построено на русской земле, ее привезли по приказу Екатерины Великой на кораблях из России. Но кто сейчас вспоминает об этом? Почти напротив посольства, вниз по направлению к Галатской лестнице, возле кованых железных ворот военного лицея, украшенных круглыми щитами, в жару, холод, дождь всегда сидит слепой солдат и играет на нечищеной тусклой валторне бередящие душу вальсы "Березка" и "На сопках Маньчжурии". Что занесло его сюда? Где потерял он глаза? Кто он? Льется рыдающая музыка. Вокруг слепого солдата толпятся праздные прохожие и угрюмые русские беженцы.

Если бы эти вальсы услышали в Галлиполи, то там они вызвали бы не глухую горечь. Там военная музыка поднимала дух, а здесь - рыдала. Разница была безмерная.

В Константинополе - долгий шок, неловкие попытки приспособиться к чуждой действительности оборачивались в конце концов превращением русского беженства в эмигрантскую пыль.

Что оставалось несчастным?

Одни опускались на дно, другие возвращались в Советскую Россию на гибель, как генерал Слащев, третьи вырывались в Европу. Но мало кому могло прийти в голову перебраться в Галлиполи. Там не было рая. Там росло кладбище умерших от болезней или застрелившихся. Оттуда бежали слабые. Там была тюрьма на бывшем броненосце "Георгий", где нарушители дисциплины искупали вину.

И всюду - - горе.

А для тех, кто утратил веру, - горе вдвойне.

Только над клочком земли развевался русский флаг - в Галлиполи, в страшной для многих Кутепии. Что построил Кутепов, еще трудно было разглядеть, то ли казарму для последних воинов белой идеи, то ли военный орден.

Для европейских либералов Кутепов был сатрапом.

"В конце 1920 и начале 1921 года в Галлиполи совершилось русское национальное чудо, поражающее всех и заражающее всех, непричастных к нему.

Разрозненные, измученные, духовно и физически изнуренные остатки армии генерала Врангеля, отступившие в море и выброшенные зимой на пустынный берег разбитого городка, в несколько месяцев, при самых неблагоприятных условиях,

создали крепкий центр русской государственности на чужбине, блестяще дисциплинированную и одухотворенную армию, где солдаты и офицеры работают, спят и едят рядом, буквально из одного котла, - армию совершенно отказавшуюся от партизанщины и личных интересов, нечто вроде нищенствующего рыцарского ордена.

Во главе этой невиданной в истории русских войн армии стоит еще молодой генерал, - человек совершенно русский, совершенно решительный и совершенно честный.

Топором, не резцом обтесывал он здание, которое строил. Летело много щепок, а вышло совсем хорошо.

Что же сделал в Галлиполи со своими войсками генерал Кутепов?

Он вдохнул в толпу идею, которая была у него самого".

Эти слова принадлежат Сергею Резниченко, представителю Российского Земского Союза в Галлиполи. Ими он убеждал своих руководителей, находившихся в Константинополе.

Столкнувшаяся на краю Европы с угрозой гибели русская национальная идея выдвигала на первый план героических людей, способных на самопожертвование или долгую мучительную подвижническую работу.

Приехала в Галлиполи знаменитая певица Надежда Плевицкая и сразу стала любимицей. Кто не слушал ее дивного пения и у кого не перехватывало горло? Глядя на иссушенные русские лица, Плевицкая отдавала песне всю страсть, будто молилась и взывала к русским богам. Для нее, крестьянской дочки, дыбившейся из глубины жизни и подвившейся до царскосельских высот, где ее слушали царская семья и вся аристократическая Россия, Галлиполи стал уголком родины. Пела, а перед ней вставали картины прошлого: Троицкий монастырь, где она была послушницей, откуда сбежала, первые выступления в киевском кафешантане "Аркадия", первые концерты, успех, слава, Петербург, замужество за поручиком Кирасирского полка Шангиным, начало войны, поступление сиделкой в госпиталь, тяжелое ранение Шангина, смерть, революция, пучина горя...

У ее слушателей были сходные воспоминания. Над Галлиполи реяли русские грезы.

И вряд ли прошлое Марии Захарченко, скромной на руках от тяжелой контузии. Через три дня после смерти мужа у Марии рождается дочь. Но над Марией тяготеет какой-то рок. Недолго было дано ей нянчить ребенка. В январе 1915 года, потеряв близких людей, Мария преодолела невероятные преграды и добилась возможности вступить вольно-определяющейся в

Павлоградский гусарский полк. В чем-то ей было суждено повторить судьбу Плевицкой, только она пошла не в госпиталь и вытерпела войну до конца.

Женщина на войне, в кавалерии, в разведках, атаках, в повседневных тяготах - вот что она вытерпела. Ее наградили двумя Георгиевскими крестами. Первый она получила за разведку, которая закончилась неудачно: Мария с двумя солдатами наскочила на немецкую заставу, один был сразу сражен наповал, второй ранен в живот. Мария, сама раненная в руку, под огнем вынесла солдата к своим.

Второй крест она получила за поиск под деревней Локница. Она вызвалась добровольно провести команду разведчиков в тыл немецкой части и прошла вброд ледяную ноябрьскую реку и болота, а в результате была пленена рота противника.

Впрочем, ордена отражали только внешнюю сторону ее боевых подвигов. Нравственно она была много сильнее большинства офицеров-мужчин, что особенно проявилось осенью рокового семнадцатого года, когда фронт развалился, а она вернулась в пензенское имение. Окрестные помещики не выдержали страха погромов, бежали в Пензу, бросив свои дома на разграбление. Мария не уехала и заставила себя уважать, создав из пензенской гимназической молодежи и юнкеров группу самообороны, которая отвечала на разбои решительными мерами. Мария не остановилась даже перед захватом большого села, жители которого организовали грабежи, добилась выдачи зачинщиков, они были расстреляны, а уведенный скот вернула хозяевам.

<?> раздатчицы питательного пункта, выделялось из общего ряда. Ей было двадцать семь лет, которые она отметила в Галлиполи. По сравнению с Плевицкой Мария не отличалась большими талантами, если не считать небывалого для женщины бесстрашия. Ее девичья фамилия Лысова, она происходила из дворян Пензенской губернии. Матери своей она не помнила, мать умерла почти сразу после рождения Маши. Девочка воспитывалась в отцовском имении, достаточно запущенном для того, чтобы приносить большой доход, но вполне жизнеспособном для того, чтобы давать его владельцам чувство свободы. Мария вырастала помещицей, хозяйкой, любящей окружающую ее родную землю. Она была хорошей наездницей, лошади были для нее любимыми существами. А если учесть, что ее отец был занят службой в Пензе и не мог уделить ей сколько-нибудь заметного внимания, то жизнь девочки в поместье, хозяйкой которого она ощущала себя с ранних лет, предстает полуромантической, полусиротской.

Четырнадцати лет Мария поступила в третий класс Смольного института, который закончила в 1911 году. Затем провела год в Лозанне, откуда вернулась в пензенское имение, которое стала приводить в порядок, проникшись чувством хозяйки. Она поняла, что привязана к дому, земле, лошадям, что ей не надо ни Петербурга, ни Швейцарии. Мария настойчиво вела дела, создала при имении небольшой ремонтный конезавод, сделала его образцовым.

Зимой 1913 года она гостила в столице в семье капитана Семеновского полка Штейна и там судьба свела ее с капитаном Михно, добровольцем японской кампании, доблестным офицером. В октябре того же года Мария вышла за него замуж.

Поместье отодвинулось на второй план, лошади позабыты до поры до времени. Она влюблена.

А дальше - война, капитан Михно умирает у нее <?>

Но долго ли могли сражаться два десятка человек с целой губернией? Дворянская Россия не была побеждена, но была отброшена.

Мария была вынуждена, распустив свой отряд, скрываться в Пензе во флигеле своего дома. Там она занималась переправкой офицеров через чехословацкий фронт к Колчаку, отправляя их вместе с обозами на восток за солью, и сама ходила вместе с ними, проверяя надежность дороги.

Казалось, судьба хранила ее. Она вышла замуж за мужниного друга, полковника Захарченко. Но кто мог обещать сохранение жизни в России в восемнадцатом году?

Вскоре власти заподозрили Марию в содействии белогвардейцам. Надо было скрываться. Бежать как можно быстрее. И они с мужем устремляются на юг. Полковник Захарченко трезвее ее, он понимает, что надо делать - путь его лежит в Персию. Там он прежде служил в Персидской бригаде и потому имел обширные связи.

Мария проделывает путь на юг, как до нее тысячи офицеров, и вот они с мужем в Персии, где сильно российское влияние и где можно пересидеть Смуту. Пока Захарченко устраивался, она после короткого затишья, после первых же слухов о борьбе белых на юге России решила все переменить и вернуться. Они едут обратно кружным путем - через Индию и дальше на английском пароходе через Суэцкий канал, Босфор и Дарданеллы, Черное море. В Новороссийске полковник Захарченко вступает в командование кавалерийским полком, а Мария становится его ординарцем. Затем - поход на Москву, тиф, снова кавалерийское седло. Потом - Новороссийская катастрофа, Крым, бои в Северной Таврии.

Полковник Захарченко был счастливее ее и умер от ран перед эвакуацией из Крыма. Мария похоронила его, оставшись после этого в строю, где искала под пулями утешение.

В одном из последних боев она была ранена, отбилась от полка и только каким-то чудом, с отмороженными руками и ногами, добралась до Керчи, успев на пароход.

Что было в Галлиполи, воспринималось ею терпеливо, ибо она верила, что здесь ее жизнь не закончится и еще придется воевать за Россию.

Мария Захарченко была одной из песчинок русской армии на холодном берегу пролива. Для нее было три опоры - Бог, Россия, Кутепов. Она не нашла счастья, маленького семейного счастья, для которого ее готовили в Смольном институте. Может быть, она бы тихо и угасла от тягот, болезней, тоски, если бы не могучая вера в свое предназначение.

Армия возрождалась. Двадцать пятого января, в день Святой Татьяны прошел незабываемый военный парад. К нему готовились давно, он должен был показать всему миру, что белые не исчезли.

Войска были подготовлены, и еще до начала парада, по одному их виду было понятно, что эти стоявшие "вольно" люди заряжены огромной силой. Над строем возвышались старые императорские и новые знамена. Наконец прозвучала долгожданная команда: "Смирно, на караул!" Заиграл оркестр, знамена внесли в палатку, где совершалось богослужение. После богослужения вынесли из палатки крест, иконы, хоругви. Вышел греческий митрополит Константин в красной мантии, с маленьким хрустальным крестом в руках, которым он благословлял. За ним - священники. За духовенством вынесли знамена, вслед за ними шел генерал Кутепов в сопровождении французских офицеров, греческих и турецких чиновников. Оркестр заиграл "Коль славен". Офицеры взяли под козырек. Торжественно-величаво проплывали знамена. Командир корпуса обходил фронт. Все с нетерпением ждали парада.

И вот - пошли! Стройными колоннами, отбивая шаг, с застывшими на плечах винтовками проходили части. Блестели в салюте офицерские шашки. Гремел Преображенский марш.

И всем стало ясно, что свершилось чудо воскрешения. Армия жила! "Господи, неужели это те самые беженцы? - мелькало у многих. - Неужели два месяца назад..."

Но с кем воевать? Троцкий и Ленин далеко, а ближе всего французы, которые глядят на русскую военную силу, как на занозу. Союзники прямо говорили, что им тяжело содержать русскую армию, что это не может продолжаться бесконечно. О

поступленных в залог кораблях русского флота и военном имуществе речи не шло. Зато на галлиполийских складах французские сержанты требовали принимать продукты по указанному в этикетках весу, а никак не по фактическому. Недовес составлял часто половину.

Одна из поставленных в Галлиполи пьес называлась "В чужом пиру похмелье", А. Н. Островского, вторая "Без вины виноватые". И было в названиях этих пьес что-то символическое.

Правда, "Волки и овцы" уже трудно было бы отнести к этому ряду. Здесь аналогии кончаются.

Кутеповский корпус показал французам, что готов защищать свое достоинство. Это произошло открыто, с некоторой насмешкой: "Вам нужно наше оружие? Так придите и возьмите", - в ответ на приказ генерала Шарпи сдать оружие.

Давление французов заключалось не только в подобных требованиях. Они сократили паек и повели настоящую пропагандистскую кампанию, выпуская различные обращения и объявления, в которых рекомендовали беженцам уезжать в Бразилию или Советскую Россию, где якобы для них были приготовлены хорошие условия.

17 апреля французское правительство издало сообщение: "Все русские, находящиеся еще в лагерях, должны знать, что армии Врангеля больше не существует, что их бывшие начальники не имеют больше права отдавать им приказания, что они совершенно свободны в своих решениях и что впредь им не может быть предоставлено продовольствие".

Это было очень похоже на конец.

Новый французский комендант, полковник Томассен, маленький, сухощавый, пожилой господин в форме колониальных войск, был с русскими в обращении очень строг. Он, не церемонясь, заявил генералу Витковскому, что русские должны подчиняться ему, Томассену, абсолютно все, от солдат до высших чинов.

Витковский ответил вполне определенно. Тогда Томассен пригрозил, что примет все меры, чтобы приказания французского командования исполнялись, а русский генерал, не исполняющий его приказаний, не может оставаться в Галлиполи. Витковский сказал, что русские войска будут подчиняться только своим начальникам. На том разговор прервался.

Штаб корпуса тотчас отдал все нужные распоряжения на случай тревоги и скорейшего захвата городского телеграфа. Командир броненосца "Георгий Победоносец", стоявшего на рейде неподалеку от французской канонерки, должен был по получении особого приказа протаранить ее и потопить, чтобы уничтожить ее

радиостанцию и ослабить французские силы.

Столкновение, казалось, неминуемо. По ночам в лагере проводились тревоги, разрабатывались планы прорыва с полуострова в направлении Константинополя.

Наверное, тогда все были бы обречены на гибель, ведь в Константинополе стоял союзнический гарнизон. Неужели галлиполийцы были готовы сражаться со всей Европой?

Может быть, не только готовы сражаться, но и победить.

Кутепов принял следующий план. В случае прекращения французами снабжения и предъявления ультиматума о разоружении корпус двинется походным порядком на север, распространяя слух о своем стремлении перебазироваться в Болгарию. Затем, приблизившись к Константинополю, повернуть на восток и форсированными маршами занять позицию возле Чаталджи, а потом и Константинополь.

Кутепов понимал, что шансы его минимальны. Но он рассчитывал на внезапность, на усталость европейских войск от войны, на благоприятное соотношение противоборствующих в этом районе сил, турок-кемалистов и греков, не скрывавших своих чаяний овладеть Царьградом.

С военной точки зрения в этом плане не было ничего невозможного. К тому же греки обещали поддержку снабжением, перевязочными средствами, проводниками.

Было разведано и самое уязвимое место у Булаирского перешейка, где стоял французский миноносец, - опасались огня его пушек. Но оказалось, что огонь не действителен, так как дорога защищена с моря каменистой грядой.

Все было разработано до мелочей. Юнкера Сергиевского училища должны были обезвредить сенегальский батальон. Семьи офицеров должны были следовать вместе с главными силами...

Судьбе было угодно пощадить галлиполийские войска. Кутепов не прибил щита к воротам Царьграда. Но французы, поняв, что они не в силах мирно вытеснить русских, решили умерить пыл. После подхода к Галлиполи французской военной эскадры полковник Томассен заявил Кутепову, что будет высажен десант для учебного маневра по овладению городом, и натолкнулся на хладнокровный отпор: "По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком".

Французы отменили маневры, ночью эскадра ушла.

Галлиполи, ставшее в местном фольклоре "Голым полем", что звучало гораздо роднее, породило целую волну литературного творчества. В машинописных журналах публиковались карикатуры, стихи, рассказы, словно офицеры все поголовно

вспомнили, что многие русские писатели носили погоны Державин, Лермонтов, Давыдов, Толстой, Фет, Гумилев...

В одном из самых талантливых галлиполийских журналов "Развей горе в голом поле", редактируемом полковником А. Козинцом, была помещена такая карикатура. Умирающего белого солдата французский генерал, ругаясь, засовывает в коробочку с надписью "Галлиполи" и передает на хранение сенегальцу. Это в ноябре 1920 года, а в мае 1921 он к ужасу собравшихся иностранцев выскакивает оттуда здоровым, в полной форме и с пулеметом.

В журнале "Эшафот", который делали всего двое - Георгий Шевляков и Николай Муравьев, печатался с продолжением юмористический роман "Браслет графини".

Больше мы ничего не знаем о Георгии Шевлякове и Николае Муравьеве. Первый сочинял в "Эшафоте" тексты, второй рисовал. Изображенный Шевляковым поручик Муравьев, бледный, юный, в перешитых из юбки брюках, предстает перед нами с этих страниц. И тут же отступает в сумерки истории.

Много их было.

Шульгин подметил верно: они особые, из них возродится Россия, преодолев красное безумие.

Но - когда?

И словно отвечая, в Софии появляется неожиданный сборник статей Петра Сувчинского, Петра Савицкого, князя Н. С. Трубецкого и Георгия Флоровского "Исход к востоку". Константинопольский альманах "Зарницы" сразу отозвался на его появление, выделив в сборнике главное: "Русские народные массы подвержены были в своем историческом развитии культурному влиянию Запада лишь в хозяйственной, но не в духовной сфере. Культурные верхи в России именно потому и отделены пропастью от ее низов, что источником их культурной жизни является не Восток, которым живут низы, а Запад, с которым низы не имеют ничего общего".

С выхода в свет этого сборника и повело свое начало евразийство.

Вряд ли галлиполийцы могли предвидеть в той небольшой книжке и ее авторах провозвестников своего будущего с указанием сроков избавления России. Но достигнув первой задачи - выжить, белые воины искали путей к возрождению. Путь к Востоку? Что ж, прекрасно! От Запада они уже вкусили за годы Смуты и испытывали к нему непреходящую благодарность.

К Востоку!

В предисловии к софийскому сборнику, однако, говорилось: "Мы не имеем других слов, кроме слов ужаса и отвращения, для

того чтобы охарактеризовать бесчеловечность и мерзость большевизма. Но мы признаем, что только благодаря бесстрашно поставленному большевиками вопросу о самой сущности существующего, благодаря их дерзанию по размаху, неслыханному в истории, выяснилось и установилось то, что в ином случае долгое время оставалось бы неясным и вводило бы в соблазн: выяснилось материальное и духовное убожество, отвратность социализма, спасающая сила Религии. В исторических сбываниях большевизм приходит к отрицанию самого себя и в нем самом становится на очередь жизненное преодоление социализма".

Это пророчество евразийцев о самоубийстве социализма было тогда многим понятно, но заключавшееся в нем указание на то, что оно может случиться в далеком будущем, ставило на повестку дня вопрос о смысле борьбы.

Что же делать? Только молиться? Или рыдать? Или просто учиться, сажать огороды, чинить сапоги, задумчиво глядеть на плывущие по проливу пароходы?

Вспомните слова Георгия Флоровского: "Попыткою не считаться с жизнью, попыткою пойти напролом было "белое" движение, и здесь именно коренился его неизбежный неуспех".

Каково было это осознавать рядовым участникам Белого дела? Это была жестокая истина.

С одной стороны, рыцарство Белой идеи было опорой духа, а с другой все больше и больше становился разрыв между мечтами о возвращении в Россию и самой Россией, окутанной красной мглой.

Прогремели отголоски Кронштадтского мятежа, возродили было надежду и быстро затихли. Мятеж был жестоко подавлен, Галлиполи печально опустил голову.

Весна обманула. Цвели шиповник, терн, бобовник, покрывая гористые склоны розовыми облаками. Вокруг города цвели черешни, айва, персики, абрикосы. Буйно зеленели травы - такие же, как на родине - мятлик, клевер, лисохвост, костры.

И чем щедрее распахивалась весна, тем неопределеннее становилось положение русского корпуса.

Полковые церкви всегда были полны.

Французы не оставляли мысли распылить корпус по европейским странам. И рано или поздно это должно было случиться.

Врангеля не пускали в Галлиполи. Он не считал нужным сдерживать свои чувства и на одном приеме в Константинополе не подал руки французскому генералу. Обострение перешло в оскорбление. Вскоре французы объявили, что прекращают

довольствие русского корпуса.

Врангель вызвал к себе Кутепова. Генерала провожали невесело, предполагая, что он может и не вернуться в Галлиполи. А не вернется Кутепов, что тогда будет с корпусом?

Впервые мысль о незаменимости сурового безжалостного генерала возвысилась над всеми упреками и обвинениями в его адрес. Неужели без Кутепова им не прожить? Смогут ли другие генералы, Витковский, Туркул, Пешня, Манштейн, Штейфон заменить его?

Кутепов должен был вернуться при любых обстоятельствах.

В Константинополе, объясняясь с французами, он спокойно и твердо сказал:

- Ваше право прекратить доставлять продукты моим войскам, и я не могу входить в обсуждение ваших возможностей, но прошу вас принять во внимание и мое положение. Я не могу допустить, чтобы мои люди умирали от голода или превратились в банду разбойников. Я отдал распоряжение даже в случае моего отсутствия поступить так, как вы сами, генерал, поступили бы на моем месте, имея на руках голодные части и сознавая свою ответственность за них.

Это были полные достоинства слова боевого офицера., знающего цену офицерскому слову. Ни повышенного тона, ни угрозы не услышали от него бывшие союзники.

Французское командование возобновило доставку продовольствия.

Кутепов благополучно вернулся в Галлиполи.

Его несли на руках. Оказалось, его ждали с нетерпением, как вождя. Он стал вождем.

Начинались короткие месяцы его триумфа.

Они были отмечены возвышенными и жестокими событиями, подобными грохоту грома и блеску молний, озаривших галлиполийскую сцену последнего акта Российской империи. Здесь было все: и благородство, и сила духа, и безжалостность, и красота погибающей русской Атлантиды.

Чтобы понять происходящее, перенесемся в тот городок на берегу Геллеспонта, помнившего и аргонавтов, и полчища Ксеркса, и томившихся в неволе русских солдат. Срок пребывания белых должен был скоро закончиться. Врангель вел переговоры с королем Сербо-Хорватского Королевства Александром и с правительством Болгарии о перемещении туда русской армии. Слухи о переменах будоражили обитателей лагеря.

Сколько месяцев можно прожить на чужбине в палатке, не ведая, что ждет тебя в скором будущем?

Изо дня в день повторяется одно и то же: караул, наряды,

учения. Неподвижно стоят часовые возле грибков у покрытых чехлами знамен. Кто-то полощет в речушке рубаху. Из кухни плывет дым. Со стороны кладбища доносится легкое металлическое позванивание, это сделанный из жести венок постукивает о свинченный из рельсов большой крест...

Смерть в Галлиполи была частью обыденного существования. Умирали от ран, от болезней, стреляли сами себя. И кладбище росло.

Но уступать французам, унынию и даже смерти не хотели. Они были православными христианами и помнили свой долг.

Штаб корпуса объявил конкурс на лучший проект памятника. Было предоставлено восемнадцать работ, первое место и премию в пять лир получил проект часовни в псковском стиле, второе и три лиры - проект надгробия в римско-сирийском, выполненный поручиком Технического полка Акатьевым. Результаты конкурса утверждал Кутепов. Он выбрал второй проект, так как его осуществление было проще и дешевле, выбрал, не подозревая, что таким же будет и памятник на его символической могиле.

Вопрос о строительном материале Кутепов разрешил просто, приказав каждому, невзирая на чин и служебное положение, принести по одному камню, весом не менее четырех килограммов. В несколько дней было принесено двадцать четыре тысячи камней, даже малые дети несли песок и камешки.

Девятого мая памятник был заложен.

Как это назвать? Данью невозвратному прошлому? Или знак для будущего?

Но одновременно с этим в лагере возрастала напряженность, усталость от мысли о ненужности борьбы. Все больше было рапортов о переводе в беженцы, то есть о выходе из полков. Это можно было назвать смягченной формой дезертирства, во всяком случае Кутепов не жаловал упавших духом. Их рапорты подолгу не рассматривались, а в конце концов беженцев изолировали в отдельном лагере на расстоянии километра от воинского. Но и там они должны были подчиняться воинской дисциплине, чтобы не расшатывались основы воинской организации в корпусе.

Постепенно расслоение стало осознаваться не только в штабе, но и в каждой палатке. Одни уже отказались в душе от всякой борьбы, другие же видели единственную возможность спастись только в полковом товариществе.

Тут случилось событие, которое выявило болезненность раскола со всей очевидностью. В Галлиполи прибыл пароход, и французский комендант объявил, что набираются желающие уехать на работы в Болгарию. Соблазн был огромен, ведь появлялся наконец шанс вырваться из неизвестности. К тому же

снова затормозились переговоры об организованном перемещении в славянские страны. Перед Кутеповым вырастала не решаемая задача.

Около тысячи человек перебралось на пароход, двадцать третьего мая он отплыл в Бургас.

Это был мучительный для галлиполийцев день. Не было никакой уверенности, что завтра или послезавтра пароход не вернется забирать новых пассажиров. Французы получали возможность раздробить монолит непрерывными целенаправленными ударами.

Необходимо было ответить более сильным психологическим ударом. Что делать? Выставить пулеметы? Загнать слабодушных за решетку? Нет, закрыть границу Кутепов уже не мог. Надо было найти что-то другое. И это было найдено. Он отпускал всех, давая три дня полной воли, с двадцать третьего по двадцать седьмое мая. Теперь не действовали никакие приказы. Все внешние скрепы были сняты. Оставалась только внутренняя привязанность русского человека к своим богам, - православию, Родине.

Три дня лагерь бушевал. Волна усталости и своеволия наталкивалась, била по традиционной русской крепости. Двадцать седьмого мая все было кончено. Ушло две тысячи человек. Всего две тысячи.

Кутепов победил окончательно в этом самом трудном поединке, где не имела никакого значения воинская дисциплина. Возможно, ему помогли Скобелев, Храм Христа Спасителя, скромные иконы палаточных галлиполийских церквей? Сны о России?

С двадцать восьмого мая корпус снова зажил по законам армии. Но это был выздоровевший корпус. Снова были учения, караулы, работа. Действовали шесть военных училищ, классическая гимназия. Действовали штаб-офицерские курсы, офицерские курсы при Константиновском военном училище, Военно-образовательные курсы при Корниловском полку, Курсы для младших офицеров Марковского полка, Курсы ротных командиров, Офицерская артиллерийская школа, Обер-офицерские артиллерийские курсы, Курсы офицерской кавалерийской школы, Офицерская инженерная школа, Радиотелеграфная школа, Военно-административные курсы, Курсы для подготовки воинских начальников, Гимнастическо-фехтовальная школа, Высшие образовательные курсы, Курсы иностранных языков, Бухгалтерские курсы, Технические курсы, Курсы телефонного и телеграфного дела, Радиотелеграфные курсы, Курсы теории двигателей внутреннего сгорания, Курсы конструкции мостов.

Корпус стал учебным корпусом.

Кутепов делал все от него зависящее, чтобы молодежь получала образование. В силу своей скромности он не призывал никого учиться, а помогал организовывать учебу. Благодаря ему в Прагу в университет направили сто русских юношей из Галлиполи. Он буквально заставил их принять, втиснул в европейские аудитории. Должно быть, Кутепов вспомнил тогда далекую пору своей молодости, когда он на свое жалованье давал образование младшим братьям и сестрам.

О приказе № 323 в лагере помнили все. Еще слишком мало прошло времени. И угроза военно-полевого суда была не пустой.

В скором времени в этом убедились. Был отдан под суд сорокапятилетний полковник Петр Николаевич Щеглов. Он был кадровый офицер, окончил Николаевское инженерное училище в 1897 году, служил в саперных и железнодорожных частях, в 1918 году сформировал Добровольческий железнодорожный отряд и присоединился к Добровольческой армии. Он был старше Кутепова и многих генералов.

Полковник надломился, не выдержав лагерной жизни. Он записался в беженцы, чтобы свободно покинуть Галлиполи на первом пароходе. Но пароход не пришел, и полковник остался здесь навеки.

Его вина не вызывала ни у кого сомнений. Она видна из его собственных показаний: "...Последнее время... при самом обыкновенном разговоре, невольно для себя перехожу быстро в горячий спор и сильно повышаю голос чуть не до крика. О генерале Кутепове я действительно говорил как ходящий слух, что он получает жалованье 200 лир в месяц, что имеет стадо баранов и состоит пайщиком Московского кооператива - гарнизонной столовой. О генерале Врангеле говорил, что по слухам он имеет мануфактурный магазин в Константинополе на улице Пера, и о других генералах, которые все обеспечили себя предприятиями. Мы же все офицера до сих пор ничего не можем создать и остаемся нищими. Касаясь политического положения нашей армии во время генерала Деникина, я говорил, что было бы гораздо лучше принять посредничество Англии войти в соглашение с большевиками для того, чтобы остаться в Крыму и там организовать свое маленькое государство, где и ожидать дальнейших событий... Я не помню, чтобы я говорил, что настоящая Русская армия - есть Красная армия, но что я недоволен только порядком в нашей армии, когда старшие офицеры должны служить рядовыми, а вчерашние гимназисты командуют полками и выше, каковое неудовольствие возникает не только у меня, но у всех старших офицеров и что большинство

офицеров с высшим образованием и кадровых служит сейчас в Красной армии потому, что Добрармия их оттолкнула. По приезде в Галлиполи я случайно попал в армию, будучи записан на пристани. Хотел же остаться только беженцем, никому не мешая действовать в желательном направлении. Больше добавить ничего не могу.

Полковник Щеглов".

Бедный Петр Николаевич надеялся, что суд простит его невольные прегрешения против строгих порядков нищенствующего галлиполийского ордена. Да, он отказался от армии, по-обывательски повторял слухи, которые не имели под собой никаких оснований, поспорил с молодыми офицерами, а они посчитали себя оскорбленными... Какая ему полагалась кара?

Умышленно распространял заведомо ложные слухи, явно порочащие и подрывающие авторитет и доверие к высшим военным начальникам, вел разговоры, возбуждающие сомнения и убивающие веру в дело Армии, чем мог вызвать беспорядки и волнения в войсках. А за это одна кара - смертная казнь через расстреляние.

Свидетелями на суде были молодые офицеры: штабс-капитан Марковского пехотного полка Алексей Клементьевич Смола-Смоленко, подпоручик Марковского конного дивизиона Сергей Владимирович Гринев, штабс-капитан Алексеевского пехотного полка Николай Алексеевич Лентуков. Все они годились в дети полковнику Щеглову.

Тридцатого июня приговор был объявлен. Прошение о смягчении приговора Кутепов оставил "без уважения".

В ночь на первое июля, в самую глухую пору, в два часа двадцать минут Щеглова расстреляли.

Его не могли пощадить. И дело не в личной оскорбленности командира корпуса, у которого не было никаких сбережений, а всех привезенных рублей хватило для обмена на несколько лир. Дело в той незримой черте, которую нельзя было преступать, ибо за ней начинался развал.

Кутепов понимал, какой грех он взял на себя, но в его душе не было сомнений, на чаше весов тысячи жизней легко перевесили одну.

Наутро после казни несчастного полковника продолжилась будничная жизнь корпуса и продолжилось строительство памятника.

Жарким утром шестнадцатого июля памятник был открыт и освящен.

Когда сняли брезент, открылся мрачно-величественный каменный курган, увенчанный белым четырехконечным

мраморным крестом. На белой мраморной доске сияли золотые буквы:

"Упокой, господи, души усопших.

1-й Корпус Русской Армии - своим братьям воинам в борьбе за честь Родины, нашедшим вечный покой на чужбине в 1920-1921 гг. и в 1854-1855 гг.

Памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену".

Надпись повторялась на турецком, греческом, французском языках.

У кладбища выстроились войска с развернутыми знаменами, оркестр играл марши.

Во время торжественной службы священник отец Миляновский произнес такое сильное слово, что многие, на чьих глазах здесь, на этом холме, отпевали умерших, почувствовали особый смысл происходящего. Седой, в горящем на солнце облачении, вздымая в руках крест, священник говорил:

- Путник, кто бы ты ни был, свой или чужой, единоверец или иноверец, благоговейно остановись на этом месте, - оно свято: ибо здесь лежат русские воины, любившие Родину, до конца стоявшие за честь ее.

Через несколько минут стало понятно, что он обращается не только к живым, но и к мертвым и к будущим, еще нерожденным людям.

- Вы - воины-христолюбцы - вы дайте братский поцелуй умершим соратникам вашим.

Вы - поэты, писатели, художники, баяны-гусляры серебристые, вы запечатлейте в ваших творениях образы почивших и поведайте миру о их подвигах славных.

Вы - русские женщины, вы припадите к могилам бойцов и оросите их своею чистою слезой, слезою русской женщины, русской страдалицы-матери.

Вы - русские дети, вы помните, что здесь, в этих могилах, заложены корни будущей молодой России, вашей России, и никогда их не забывайте.

Вы - крепкие! Вы - сильные! Вы - мудрые! Вы сделайте так, чтобы этот клочок земли стал русским, чтобы здесь со временем красовалась надпись: "Земля Государства Российского" и реял бы всегда русский флаг.

Отец Миляновский кончил говорить. Генерал Кутепов повернулся к войскам и скомандовал:

- Всем парадом, слушай, на караул!

Дрогнули, блеснули и застыли штыки и шашки. Оркестр заиграл "Коль славен наш Господь".

Каменный рукотворный курган с белым крестом наверху возвышался над людьми. У его подножья лежало множество венков, на одном была надпись: "Тем, кому не нашлось места на Родине".

Родина! Несчастная великая Родина, погибшая в красной пучине, ты была по-прежнему жива на этих галлиполийских камнях.

Двадцать первого июля 1921 года один из галлиполийцев Владимир Даватц, в прошлом профессор математики, ставший белым офицером, записал в дневнике: "Ей, России, принесем мы в подарок сбереженные реликвии нашей государственности. Ей отдадим мы наши старые знамена, сохраненные в годину лихолетья. К ногам ее положим трехцветные знамена и скажем:

- Суди!

И она рассудит.

И генералу, который принял на себя всю тяжесть жизни, труда, непонимания и клеветы, - скажет, как умеет говорить только она:

- В тяжелые дни ты думал только обо мне..." Неужели Даватц ничего не знал о полковнике Щеглове? Знал. Но он знал и слова Кутепова: "Мы русские, мы ее последние солдаты и нас ожидает Россия". Знал, что другого пути у Кутепова нет. Ни демократического, ни либерального, ни реформаторского. Все это для Галлиполи - путь в пропасть. Кутепова выдвинула вверх угроза гибели.

Вот несколько слов о нем Ивана Лукаша: "Он шел по крови. Он и в атаках под огнем шагал так же упруго и вперевалку. Он рубит в щепья. Виселиц не боится. Смертной казни во время войны он отменять не будет.

Он литой и решительный солдат, из тех солдат, что делают человеческую историю".

В Галлиполи не было русских нищих, воров, грабителей, проституток, насильников. Вот в чем итог кутеповского управления. В спасении осколка России, который потом покрыл тончайшим слоем почти все страны. В русском национальном чуде.

Галлиполи в итоге победил, и в августе началась переброска частей в Сербию и Болгарию. Но перед отправкой в лагере собрали однодневный паек и отправили его в Россию, где страшный голод косил людей. Эти жалкие крохи жалких пайков были собраны праведниками.

Все. История Галлиполи, история российской крепости на берегу Дарданелл заканчивалась.

СПИТЕ, ОРЛЫ БОЕВЫЕ

Спите, орлы боевые,
Спите с покойной душой,
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.
Долго и тяжко страдали
Вы за отчизну свою,
Много вы грома слыхали,
Много и стонов в бою.
Ныне, забывши былое,
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.
Спите ж, орлы боевые,
Спите с покойной душой,
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.

Это стихотворение было написано русским кадетом Константином Олениным в мае 1927 года в Сараеве для литературного конкурса кадетов. Завершим на этом галлиполийскую историю.

Холодным декабрьским днем 1989 года автор этих строк побывал в турецком городке Гелибоглу - и не увидел никаких следов белогвардейской русской жизни. Ветер гнал рябь по серой воде пролива; на берегу квадратной бухты, где некогда звучали русские песни в греческом кафе "Олимпиум", попрежнему было кафе, в котором несколько озябших посетителей пили чай из маленьких стаканчиков; по-прежнему стояла генуэзская башня, в которой прежде помещалась знаменитая кутеповская гауптвахта, но не было рядом с ней усатых русских часовых с винтовками... Как будто ничего и не было! Ни юнкеров в белых гимнастерках, ни православных священников, ни французских колониальных войск, ни добродушных турок в фесках.

Страницы этой истории были прочитаны до конца.

Русские в Европе. Болгария испытывает неудобства. Провал кутеповской контрразведки. Будущее России - в тумане. Евразийцы хотят сменить генералов. Операция "Трест"

Да, Турция была позади, теперь можно было перевести дух и обдумать новую жизнь, понять себя. Насколько нужно было сохранить прошлое? Чтобы иметь возможность бороться против всех? Или, смягчившись, получить возможность стать европейцами?

Еще одиннадцатого августа 1921 года Кутепов писал полковнику Томассену: "В вопросах чести никакое подчинение и никакие угрозы не могут заставить нас забыть ни своего личного достоинства, ни, в особенности, традиции нашей армии, знамена которой находятся в нашей среде.

В этом отношении, конечно, никакие соображения о пайках и т. п. не могут повлиять на наше поведение".

Теперь надо было ответить себе на простой вопрос: кто мы такие? Можем ли мы приспособиться к новым условиям? Насколько мы русские и наколько европейцы?

Для каждого вставала проблема: Россия и Запад.

То, что Россия отличается от европейских стран, понимали многие, но теперь осознание этой разницы становилось решающим. Кто же мы, русские?

Может быть, стоило отвечать, глядя на себя со стороны. Один из исследователей русского национального характера Вальтер Шубарт, прибалтийский немец, понимавший русскую натуру очень глубоко, в своей книге "Европа и душа Востока" сравнивал европейцев с русскими и делал вывод, что русский человек "чувствует себя призванным создать на земле высший божественный порядок, чей образ он в себе роковым образом носит. Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе... Он не разделяет, чтобы властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить. Им не движет чувство подозрения и ненависти, он полон глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире же не добычу, на которую нужно бросаться, а грубую материю,

которую нужно осветить и освятить. Им движет чувство некоей космической одержимости, он исходит из понятия целого, которое ощущает в себе и которое хочет восстановить в раздробленном окружающем".

Оглянемся на галлиполийский опыт, на стремления Кутепова сохранить целое в противовес желанию французов распылить белую армию. Вспомним этот чудом выросший российский мир на берегу Дарданелл. Откуда он вырос? Разве не верна мысль Льва Карсавина, что русский идеал есть взаимопроникновение Церкви и государства?

Да, Галлиполи стал для многих русских эмигрантов символом великого духовного подъема, действительно граничащего с чудом. Они сохранили себя. Они выстояли перед лицом угроз и голода. Они не опустили своих знамен.

А дальше?

Для русских достижение идеала не может быть связано с частичными реформами, они стремятся действовать всегда во имя чего-то абсолютного.

Но, предупреждает Карсавин, если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему, способен перемениться от невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта.

Разве это не так?

Но здесь же таился разрыв, трагический разрыв между идеалом и будничной жизнью, который привел к "самоубийству великого народа".

Народ, который никого на свете не боялся, который создал могучую империю с православным царем во главе, оказался настолько слаб внутренне, что обезумел и ослеп.

"Только смерть может избавить тебя от исполнения долга", - определяла абсолютную задачу армии надпись, выложенная из камней в галлиполийском лагере. Кутепов стал военным и идейным вождем. Именно идейным. В каждом полку, в каждой церкви, в каждом гимназическом классе знали: в его руках знамя национальной идеи.

А в Болгарии еще продолжалась инерция галлиполийства. Здесь еще была жива память об освободительной войне России за своих славянских единоверных братьев, еще были живы ветераны той войны, и тень Скобелева, Белого генерала, освещала и белогвардейского генерала Кутепова.

Болгария по Нейискому мирному договору была фактически без армии, не имела права на объявление всеобщей воинской повинности. Ее вооруженные силы, включая и полицию, не

превышали 6,5 тысяч человек. У власти находилось правительство Александра Стамболийского, представлявшее Болгарский землевладельческий народный союз. В белогвардейской среде "земледельцев" называли "полукоммунистами" за их приверженность леволиберальному течению.

Впрочем, русских встретили гостеприимно. В Софии генералу Кутепову и генералу Абрамову, командиру Донского корпуса, был дан банкет.

Герои Плевны и Шипки, казалось, явились вместе с белогвардейцами в Софию.

Армии разрешалось ношение формы, она была размещена во многих городах, благо, казармы болгарской армии пустовали. Было провезено и оружие, болгары смотрели на это сквозь пальцы.

Штаб 1-го Армейского корпуса разместился в старой болгарской столице Велико Тырново, где тоже русским на каждом шагу многое напоминало победоносное шествие войск Александра II Освободителя, чей портрет украшал все присутственные места.

Разоренная поражением в войне, где она была союзницей Германии, и жестокими контрибуциями, Болгария смотрела на присутствие русских с наивным простодушием, словно надеялась на их помощь. В ресторанах Софии было установлено два постных дня, и часто за столиками высказывалось предположение: "Вот дед Иван сумел бы простить нас и защитить от контрибуции". А у кутеповских офицеров нередко с недоумением спрашивали: как могло случиться такое несчастье, что они покинули Россию? Нельзя ли вернуться ей служить?

Но они были вынуждены служить не ей, а работать на прокладке железных дорог и шоссе, добывать уголь, строить, пахать, рубить лес. Причем воспоминания об исторических явлениях не мешали болгарам платить русским поменьше, чем своим. Там, где болгарину платили семьдесят левов, русский братушка получал пятьдесят. Как только русский офицер, юнкер или солдат, занимающийся приработками, остановится перекурить, так сразу же раздается добродушное понукание хозяина: "Айда, руснак!", "Айда, братушка!". Это "айда" многим доставало до печенок, и при заключении договоров уславливались, чтобы это слово не употреблялось.

Разные бывали приключения и случаи: то приходилось наемным работникам искать от прижимистых хозяев заступничества у деревенского общественного мнения, то вступать с ними в дипломатические переговоры. Однажды группу

юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, подрядившихся делать саманные кирпичи, прижимистый хозяин вздумал кормить одной фасолью, ссылаясь на религиозный пост. Бедным юнкерам можно было бросить начатую работу, но было жалко оставлять заработок, и они придумали пойти в корчму, где заказали плотный ужин, объяснив окружающим, что их держат на голодном пайке. На следующий день хозяин перевоспитался, односельчане допекли его.

Однако бывало, что дело оборачивалось совсем по-иному. Например, молодые офицеры, взявшись покрыть черепицей крышу дома, быстро обнаружили свое неумение и вызвали ярость хозяина, который кинулся на них с палкой. Офицеры успели скоренько поднять лестницу и долго уговаривали разгорячившегося болгарина, что не стоит так волноваться и бранить русских, ведь если бы не они, то наверняка вместо хозяина был бы турок, а он сам в эту минуту сидел на крыше. Дипломатия в конце концов восторжествовала, и хозяин даже заплатил незадачливому работнику за поднятую на крышу черепицу.

В общем, в Болгарии русским жилось хоть и не сладко, но гораздо вольнее, чем в Турции. Армия по-прежнему сохраняла свою структуру. Мало-помалу к разрешенным местными властями нескольким винтовкам на полк стали прибавляться винтовки в каждой роте; в ротах появились ружейные пирамиды. Шли обычные армейские процедуры: подъемы, разводы, проверки. Плац-адъютанты высылались каждый день в театры и кинематографы. По улицам ходили патрули. Действовали и гауптвахты, где часто не хватало на всех места.

При каждом полку были устроены мастерские: слесарная, столярная, сапожная, швейная. С весны 1922 года завели и огороды.

Однако эта временная жизнь рано или поздно должна была чем-то завершиться.

А завершилась она не так, как они ожидали.

Бедственное положение потерпевшей поражение страны заставило Болгарию искать союзников. Страны Антанты были для нее суровыми контролерами, заставляющими выплачивать контрибуцию Румынии и Сербии. Германия, традиционно имевшая здесь сильные позиции, сама находилась в полузадушенном состоянии. Поэтому нет ничего удивительного, что на Генуэзской конференции Стамболийский пошел на сближение с Советской Россией, ведь это сделала и Германия.

Отныне белые почувствовали себя в Болгарии не очень уютно. Они становились нежелательными гостями. Это был тяжелый

моральный удар, ведь трудно было поверить, что в нормальной стране, какой была Болгария, с царем, православными церквами, уважением к истории, может произойти эта невероятная переоценка.

Подобные отношения "московские мечтатели" завели и с Кемалем Ататюрком, поставив перед собой задачу привлечь на свою сторону униженную и разоренную Турцию. Что с того, что мусульманская Турция имела очень напряженные отношения с христианской Арменией? Арменией можно было пренебречь. По советско-турецкому договору Турции были уступлены крепости Эрзерум и Каре и другие территории, но взамен на влияние в остальной, большей части Армении. В конце 1921 года в Турции побывал сам Фрунзе для заключения договора дружбы. Большевики укрепили свои позиции в Закавказье.

Итак, после Генуэзской конференции для белых в Болгарии настали тяжелые времена. Особенно тяжелыми они стали в мае 1922 года, когда был арестован в Софии начальник кутеповской контрразведки полковник Самохвалов. (Собственно, конференция еще не закончилась, Стамболийский оставался в Генуе, где уже взял обязательство распустить белогвардейские части.) У Самохвалова были найдены разведывательные сводки, расположение болгарских укреплений и воинских подразделений, полицейских участков, электростанций, вокзалов, складов оружия. Одновременно с арестом полковника болгары провели обыск в русской военной миссии, обнаружили у генерала Вязьмитинова документы о возможности участия белых частей в военном перевороте против правительства Стамболийского. Впрочем, русские доказали, что эти документы фальшивые.

Обыск произвели и у Кутепова. Ничего не нашли, но вызвали генерала в Софию, где и арестовали, хотя перед этим обещали неприкосновенность. А в Велико Тырново на улицу генерала Гурко, что вилась по скалам над рекой Янтрой, он уже не вернулся. Вскоре его выслали из страны.

Оставим и мы в нашем повествовании Болгарию, хотя там еще находятся десятки тысяч русских и будут долго там находиться. На прощание пройдемся по улицам Ловеча вместе с военным священником Михаилом Поповым. Навстречу нам будет идти капитан Любимов. Вид у капитана мрачный, и священник увидит на его лице печать смерти. "Бросьте эти нехристианские мысли, капитан. Умереть всегда успеете, - и лучше, со славой", - скажет священник. Капитан поразится, ведь будут угаданы его сокровенные мысли. Что дальше? Они начнут встречаться, беседовать о Боге, о душе, о загробной жизни. Капитан Любимов не боится смерти и всегда готов сделать ей вызов. Бедный

капитан, он был сильно контужен в германскую и ранен в гражданскую войну. У него раскалывается голова от болей, он не может спать. По ночам к нему являются видения: монахи, Врангель, Кутепов. Утром он идет в канцелярию батальона и усидчиво работает, поддерживает письменную связь со всеми чинами, находящимися на работах.

Николай Никитич Любимов продержался до двадцать первого февраля 1925 года. Он застрелился.

Итак, генерал Кутепов покинул Болгарию. Кто он, бесправный беженец или боевой вождь?

А если вождь, то - чей! Прощальный приказ Кутепова по корпусу заканчивался словами: "При всех обстоятельствах берегите честное имя русского воина и любите Родину выше всего".

Генерал поселился на окраине Белграда в маленьком доме из трех комнат. С ним, кроме жены и брата, еще были адъютант, личный секретарь и вестовой. Поэтому в домике было тесно. Все жили на скромное жалование Кутепова. Сбережений у него не было.

Время от времени сюда приходили ходоки-офицеры, жаловались на жизнь, просили помощи. Сколько их прошло, нищих, несчастных, жаждущих поддержки, никто не знает. У Кутепова были небольшие суммы денег, поступавшие от частных лиц на помощь галлиполийцам. Он буквально трясся над ними как скупец, не позволял себе слишком разжалобиться. Но этот твердый и решительный человек, когда видел, что установленной им раз и навсегда суммы явно недостаточно, добавлял из своих средств, в долг. Редко кто эти долги возвращал. И домашние его часто питались одними макаронами.

Нищенствующий орден, увы, не разбогател, да и не мог разбогатеть. У него была другая цель. (К слову сказать, когда история повернула свое колесо и русские эмигранты стали устраиваться в жизни, то в конце концов оказалось, что в Соединенных Штатах среди групп национальных меньшинств русские занимают первое место по уровню образования и экономического благосостояния.)

Однако русский идеал никогда не ставил богатство выше всего. В этом смысле Кутепов и почти все белогвардейцы оказались типично русскими. Они не могли переродиться и посмотреть вокруг новым взглядом. Они были согласны скорее умереть, чем отказаться от старых знамен.

А сама Россия, полуживая после войны и голода, обескровленная после подавления крестьянских мятежей, молчала. Оттуда, как из бездонного колодца, доходили только

невнятные всплески, по которым мало что можно было понять.

Да и в ближней Европе происходило трудное переустройство. Франция требовала от обессиленной Германии выплаты репараций и заявляла, что в случае невозможности уплаты готова занять Рурский бассейн и Прирейнскую область. Англия никак не соглашалась на такое усиление союзницы. США были готовы поддержать Германию займом, чтобы завладеть там экономическими высотами. Но, как писали газеты в Советской России, тяжесть Версальского мира может быть сброшена с Германии только мечом революционного правительства.

Нет, Европе не было дела до России. Еще не наступила пора мучительного пробуждения придушенной Германии, от которого содрогнулся мир. Еще лежала пластом Россия, где гибель священников, крестьян, офицеров была будничным явлением.

Еще Европа в лице Германии не двинулась на Россию.

До каких же пор можно было терпеть разорванность русского сознания? Кто-то должен был попытаться замостить провалы и пропасти и поднять новые знамена.

Эту миссию взяла на себя группа российских интеллигентов, словно замаливая грех в безрелигиозном отщепенчестве от государства. Правда, лично все они были молоды и поэтому не имели возможности ни разрушать страну, ни биться за нее в гражданской войне.

Георгий Флоровский, Петр Савицкий, Николай Трубецкой, Петр Сувчинский взялись сказать прощальное слово старой России и открыть новые пути для новой послереволюционной.

Но что такое Россия? Прежде всего надо было отвечать на этот вечный вопрос. Они ответили так: Россия - это Евразия. Ни в коем случае не Европа. Ее стремления стать частью Европы ведет к геополитическому поражению, а в области культуры - к подражательству и деградации.

Эти идеи прозвучали для зарубежной России как эпатаж, как дерзкая выходка молодых людей. В чем-то они напоминали славянофильство, но во многом расходились и с ним. Славянофилам Россия представлялась только православной и славянской. Евразийцы видели в своем отечестве широкое море народов славянских, азиатских, угро-финских, - неповторимый государственный и культурный материк, который противостоит Европе и Азии и одновременно объединяет, связывает их.

Евразийцы как будто оглянулись на свое прошлое и открыли в нем тайную доминанту: Россия всегда будет проигрывать Европе, когда будет забывать, что ее главные силы сосредоточены именно в ее азиатской половине. Николай Трубецкой, словно заглядывая в наше "демократическое" время, написал: "Будущая

Россия - колониальная страна, подобная Индии, Марокко или Египту". Правда, тут же добавил: "Азиатская ориентация становится единственно возможной для настоящего русского националиста".

А как же свершившаяся революция? Как незавершившаяся борьба с большевизмом, ввергшим Россию в чисто европейское социальное экспериментаторство? Как с русской культурой? Как жить русским в изгнании?

Революция была неизбежна, но от нее, по словам Георгия Флоровского, погибла "только петербургская Россия". Это "только петербургская" лежит на одном уровне с розановским: "Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, - и о прогнившем насквозь Царстве, - которые воистину стоят друг друга".

Евразийцы говорили об Империи без всякого пиетета. Более того, они дерзали обвинять белую эмиграцию в невероятной косности. Понятно, кто входил в круг обвиняемых.

Большевики? Что ж, конечно, большевики в представлении евразийцев были тем злом, с которым приходится смириться, ибо их владычество неизбежно приведет к власти (под видом партийцев новой волны) национальные слои российского общества.

И здесь, в точке пересечения новой власти с культурным и духовным российским потенциалом, необходимо протянуть ей руку для сотрудничества. "Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура" (Г. Флоровский).

Если отбросить теоретические условности, евразийцы поставили перед собой величественную и страшную задачу. Та новая, грубая жизненная сила, которую они хотели приручить, могла их уничтожить.

И вскоре уничтожила. "Ворота патриотизма", как выразился Троцкий, через которые Москва хотела заманить своих внешних и внутренних противников, вели в лучшем случае к национал-большевизму.

Патриотизм был привлекателен и для Феликса Дзержинского. Обязанный по долгу своей чекистской службы разбираться и учитывать русскую национальную психологию, он быстро понял, что здесь можно без особых затрат создать широкую контрразведывательную сеть.

В ноябре 1921 года сотрудник комиссариата внешней торговли Александр Александрович Якушев, будучи в командировке в Норвегии и Швеции, проехал Ревель, где посетил своих русских знакомых. Разговоры они вели откровенные, в

результате бывший белый офицер Юрий Артамонов написал письмо другу-однополчанину князю Ширинскому-Шихматову в Берлин.

Артамонов писал: "Якушев крупный спец. Умен. Знает все и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение - мнение лучших людей России. Режим большевиков приведет к анархии, дальше без промежуточных инстанций к царю. Правительство будет создано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорил, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует и действует контрреволюционная организация... Мимоходом бросил мысль о "советской" монархии. По его мнению, большевизм выветривается..."

Это письмо было перехвачено в Эстонии агентами ГПУ. В январе 1922 года на заседании коллегии ГПУ Дзержинский сообщил, что раскрыта тайная монархическая организация, но есть смысл не арестовывать ее, а использовать в своих целях. Главный чекист решил, что наиболее подходящей фигурой для игры с эмиграцией считает Якушева, про которого известно, что он ставит интересы России выше всего. Так начался "Трест".

Помимо Якушева в нем участвовали такие достаточно крупные военные, как бывшие генералы Заянчковский и Потапов.

Вряд ли их можно считать секретными сотрудниками или провокаторами, хотя деятельность их и была специфической. Они преследовали свои цели, надеясь в рамках патриотизма найти основу для настоящего сотрудничества большевиков и монархистов. Если их и называть агентами, то они были двойными агентами, которые вели свою игру.

Генерал-лейтенант российской армии Андрей Медардович Заянчковский был профессором советской Военной академии. Генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов после революции был начальником Генерального штаба, а затем руководил военной контрразведкой.

Не потребовалось больших усилий, чтобы белая эмиграция восприняла всерьез МОЦР - Монархическое объединение Центральной России, законспирированное под названием "Трест". Для связи с ней была использована эстонская дипломатическая миссия в Москве, пресс-атташе которой Роман Бирк был советским агентом.

Поздней осенью 1922 года Якушев выехал в служебную командировку с заданием внедриться в руководство белой эмиграции и навязать ему "трестовскую" стратегию борьбы.

В Риге к Якушеву присоединились Артамонов и Петр Арапов, племянник Врангеля, активный евразиец.

С этой поры Арапов "на крючке" ГПУ.

Якушев проникает в Высший Монархический Совет, располагает к себе, убеждает в глубине своих идей. Под влиянием его пропаганды в "Еженедельнике ВМС" была напечатана статья о необходимости сохранения советов в освобожденной России: "Наша эмиграция должна теперь усвоить, что в местных советах, очищенных от коммунистической и противонародной накипи, находится истинная созидательная сила, способная воссоздать Россию. Эта вера в творчество истинно русских, народных, глубоко христианских советов должна сделаться достоянием эмиграции. Кто не уверует в это, оторвется от подлинной, живой России".

Хотел ли контрразведывательный отдел ГПУ того или не хотел, но в русском зарубежье тоже начинались активные изменения. В программных предположениях ВМС появилась отправная точка будущего государственного устройства страны - царь и советы, - то есть - конституционная монархия.

Арапов ввел Якушева в ближайшее окружение генерала Врангеля и через генерала фон Лампе организовал ему встречу с генералом Климовичем, ведавшим врангелевской контрразведкой. Климович задал гостю простой вопрос: как удается такой большой подпольной организации избежать внимания чекистов?

Якушев ответил как будто убедительно, что у них в каждом советском учреждении и в армии есть свои люди, поэтому удается вовремя отводить угрозы...

Однако, когда он ушел, подозрения остались. В итоге Врангель не доверился Якушеву и не стал участвовать в "Тресте". Бог миловал главнокомандующего.

Зато многие другие видные деятели были не так подозрительны, и надежда заслонила для них даже чувство самосохранения. Но как долго воевавшим людям можно было оставаться хладнокровными и медленно погружаться в эмигрантский быт, когда борьба еще не закончилась, а наоборот, получила неожиданную поддержку из самых российских глубин, которые так долго молчали?

Якушев продолжал внедряться в белогвардейское руководство. Представителем "Треста" в Париже стал князь Ширинский-Шихматов, в Берлине Арапов. Якушева принял великий князь Николай Николаевич и целых три часа разговаривал с ним.

Кутепов жил неподалеку от Врангеля. От кутеповского домика на Душеноваце до врангелевской виллы в Топчидере можно было дойти пешком через обширные пустыри, заросшие

шиповником и разными травами вроде лисохвостов и костров, подобных галлиполийской растительности. Если не было дождей и пустыри не раскисали, Кутепов часто приходил к главнокомандующему.

Оба любили долгие пешие прогулки и часто гуляли вдвоем на пустырях. Между ними не было душевной близости, они представляли разные российские силы, один - петербургскую Россию, другой - провинциальную. Оба чувствовали, что главное в их судьбе уже завершилось, но еще не осознали этого и искали выхода в сплошной невидимой стене, преградившей им путь. Кутепов мечтал о продолжении вооруженной борьбы, а Врангель стоял на перепутье и все больше уходил в политическую тень. Роль главнокомандующего разбросанных по Европе частей была уже во многом условна. Для объединения эмиграции нужна была более реальная фигура. Врангеля и Кутепова объединяло прошлое.

А что впереди? Мирно доживать свой век?

Белые офицеры покидали армию, ее остатки. В конце концов генералы могли остаться одни.

Требовалось новое дело, новая организация.

Европа к тому времени уже пыталась вырваться из тисков Версальского мира. В июне 1923 года в Болгарии было свергнуто правительство Стамболийского, к власти пришли круги, опирающиеся на военных и национально-консервативные силы. Отношение к русским частям сразу же изменилось и угроза их выдачи в Советскую Россию рассеялась. Попытка коммунистов поднять в сентябре восстание была сорвана при помощи белогвардейцев.

Этот год был переломным: Германия находилась в унижении и нищете, революция подняла свою страшную мстительную руку, и призрак мировой коммунистической смуты загорелся над Старым Светом. Красная Армия начала готовиться к освободительному походу в Европу, а председатель Реввоенсовета Троцкий выступил с призывом поддержать германскую революцию.

Верховный штаб Антанты санкционировал ввод французских войск в Рурскую область. Британский министр иностранных дел лорд Керзон предъявил Москве ультиматум: если Красная Армия перейдет советско-польскую границу, Англия окажется в состоянии войны с СССР. Военная разведка РККА доносила Сталину об активизации белой эмиграции. Советские разведчики создавали тайные склады оружия, агентурные сети.

Москва искала союзников везде, где могла, и не останавливалась перед парадоксальными ходами. В июне Карл

Радек выступил с речью на заседании расширенного пленума исполнительного комитета коммунистического Интернационала и предложил германским нацистам сотрудничество. Он говорил о молодом немецком националисте Лео Шлагетере, расстрелянном французскими оккупационными властями в Руре за террористические акты против французских войск. Радек выразился так: "Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, имя его много говорит германскому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить германскому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром...

Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в ничто".

Это была сенсационная речь, полная политического расчета и лишенная каких бы то ни было сантиментов. Москве нужен был союзник. Этим все и объяснялось. Отношение интернационалистов к внутренним русским задачам было по-прежнему жестоким и утилитарным.

Но был еще один парадокс. Русское Зарубежье, явно стремившееся к идее национальной государственности и культуры, было враждебно национал-большевикам.

И национал-большевики были враждебны ему.

В этой европейской необъявленной войне Русскому Зарубежью история отводила роль антантовской "пятой колонны". Насколько эта роль отвечала русскому национальному чувству? Большинство эмигрантов были не вольны в нем. Поэтому они были в известном смысле беззащитны, как дети, когда речь заходила об интересах России. Им были недостижимы манипуляции, подобно радековской.

Когда Троцкий на XII съезде компартии заявил о евразийстве, даже не заявил, а отозвался с некоторым намеком на понимание, то Зарубежье восприняло это как большую надежду.

"Россию, - сказал Троцкий, - теперь некоторая часть заштатной интеллигенции называет Евразией... Как хотите, это в

точку попадает... И Москва наша искони была евразийской, то есть имела с одной стороны архиевропейский характер, даже с намеком на американизм, и в то же время несла на себе черты чисто азиатские".

Шла великая игра. Национальные традиции и чувства рассматривались в ней как сильнейшее оружие. Сталин же обрушился на "великорусский шовинизм", проникший в партийные учреждения и "бродящий по всем углам нашей федерации".

Зиновьев вторил ему: "Сейчас поднимает голову великорусский шовинизм", - призвал выжигать опасность каленым жезлом.

Вот так и распределялись силы, и запутывались узлы и завязки будущих трагедией. А в Париже, Белграде, Софии, Праге, Берлине русские смотрели на Москву, ожидая скорого воскрешения своей родины. И Москва манила их "Трестом", зная, что на этот манок они непременно пойдут.

Снова евразийцы. Российский Общевоинский Союз - РОВС. "Племянники" Кутепова. С каждым днем ожидания Россия погружается все глубже. Саморазоблачение "Треста". Поражение Кутепова в борьбе с ГПУ

Несмотря на тайную войну Коминтерна с ее социальной романтикой и кровавыми методами, история двигалась по накатанной геополитической колее. Две мощнейшие континентальные державы, Россия и Германия, обескровленные войной, тянулись друг к другу, словно воскрешая старый союз прошлого века, причинивший столько хлопот атлантическим странам. Случайно в этой зоне взаимного притяжения оказались коминтерновцы, но не случайно - белые эмигранты, "евразийцы".

Еще во время Гражданской войны проницательные русские политики поняли, что союзники стремятся превратить Россию в колонию и исключить из числа великих держав мира. Борьба с коммунизмом под иностранными флагами завершилась Крымским исходом и Галлиполийским сидением. Белая армия оказалась на распутье.

Офицеры старой закалки особо не раздумывали над тем, что произойдет, если армия не сменит ориентиры. Более молодые склонялись к мысли, что в результате победы белых и иностранных интервентов Россия окажется разгромленной.

Савицкий позже сделал такой прогноз: "Русская культура была бы оттеснена к границам Великороссии. Но даже на территории нынешней РСФСР ей наносили бы удары в спину сепаратизмы типа казанско-татарского, башкирского и т. д., которым интервенты несомненно оказывали бы самое горячее покровительство. Не говорим уже о юго-восточных окраинах РСФСР, вроде Казахстана и Киргизии, которые были бы просто потеряны для России. Весьма вероятно, что и на исконных русских территориях была бы сделана, в этом случае, попытка превратить русский язык и культуру в язык и культуру "второго сорта"..."

Эти строки написаны в тридцатые годы, однако они точно отражают взгляды "евразийцев" и в более ранний период.

Савицкий явно выступает против атлантистской геополитики, и его мысли вполне созвучны сегодняшней российской смуте, означенной шествием сепаратистов. Но, - предостерегает нас давно покинувший земные пределы философ, - Советский Союз является очередным этапом в эволюции русского государства. Следующий этап может родиться только из него самого. Если конец ему придет извне, это будет конец и русского государства.

Впрочем, исторические аналогии, связанные с распадом СССР и неустойчивостью России, находят в евразийском наследии много любопытного. Через его призму судьба российского государства выглядит в двадцатые годы даже более устойчивой, чем ныне. И все-таки: "Пока мир остается таким, каким он есть - именно "военные силы", именно армия, красная или иная - есть последний довод в этих вопросах".

Это - ответ Савицкого, это мост, на противоположной стороне которого стояли агенты ГПУ на фоне церковных куполов. Неспроста он говорил, что судьба страны важнее судьбы режима. Россия - выше любой идеологии. Но что делать, если это мост для одиночек и в конце его - смерть?

Цель одна: вернуться в Россию под флагом государственности, а уж потом переходить к смене красного флага. Они ничего не боятся. Фашизм для них одно из течений леворадикального социализма.

Муссолини был социалистом, Радек был социалистом, но эта идеология выдыхается. Революция неизбежно сменится эволюцией, и тогда проржавевшие обручи большевизма рассыплются.

Но спасение не придет с запада!

"Я хотел бы напомнить, что и в эпоху "великой разрухи" русской начала XVII века был момент, когда национальные расчеты строились на вмешательстве иноземной силы: это было в 1610 году, когда польского королевича Владислава избрали на Московский стол, и польские войска шли "восстанавливать порядок" в ставшей добычей "воров" и голытьбы России. Но слишком скоро обнаружилось, что эти-то чужеземные носители государственности и порядка в гораздо большей мере, чем анархическая бунтарская масса, - и суть главная помеха подлинно-национальному оздоровлению охваченного смутою государства... Эта сторона дела обычно ускользает от внимания из-за мечтательного убеждения, что Европа себя будет защищать, вмешиваясь в русские дела, что ей самой опасна большевистская зараза..."

Это Георгий Флоровский, знакомая нам статья "О патриотизме". Это вечное предупреждение для российских

мечтателей, уповающих на чужую помощь. Каждое поколение по-новому открывало сию вечную истину геополитики, проходя через искушение сделать Россию полностью европейской и платя за это великими жертвами.

Для многих бездействие означало моральное падение, измену себе. Для офицеров - особенно. Им требовалась новая организация, способная сплотить их, не дать рассыпаться в эмигрантскую пыль. Армейская форма уже не годилась. Но ее надо было сохранить, скрыв под личиной какого-либо объединения. Поэтому родился Российский Общевоинский Союз - РОВС. Он связал белые организации всех стран русского рассеяния.

В бумагах Кутепова среди справок о РОВСе есть "Доверительная записка", в которой говорится:

"РОВС должен создать живую религию, основанную на глубокой вере правоты совершаемого, на любви к Родине и на надежде в будущее воскресение России. Имя этой религии - национализм".

Вряд ли Кутепов мог измениться. Его офицерский дух был несгибаем, а враги давно определены. Но его звездный час миновал. Осталась легенда о галлиполийском чуде, становящаяся все больше и больше идеологической основой для белогвардейской пропаганды. Оставалась вера в освобождение и готовность к самопожертвованию.

Евразийцы пошли своим путем, Кутепов - своим, не подозревая, что это одна дорога.

Кутепов переехал во Францию, стал одним из самых приближенных генералов у великого князя Николая Николаевича. Конечно, он внутренне изменялся, вынужден был принимать то, что раньше казалось ему немыслимым. Прежняя Россия уже не могла возродиться после ухода большевиков. Но ее здание "должно покоиться на надежном фундаменте, заложенном нашей многовековой и славной историей".

Врангель отходил от дел все заметнее. По-видимому, завершался исторический круг, сперва выдвинувший его в оппозицию Деникину, а затем и поднявший на пост Главнокомандующего. Все большее влияние приобретал Кутепов. Он был в центре борьбы и руководил засылкой в Россию молодых офицеров.

Он понимал, что посылает людей на смерть, что у них мало шансов вернуться. Это понимали и отправляемые офицеры.

Одной из первых направилась в Россию Мария Захарченко. Та самая бесстрашная женщина, пошедшая добровольно на войну и заслужившая два Георгиевских креста. После Галлиполи она

оказалась в Сербии вместе с кавалерийским эшелоном, давала частные уроки и каждый день искала возможности вырваться из эмигрантской клетки. Она задумала вернуться в Россию и продолжать борьбу. Но где видано, чтобы женщина начинала войну с государством? Она явно шла на смерть, принося в жертву свою жизнь.

Вместе с Марией Владиславовной - ее третий муж, штабс-капитан Георгий Николаевич Радкевич. Они добираются до Берлина. У них сербские паспорта, а Сербия не признавала государства-новообразования, и поэтому Захарченко и Радкевич не могли попасть в Прибалтику. Они две недели убили на то, чтобы раздобыть германские паспорта.

Конец сентября 1923 года. Пароход до Ревеля. На борту - чета Шульц. Уже достаточно холодно. В глазах супругов нетерпение. Они вспоминают невозвратные мгновения, которые как будто вновь возвращаются: петербургский бал, где юная смольнянка познакомилась с будущим штабс-капитаном. Но образ Шульц уже не отпустит Марию Владиславовну. Она уже никогда не станет Машей Лысовой.

В Ревеле к ним присоединяется гардемарин Буркановский. Советско-эстонская граница возле Изборска. Третье октября. Холодно, ноль градусов. Болото. Солнце уже зашло, смеркается. Болото тянется и тянется, и ночь бесконечна. Гардемарин отстал. Мария Владиславовна не останавливается, тянет за собой Радкевича. Только к рассвету они выходят на твердый берег. Гардемарин же погиб от пуль пограничников.

Позже участники Эстонской войны уверяли, что в том болоте во время боев утонула целая рота.

Но Марии Владиславовне суждено было пройти. Ее берегла судьба до поры до времени. И потом еще не один поход преодолела она, а однажды уже по снегу перебралась вплавь через разлившуюся реку, держа над головой снятую шубу.

Кутепов говорил своим немногочисленным боевикам: "Наше дело там, в России. Оно требует жертв. Без жертв лучших русских людей Россия не восстановится, и они необходимы, они будут всегда. Многие погибли, погибнут еще, погибнем все мы, начавшие, но зерно брошено, и плоды будут там, на Русской земле".

Мария Владиславовна была уполномочена Кутеповым, который хорошо ее знал, установить связи с "Трестом". Они не могли знать, чем закончится эта связь.

В письме от 12 октября 1923 года Шульцы сообщали: "Прибыли в Петроград 9-го утром. А. В. не нашли, на его квартире сообщили, что он ушел менять деньги 27-го сентября, оставив

дома все вещи и неотправленное письмо в Париж, и больше не вернулся. В настоящее время там идут облавы, многие пойманы, город терроризирован. Выехали в три часа дня в Москву. Попали в воинский вагон, занятый матросами, комсомольцами. Впечатление от разговоров самое отрицательное. Эта молодежь ими воспитана и настроена сейчас воинственно".

До Москвы они добрались благополучно. У них была явка к Стауницу, в квартиру на Маросейке, и они явились к нему, не ведая, конечно, что хозяин никакой не Стауниц, а чекист Эдуард Оттович Опперпут, который раньше принимал участие в охоте за Савинковым.

"Трест" принял гостей солидно. "Впечатление от этой группы, - сообщали они в Париж, - самое благоприятное: чувствуется большая спайка, сила и уверенность в себе. Несомненно, что у них имеются большие возможности, прочная связь с иностранцами, смелость в работе и умение держаться..." "Возможности получать сведения у них большие, и они сами говорят, что иностранные миссии перед ними заискивают: по-видимому, их люди имеются всюду, особенно в Красной армии".

Кутепов получил десятки донесений о солидности "Треста". Отступать генералу не было никаких видимых причин. Он пошел навстречу своей гибели.

Если бы он был несколько осторожнее, у него наверняка вызвало бы подозрение письмо от двадцать второго ноября 1923 года. Как он оставил его без внимания, трудно объяснить.

"Есть распоряжение устроить меня на службу в контрразведывательный отдел при ГПУ через имеющуюся оказию таможенного отдела. Это отдел ГПУ, ведущий наблюдение за приграничной полосой и поступающей контрабандой, предложил на этих днях Всерос. инвалидному комитету (Вико), а в частности У., взять на себя организацию подставных лавок в Москве для поимки контрабандных товаров. Согласно плана Там. Упр. все заведывающие лавками будут считаться агентами отдела по борьбе с контрабандой Там. Упр. и в своей работе будут инструктироваться сотрудниками последнего.

Отдел по борьбе с контрабандой работает в теснейшем контакте с контрразведывателъным отделом ГПУ. Многие сотрудники отдела по борьбе с контрабандой являются и секретными сотрудниками к.-р. отд. при ГПУ. Задачей является поставить себя в такое положение, чтобы, заручившись доверием и знакомствами среди членов ГПУ, получить их предложение сделаться их сотрудником в отделе к.-р. сначала секретным, а потом и открытым, приняв которое использовать свое положение для целей М. О. Р.".

Возможно, Кутепов утратил осторожность, ибо все вокруг было враждебно и опасно. Коль "Трест" представлял здоровую клетку в больном теле, то как можно было надеяться на постоянную безошибочность всех решений? Всех связей "Треста"?

Стауниц снял для четы Шульц ларек на Центральном рынке, куда сотрудники польского посольства приносили пакеты для "Треста" и получали почту для отправки за границу. Завязалась большая игра. Чем она кончится? А может, Кутепову удастся проскользнуть по чекистским тропинкам раньше самих чекистов?

Евразийцы тоже вскоре попали в ГПУ. Они ввели в свой круг Александра Алексеевича Лангового, который был соответственно подготовлен в контрразведывательном отделе. Он был интеллигент, сын профессора медицины, добровольцем воевал в рядах красных, награжден орденом Боевого Красного знамени. Сестра Лангового к тому же служила в ЧК. Ланговой стал руководителем евразийской секции "Треста" и, побывав в Варшаве, где встречался с Артамоновым, завязал первые контакты с эмиграцией.

Весной 1924 года через эстонскую границу в Россию прибыл товарищ Арапова Мукалов. Он побывал в Москве, съездил в Харьков. Ему организовали встречи с подставными командирами воинских частей. Он был доволен поездкой и поверил в силу тайной организации.

Вскоре Якушев пригласил в Москву Арапова, познакомил его с Ланговым, и тут вспыхнул настоящий фейерверк изобретательности чекистов. На заседании евразийской секции присутствовали увлеченные сторонники евразийства (сотрудники ГПУ), которые выступали за российские интересы и православные традиции. Ланговой предсказал дальнейшее развитие страны как советской монархии.

Для Арапова слышать это было удивительно. Он помнил Москву по 1918 году, когда его, гвардейского офицера-фронтовика, большевики держали в Бутырской тюрьме. Тогда .казалось, что назад возврата не будет. Но теперь его окружали милые русские люди, прозревшие и готовые служить Родине.

Арапов был растроган и легко проглотил чекистскую наживку. Может быть, у него больше не было таких приятных минут. Блудный сын вернулся домой, и здесь не забыли его, он был своим.

Контрразведывательный отдел закрепил его впечатления встречами с генералами Зайончковским и Потаповым. Евразийство тесно соединялось с "Трестом". В Берлин Арапов вернулся полностью очарованным. Храбрый офицер, расхаживавший под артиллерийским обстрелом с преспокойным

видом, здесь уступил острому чувству патриотизма и отверг все доводы разума.

Савицкий отмечал: "С ним (Якушевым. - Авт.) свел евразийцев и, в частности, в числе других, меня - в 1923 г. в Берлине П. С. Арапов. Его с Якушевым связал Артамонов. Якушев казался умным, но совершенно "непрозрачным" человеком. Он и развертываемые им перспективы проникновения евразийства в Россию нас интересовали, но мы, конечно, отнюдь ему не доверяли. Арапов же был горячим пропагандистом сотрудничества с ним".

В 1924 году пятого ноября Якушев и Потапов приехали в Париж и были приняты великим князем Николаем Николаевичем. Они просили 25 миллионов долларов на организацию восстания и убеждали, что через полгода большевиков не станет. У великого князя денег не было. Он посоветовал им обратиться к российским промышленникам. Но и промышленники ничего не дали и отказались брать взаймы у иностранных банков.

Якушев и Потапов хотели встретиться с Кутеповым - не удалось.

Для ГПУ Кутепов представлял особый интерес, ибо небольшие группы его боевиков по два-три человека легко проходили через границу для разведки и террористических актов. К тому же РОВС был связан с разведками соседних стран. На Кутепова надо было выйти во что бы то ни стало.

В следующий приезд в Париж Якушев взял с собой Марию Владиславовну. Их беседы втроем расположили генерала к "Тресту", повторив ту же психологическую канву, по которой уже проследовал Арапов. Кутепов согласился стать представителем "Треста" в Париже, сохраняя при этом полную самостоятельность в действиях. Должно быть, он надеялся, что в конце концов вернется в Россию и помогут ему в этом прежде всего не боевики-офицеры, а неведомые простые люди, которые виделись ему за полузагадочным "Трестом".

Если бы Кутепов располагал деньгами, он бы поделился с Якушевым. Но больших денег не было.

Постепенно сводились в одну точку Кутепов, евразийцы, ГПУ.

В 1925 году евразийцы начали активно привлекать военных. Евразиец Сувчинский встречается с начальником корниловской дивизии Скоблиным и так пишет о нем: "Он всецело сочувствует нефти (то есть евразийству. - Авт.), готов способствовать самой энергичной пропаганде в галлиполийских организациях Франции, Бельгии и Болгарии и предоставляет своих лучших людей для отправки на Восток".

В марте он пишет Савицкому: "Сегодня выехал к Вам в Прагу

Твердев (Скоблил. - Авт.), на которого мы возлагаем большие надежды. Он освоился идейно с евразийством".

Савицкий отвечает: "Военно-корпоративное начало есть начало ценнейшее. Но если его сделать самодовлеющим, то вместо евразийства и евразийской секции получится ухудшенное издание белого движения. Последнее погибло между прочим из-за этой корпоративности... Сопряжение гражданского начала, как общего, и военного, специального, которое осуществили коммунисты, есть единственное правильное. Вне осуществления этого сопряжения нет евразийства".

Да, белые генералы должны были рано или поздно попасть в круг интересов евразийцев. Появление Скоблила здесь не случайно. Однако для евразийцев генералы менее ценны, чем среднее офицерство. Генералы вряд ли откажутся от догм белой борьбы. И Савицкий отмечает:, "Ведь в настоящее время нами заинтересовались люди вполне определенной формации. Это промежуточный командный слой, который внутренне наиболее близок к аналогичным контингентам с другой (разрядка наша. - Авт.) стороны".

Вот где разгадка! Евразийцы уже идут по мосту обратно в Россию, и им важно найти там опору. Не случайно в заметках Савицкого есть открытое противопоставление евразийства и Кутепова. Кутепов с его непримиримостью не воспринимается. Не случайно, в "Секретной переписке" Совета евразийства о людях Кутепова говорится отрицательно: "Решительно не понимаю, на что они нам нужны. ...Все, кто видел г-жу Шульц при первом ее появлении вместе с Федоровым (Якушевым. - Авт.)... единогласно охарактеризовали ее самым нелестным образом. ...Если же мы наберем себе окружение из господ вроде племянников (конспиративное имя четы Шульц. - Авт.), то это окружение станет для нас обузой и свяжет нас так, что мы скоро и рта не сможем открыть..."

Горячая жажда борьбы, которой было пронизано каждое движение Марии Владиславовны, для евразийцев казалось пережитком гражданской войны. Если в "Тресте" они не заметили опасности, то в своей среде все оттенки воспринимались ими отчетливо. И действительно, расхождения между идеологией белой борьбы и евразийством были велики. Для ГПУ рано или поздно эти расхождения должны были стать заметны и тогда неизбежно должны были последовать попытки высечь из них искры пожара.

В начале 1925 года чета Шулъц была использована контрразведывательным отделом для заманивания на территорию СССР английского разведчика Сиднея Рейли.

Косвенно в этом принимал участие и Кутепов, с которым Рейли встречался в Париже. К возможностям эмиграции англичанин был настроен критически, зато силы "Треста" казались ему значительными.

Двадцать четвертого сентября Рейли перешел финскую границу. Двадцать седьмого сентября он был в Москве, сопровождаемый Якушевым и евразийцем Мукаловым. На даче в Малаховке состоялось заседание политсовета "Треста". Рейли предложил сотрудничество с Интеллидженс Сервис. Вечером он должен был возвращаться в Ленинград. Вместо невских берегов он увидел стены камеры на Лубянке. Правда, перед арестом ему дали возможность отправить за границу открытку, которой он хотел удостоверить свое опасное путешествие в большевистскую столицу.

В ночь на двадцать девятое сентября на финской границе возле деревни Ала-Кюль была инсценирована перестрелка, в которой якобы погиб Рейли и его спутники. "Трест" должен был остаться вне подозрений.

Звезда Рейли закатилась, с ним расправились будто шутя. А Мария Владиславовна писала Якушеву: "У меня в сознании образовался какой-то провал. У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я... Я была ответственна за "окно".

Но тем не менее, когда в Гельсингфорс приехала жена Рейли Пепита, Мария Владиславовна убедила ее в непричастности "Треста" к гибели разведчика.

В Москве тоже была легко разыграна сцена скорби, в которой участвовал и ничего не подозревавший Мукалов. Его же вместе с чекистом Зубовым направили на расследование к деревне Ала-Кюль, где он убедился в том, в чем хотели его убедить авторы этой контрразведывательной драмы.

Мукалов обеспечил еще одно алиби "Тресту", однако Марии Владиславовне этого было недостаточно. Она заставила Радкевича спешно выехать из Финляндии в Москву для самостоятельного расследования. Ничего нового он не узнал,

"Трест" сохранил свое доброе имя, а Рейли погиб. Его расстреляли третьего ноября 1925 года.

Попал в сети "Треста" и Василий Витальевич Шульгин, тот самый член Государственной Думы, который вместе с Гучковым принимал отречение Николая II.

Якушев взялся организовать поездку Шульгина по линии "Треста", гарантировав безопасность. У Шульгина в Гражданскую войну в последние дни врангелевской эпопеи пропал сын. По некоторым сведениям, он был ранен во время атаки буденновцев на белую батарею и попал в плен. И поэтому, несмотря на

недавнюю гибель Рейли, Шульгин решительно настаивал на необходимости своей поездки. Его окружение ему возражало. Даже Врангель отговаривал Шульгина. Ни к чему это не привело, Магия "Треста" оказалась сильнее.

Впрочем, для чекистов путешествие по СССР непримиримого противника большевиков и его благополучное возвращение было бы прекрасным подтверждением непричастности "Треста" к провалу Рейли. Шульгин не был ни разведчиком, ни даже политиком. Он занимался литературным трудом, и как раз его перо могло послужить ГПУ для маскировки, для пропаганды.

В ночь на двадать третье декабря 1925 года Шульгин перешел польскую границу с паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца. Сначала он прибыл в Киев, затем приехал в Москву. По-видимому, главным сюжетом этой поездки ее устроители планировали "трестовскую игру". И она удалась на славу.

О встречах с "племянниками" Шульгин написал так: "Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и ее мужу под специальное покровительство. Муж ее был офицер. По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая женщина, чтобы не сказать красивая. Я ее узнал уже в возрасте увядания, но все-таки кое-что сохранилось в ее чертах. Она была немного выше среднего роста, с тонкими чертами лица. Испытала очень много, и лицо ее, конечно, носило печать всех испытаний, но женщина была выносливой и энергии совершенно исключительной. Она была помощницей Якушева... Оба супруга, она и муж, часто навещали меня, они жили там же, возле меня, постоянно выезжая в Москву, оттуда примерно час езды до их дома... Мне приходилось вести откровенные беседы с Марией Владиславовной. Однажды она мне сказала: "Я старею. Чувствую, что это мои последние силы. В "Трест" я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду".

Шульгин был обречен поверить "Тресту". Разве он мог усомниться, когда слышал от своих новых знакомых уверения в том, что народ и государство уже оправляются от страшных ударов, которые им нанес социализм? Что никакого коммунизма больше нет, а есть глупая болтовня севших в лужу людей. Что социалистическая отрыжка пройдет.

Тут же Шульгину внушали, что напрасно в эмиграции торопятся, ведь сами понукающие далеко не готовы взять государственный руль и не знают, что делать с Россией.

Если Шульгин и мог что-то заподозрить в этих уговорах, то последующие доводы снимали все подозрения: устоями России должны быть уважение к религии и моральному началу, здоровый национализм, не переходящий в шовинизм, сознание важности

духовной культуры, свобода трудиться и мыслить, всяческая поддержка сильных творческих людей.

Если закрыть глаза, то можно представить, что находишься не в красной Москве, а в столыпинском Петербурге и слышишь речи о великой России. Может быть, в "Тресте" были люди, искренне верившие в возможность переиграть чекистов. И они играли в странную жуткую игру со своим прошлым, веря, что смогут вырваться из западни. Они раскрыли глаза только тогда, когда к ним прикоснулась смерть,

Шульгин оказался случайным свидетелем этой истории, о чем написал книгу "Три столицы". Эта книга человека с закрытыми глазами и открытым сердцем. Она рассеяла сомнения в "Тресте". Исчезновение Рейли было забыто.

В конце жизни Шульгин сделал одно открытие, которое кое-что прояснило. В тайной жестокой борьбе за власть между Сталиным и Троцким "Трест" и Якушев занимали определенную троцкистскую позицию. Вслед за Троцким они ориентировались на атлантистский Запад, который не хотел допустить возрождения евразийского гиганта. Сталин же стоял на национал-большевистских позициях. Геополитическое противостояние отразилось не только в борьбе двух лидеров, но и в судьбах многих ничего не подозревавших об этом людей.

Евразийцы первыми поняли неразрешимую загадку Советской России, оказавшейся в тисках между враждебным ей Западом и убийственным большевизмом. Где выход? Есть ли он?

И там, и здесь российские интересы были в железной узде. Тот, кто хотел бороться за Россию, должен был прежде всего отстаивать совсем иные интересы.

Поэтому, может быть, прав был генерал Врангель, отказавшийся от всякого сотрудничества с "Трестом". Даже после благополучной поездки Шульгина. В равной степени он был далек и от боевой деятельности Кутепова. Он просто ждал.

Но еще была одна сила - Германия. Она тоже находилась между атлантистским Западом и большевистской Россией, и логика выживания толкала ее к Востоку.

В конце концов в поле притяжения российско-германского магнита попали многие белоэмигранты. Одни из них знали, что вступают в связь с советской и германской контрразведками, другие просто следовали исторической неизбежности. Возможно, именно здесь Кутепов попал в прицел.

Вряд ли в Москве надеялись, что "Трест" надолго удержит Кутепова от активных действий. Надо было соглашаться принимать боевиков. И с ведома Якушева границу пересекли три офицера: Сусалин, Каринский и Шорин.

Полковник Сусалин вскоре исчез бесследно. Он прямодушно высказал свои сомнения в "Тресте" чекисту Старову, одному из "трестовиков", окружавших Захарченко и Радкевича, и этого было достаточно, чтобы незадачливого полковника "якобы опознали болгарские коммунисты, знавшие его еще по Софии".

Кутепов начинал беспокоить чекистов все сильнее. Развязка приближалась.

Во время очередного приезда в Париж Якушев настойчиво приглашал генерала в Москву для встречи с политсоветом "Треста", но Кутепов не принял приглашения.

С другой стороны, Стауниц сумел подобрать ключ к сердцу Марии Владиславовны, надеясь через нее иметь беспрепятственный доступ к Кутепову. Больших секретов он не узнал, а стремление Марии Владиславовны к активным действиям хоть и настораживало, но пока еще было подконтрольно.

Нет нужды углубляться в душевные отношения Мария Владиславовны и Стауница, ибо для разведки любовь всегда является одним из средств. Какое нам дело до того, как эта сероглазая тридцатитрехлетняя женщина влюбилась перед своей гибелью? Все смешалось: героизм, провокации, пошлость, обман, патриотизм, любовь.

Мы можем обратиться к подобной ситуации, случившейся с советским разведчиком Дмитрием Быстролетовым. Для того чтобы получить доступ к документам итальянской контрразведки, ему пришлось выдать свою жену Иоланту замуж за итальянского полковника Вивальди. У него не было опыта подобных операций, он должен был все сделать самостоятельно. Иоланта могла отказаться или принести себя в жертву. Она была свободна, хотя уже принимала участие не в одном деле, вплоть до убийства провалившегося "источника". Но то дело было все же иным. А тут следовало убивать в себе. Быстролетов называет это "подлой работой" и добровольной жертвой "во имя победы нашего дела".

После страшных душевных мучении Иоланта согласилась. Она назвала его "убийцей", убившей ее. Она сказала, что, становясь женой полковника, она перестает быть женой Быстролетова.

И все пошло по утвержденному плану. Полковник "клюнул", потом ему не повезло, и он застал ночью постороннего мужчину в своем доме за фотографированием бумаг. Он понял, что случилось. Ему пришлось кончить жизнь самоубийством.

Вот и вся история про любовь. Иоланта покончила с собой позже, в сталинских лагерях. Быстролетов был арестован в 1938 году за работу "на чехословацкую контрразведку" и вышел на

волю в 1954 полным инвалидом.

Возможно, в 1925 году в Праге, когда он, студент-белоэмигрант, начал сотрудничать с чекистами, ему грезилась освобожденная Родина. И он шагнул в огонь.

В конце марта 1927 года в финском городке Териоки было назначено совещание Кутепова с военными представителями "Треста". Накануне совещания преемник Дзержинского Менжинский наставлял военного руководителя "Треста" Потапова: всячески оттягивать сроки начала вооруженного выступления и компрометировать идею террора. На прощание Менжинский сказал, что существование "Треста" несколько затянулось, ведь в конце концов чекисты не могут так долго оставаться слепыми, а иностранные разведки, не получающие нужных сведений, соглашаться на связь с ним. Но с другой стороны, как без "Треста" сдерживать Кутепова?

На встрече в Териоках Кутепов сообщил, что в его распоряжении значительные офицерские силы в европейских странах и террористические группы, первую группу из восьми человек можно отправить в любой день. Он спросил о сроках восстания. Потапову пришлось юлить, жаловаться на отсутствие денег. Стало очевидно, что еще немного времени - и Кутепов начнет действовать самостоятельно.

После совещания Мария Владиславовна предложила Стауницу готовить террористический акт. Без консультаций с "Трестом".

Чекисты должны были решить непростую задачу: либо сразу арестовывать боевиков и начинать открытую борьбу, либо нанести Кутепову более изощренный удар, но не со столь очевидными результатами, как в первом варианте.

Было решено "сдать" всю "трестовскую" организацию.

Рискуя получить пулю, Стауниц признался Марии Владиславовне:

- Мария, ты думаешь, "Трест" - это подпольная организация монархистов? Нет, я чекист. Якушев и Потапов тоже чекисты, над нами - контрразведка ОГПУ. Но меня заставили под угрозой расстрела. Теперь я больше не хочу этой грязи! Надо бежать, пока не поздно.

Она была поражена и почти без раздумий подчинилась. Да, бежать! Финское "окно" еще открыто.

В ночь на тринадцатое апреля 1927 года они перебрались в Финляндию.

Успели скрыться и предупрежденные Стауницем Радкевич, Каринский и Шорин.

Двадцать первого апреля в советских газетах было помещено

сообщение о ликвидации контрреволюционной шпионской группы, руководимой белым генералом Кутеповым. Кутепов обвинялся в связях с иностранными разведками. Ни одно имя арестованных по делу не было названо.

Но эта публикация предназначалась для широкой публики. "Трест" кончился, однако следовало выгородить его главных персонажей. Для этого пятью днями ранее Потапов направил Кутепову с польским курьером нарочито обманное письмо, которым стремился запутать генерала. По словам Потапова, Стауниц завяз в спекуляциях и к тому же был узнан одним из его бывших сослуживцев и опознан как чекист. Впрочем, не все связи оборваны, провинция почти вся осталась не задетой арестами.

Лубянка не ограничилась этим письмом. Девятого мая в рижской газете "Сегодня" была напечатана статья "Советский Азеф", о Стаунице. Он выставлялся предателем монархической организации в России, затем савинковского "Союза Защиты Родины", антисоветской группы сенатора Таганцева, обвинялся в службе на разведки ряда стран. К тому же сообщалось, что он расстреливал офицеров в Кронштадте и Петрограде.

Выходило, что ОГПУ "сдавало" и своего сотрудника. Почему? В чем-то он нарушил игру.

Или тайная борьба Сталина и Троцкого неожиданно ударила и по планам контрразведки.

Семнадцатого мая Стауниц поместил в той же газете свой ответ:

"...Ночью 13 апреля я, Эдуард Опперпут, проживающий в Москве с марта 1922 года, под фамилией Стауниц, и состоявший с того же времени секретным сотрудником контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО ОГПУ), бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и тем принести посильную помощь русскому делу...

...Немедленно по прибытии на иностранную территорию я не только открыл свое прошлое, но в тот же день установил связь с соответствующими представителями ряда иностранных государств, чтобы открыть работу ГПУ и заручиться их поддержкой для разгрома ее агентур. ГПУ тотчас изъявило согласие на уплату мне единовременно 125.000 рублей золотом и пенсию 1.000 рублей в месяц при условии, что я к разоблачениям не приступлю. (Стауниц не написал, каким образом ГПУ узнало о его действиях за рубежом в первые дни после побега. - Авт.) Я дал на это мнимое согласие, дав гарантию соответствующим лицам, что все переведенные суммы будут мною передаваться организациям, ведущим активную борьбу с советским правительством. Двумя телеграммами ГПУ подтвердило высылку

денег нарочным, однако они доставлены не были и, полагаю, что главной причиной этого были поступившие в ГПУ сообщения, что главнейшие разоблачения мною уже сделаны".

Стауниц-Опперпут отверг обвинения в предательстве и расстрелах и в свою очередь обвинил Лубянку в том, что там пытаются его дискредитировать, чтобы замять его разоблачения. Он заявил, что "Трест" был создан в январе 1922 года ответственным сотрудником КРО Кияковским. "Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло... Благодаря легендам, настолько значительные суммы из ассигнованных штабами на разведку попадали в ГПУ, что таковые не только дали возможность существовать КРО ОГПУ на хозяйственных началах, но и уделять некоторые суммы дезинформационному центру Разведупра, которое фабриковало передаваемые иностранным штабам военные, политические и экономические осведомительного характера материалы"...

В записках перебежчика Стауница-Опперпута было столько поразительных сведений, что ему трудно было не поверить. Читая их, Кутепов испытывал бешенство и бесконечную горечь. Его обманули! Обманули, сыграв на самом душевном, что только есть у человека, - на его любви к родине. Ему приходила в голову обезоруживающая мысль: надо ли продолжать? На что надеяться, если у них нет ничего святого, если они всегда, когда будет выгодно, сменят обличье и обманут любого? Сегодня они выдают себя за русских патриотов, завтра предают православных, чтобы войти в доверие к Турции, послезавтра поднимают над пропастью андреевский флаг, чтобы заманить всех простодушных.

Когда он посылал своих людей в Россию, он верил, что там всегда найдется опора. Но где же она?

Раньше был православный царь и христианская держава, в которой ни одному народу не было тесно. Кутепов со своими молодыми офицерами надеялись, что русская душа сохранила память о прежних формах своей государственной жизни. Он понимал, что без народной памяти и государственной защиты душа исчезнет, превратится в оболочку любого "Треста", какой только ни создадут власть предержащие. И его охватывал ужас пострашнее того, испытанного на японской войне, когда он карабкался по скользкому склону сопки под ружейным огнем. Сейчас на него дохнула преисподняя.

Как быть?

В том жестоком апреле 1927 года Кутепов пишет в письме

капитану Келлеру: "Генерал Витковский сейчас в Ницце в поисках работы... Генерал Туркул в Софии, живет, как и громадное большинство русских, в очень тяжелых материальных условиях, но отнюдь не падает духом..." (Разрядка наша. - Авт.)

В начале года в поле зрения Кутепова попала аналитическая работа "За нас ли время?", отложившаяся затем в его архив. Ее идеи он не мог не разделять. Более того, не исключено, что она и была написана в результате своеобразного социального заказа, идущего от генерала. Она отвечала на этот жгучий вопрос "Как быть?"

"Общие соображения. "Время работает в нашу пользу", - говорят многие противники большевиков.

Действительно, раз мы признаем, что коммунистический режим осужден историей и коммунистические принципы по меньшей мере вредоносны для здорового развития любого государства или народа - мы должны допустить, что в общем время работает против нынешних коммунистических владык России.

Однако надо глубоко проанализировать эту мысль, а не успокаиваться, как это делают многие, на том, что время само сделает все за нас. Такой фаталистический оптимизм был бы вдвойне неправильным. Во-первых, политика вечного выжидания и складывания рук у тех, которые должны и могут быть активными борцами с коммунистическим строем в России, уже сама по себе является фактором в пользу этого строя. Во-вторых, из того положения, что время действует не в пользу большевиков, неправильно делать вывод, что оно действует в пользу национальной России. Напротив, надо ясно осознать, что пока коммунисты у власти, время действует против них и против России".

В этой статье выражались кутеповские взгляды на историю. Он должен был бороться дальше, несмотря на страшный удар, нанесенный ему Лубянкой. Пусть против него стояла неодолимая сила. Пусть он был обречен. Пусть "Трест" запятнал его имя. Но он жив, и его цель ясна.

Герой Галлиполи не мог опустить флаг.

На Кутепова накатила тяжелая волна критики, целью которой было задвинуть его в дальний угол эмигрантской жизни. Резко выступил Врангель, всегда враждебно относившийся к "Тресту". Он писал генералу Барбовичу: "С Кутеповым я говорил совершенно откровенно, высказав ему мое мнение, что он преувеличил свои силы, взялся за дело, к которому не подготовлен, и указал, что нравственный долг его, после обнаружившегося краха его трехлетней работы, от этого дела

отойти. Однако едва ли он это сделает. Ведь это было бы открытое признание своей несостоятельности. Для того, чтобы на это решиться, надо быть человеком исключительной честности и гражданского мужества".

Можно понять Врангеля и даже его преувеличение насчет честности и гражданского мужества. Околпачили! Возможно, про себя он называл бывшего подчиненного словами и покруче, чтобы заглушить горечь.

Кутепов же стоял как скала. Он должен был ответить террором в России.

Мария Владиславовна была готова сделать первый шаг и погибнуть, но только не дать белому делу умереть. Именно погибнуть. У нее уже не осталось никаких иллюзий. Она прекрасно уяснила, что апатия советского обывателя в национальных вопросах и страх исключают всякие надежды на его поддержку. В лучшем случае с тобой согласятся и уклонятся от борьбы, в худшем - предадут. И некого здесь винить. С каждым днем ожидания Россия уходит все дальше и дальше.

Кутепов и Мария Владиславовна больше не обольщались ничем.

Как когда-то в начале германской войны раненый ротный командир, чтобы не сдаваться в плен, приготовил револьвер для прощального выстрела, так и они, генерал и женщина, были готовы...

Террор. Снова ГПУ руководит белыми боевиками. Гибель Марии Владиславовны. Голова императора Николая II. Охота на Кутепова

Наверное, во время молитвы или ночью, когда Кутепов оставался один, он спрашивал Бога, как могло получиться так, что великая христианская православная держава ушла, подобно Атлантиде в морскую пучину, и остался только бестелесный образ, мерцающий во тьме, словно тлеющие угли. Ответа не было. И вместе с тем он знал, что его родина не мертва, а живет, живет и в его душе.

Он мог повторить слова Марии Владиславовны: "Мы погибнем, но за нами придут другие. Наше дело не умрет вместе с нами".

Кутепову пришлось вынести унижения и упреки, которыми его осыпали великий князь Николай Николаевич и особенно Врангель. У Николая Николаевича было совещание, все волновались, а у хозяина даже случился небольшой удар. Но не все это заметили, Врангель и нефтепромышленник Гукасов продолжали обсуждать положение. Кутепов был подавлен. Врангель прямо бросил ему, что не считает его пригодным для работы в России.

Казалось, престиж Кутепова окончательно упал. Что ему оставалось? Без финансовой поддержки вся его борьба заканчивалась. Собственных сбережений он не накопил. Оставалось найти себе посильную работу. Он уже присмотрел себе столярную мастерскую, куда можно было наняться рабочим.

Черной работы он не боялся. Мало ли офицеров прошли через это? В конце концов, он ничем не лучше сотен русских шоферов или слесарей. Но прекращать борьбу?!

На совещании у великого князя Кутепов покорно просил не оставлять его моральной поддержкой, буквально умолял. Разве можно прекращать борьбу? На идее борьбы держалась лучшая часть эмиграции. Ради них Кутепов не чурался заниматься попрошайничеством, выпрашивая у состоятельных по какой-нибудь тысяче франков, чтобы сразу употребить их на дело борьбы.

Между тем обстановка для России была тревожная. Англия, Франция, Польша хоть и в разной степени, но были едины в намерении содействовать присоединению Украины к Польше.

Пользуясь тяжелым положением Русской православной Церкви, Ватикан усилил свою пропаганду по всей России. Кроме того, Англия стремилась укрепиться на Кавказе и Туркестане, ставя своей целью их отделение от СССР.

В справке РОВСа "Работа иностранных государств против России" указывалось: "Всюду проводя свою политику ослабления и "балканизации" России, Англия поддерживает сепаратистские устремления, так английские агенты работают вместе с сепаратистами Украины и казачьих областей (Дон, Кубань, Терек)...

Со своей стороны Японии осторожно направляет свои щупальцы на Дальний Восток, Финляндия не прочь присоединить Карелию, а Румыния - Одессу...

Кроме того, не надо упускать из вида, что престиж национальной России сглаживается из памяти ее друзей. Условия момента заставляют иных (например, Францию, Югославию и др.) искать новых друзей. Образуются новые связи, новые союзы, с которыми возрожденной России придется считаться и которые не всегда выгодны с ее точки зрения.

Разрешен, разрешается или назревает к разрешению ряд вопросов, в которых интересы национальной России, если она к тому времени будет отсутствовать, могут быть болезненно нарушены. Вопрос о Черноморских проливах, столь существенный для России, уже разрешен в отсутствие национальной России. Назревают и другие вопросы, например, Польско-Литовский, Германо-Польский, Галицийский и т. д., намечаются новые экономические и политические комбинации, чрезвычайно интересующие национальную Россию, например, таможенный союз Латвии и Эстонии, проект "Балтийского пакта" и т. п. Отдельно следует упомянуть о дальневосточной и в частности китайской политике, которая может поставить национальную Россию перед лицом совершенно нового и, может быть, крайне невыгодного для нее положения. С каждым годом продолжения коммунистической власти в России международная обстановка может делаться менее и менее благоприятной для национальной России.

Выводы. Вывод из всего изложенного один: каждый лишний год господства большевиков затрудняет возрождение Единой, Великой России. ...время само по себе работает одновременно и против коммунистов и против Великой России. Но история не просто течение времени - она продукт многочисленных факторов и, главным образом, продукт свободных человеческих сил. Чем яснее мы убедимся, что одно течение времени, погубив большевиков, не возвратит нам возрожденной России, тем с

большей энергией мы будем стремиться воссоздать ее сами, но не в пассивном ожидании, а в активной борьбе с ее поработителями".

Склонив голову, Кутепов проделал путь в белую Каноссу. Врангель не простил его ошибок, но большинство смягчилось. Кутепова нельзя было отбросить, за ним стояли тени героев Ледяного похода, Добровольческой армии и Галлиполи. В конце концов, за ним стояла та грозная и обаятельная сила самопожертвования, которую не могли заслонить никакие "Тресты". Пусть Великая Россия исчезла, пусть Советская встала на ее место, раздавливая церкви и русскость во имя Интернационала, но оставалась последняя крепость национальная Россия. С Кутеповым.

История еще не кончилась.

Мария Владиславовна и Опперпут готовили планы новых походов и массового террора. В них они уже доходили до предела, собираясь использовать газы и бактериологическое оружие, стравливать экспорт советских товаров, как будто чума, холера, тиф, сибирская язва, которыми предполагалось заражать "коммунистические дома, общежития войск ГПУ и т. д.", могли каким-то образом не затронуть ни в чем не повинных обывателей.

Вдохновителем этого плана был Опперпут. Его собственные предложения были еще страшнее, чем у Марии Владиславовны, и должны были поставить самих террористов под сильнейший удар: "После первых ударов по живым целям, центр тяжести должен был быть перенесен на промышленность, транспорт, склады, порты и элеваторы, чтобы сорвать экспорт хлеба и тем подорвать базу советской валюты... Я не сомневаюсь, что даже частичное отравление 3-4 пароходов, груженных советским хлебом, независимо от того, где это будет сделано, удержит солидные фирмы от покупки советского хлеба... То же самое можно будет попытаться сделать с другими советскими экспортными съестными продуктами, например, с сибирским маслом. При введении своих людей в грузчики, портовые и таможенные служащие, это будет сделать нетрудно. Этим был бы нанесен советам удар почти равносильный блокаде... При наличии моторного судна можно было бы устроить потопление долженствующего скоро возвращаться из Америки советского учебного парусника "Товарищ".

При медленном его ходе настигнуть его в открытом океане и потопить так, чтобы и следов не осталось, не так уже было бы трудно. А на нем ведь исключительно комсомольцы и коммунисты. Эффект получился бы потрясающий. Потопление советских нефтеналивных судов могло бы повлечь к нарушению

контрактов на поставку нефтепродуктов и колоссальные неустойки...

...Для уничтожения личного состава компартии придется главным образом применить культуры микробов эпидемических болезней (холера, оспа, тиф, чума, сибирская язва, сап и т. д.). Этот способ, правда, наиболее безопасен для террористов, и если удастся наладить отправку в Россию культур болезней, то один террорист сумеет вывести в расход сотни коммунистов..."

Это была война на уничтожение живой силы. И трудно было заподозрить Опперпута в двойной игре, каковую на самом деле он вел. Но в конце концов не Опперпут определял суть борьбы, он мог сочинить и что-нибудь пострашнее, чтобы войти в доверие к Кутепову.

Кутепову предстояло решать, надо ли рисковать своими немногочисленными боевиками.

Один из ровсовцев, побывавший вскоре в России, проанализировал перспективы террора и сделал вывод: "Итак, почти гарантированно, что при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не вернутся. Кадры надо все время пополнять и начинать всякий раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из выразивших желание идти на террор сознает, на что идет, и к смерти готов, но весь вопрос в том, целесообразна ли будет их гибель, принесет ли она пользу делу освобождения Родины... (разрядка моя. - Авт.) Раньше я верил в осуществление такого систематического террора, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечу - "нет, не целесообразно". Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т. д. немногочисленными, и еще вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устрашим, общественное мнение взволнуем, но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя... Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для сов. власти, и результаты не оправдают потерь... Обращаю Ваше внимание еще на одну деталь: именно по этому руслу и пыталось отвести наш террор ГПУ. Вспомните Опп. и его пинкертоновские проекты с публикациями в газетах и т. д.".

Да, план Опперпута был приманкой. Исполняя его, должны были погибнуть кутеповские боевики. Они не боялись смерти, и смерть нашла их.

В ближайшие месяцы погибли Юрий Петерс, Александр

Сольский, Сергей Соловьев, Александр Шорин, Николай Строевой, Василий Самойлов, Александр Болмасов. Навеки успокоилась и Мария Владиславовна.

По официальным сообщениям советской печати, Опперпут был убит в перестрелке.

Десятого июня 1927 года опубликованы сведения о неудачной попытке Захарченко-Шульц, Опперпута и Вознесенского (Петерса) взорвать жилой дом по Малой Лубянке. В этом доме жили чекисты, о чем, конечно, газеты не писали.

Не писали они и о том, что за боевиками велось наблюдение, один из трех был чекистом. Кто? Мария Владиславовна отпадает. Двадцатидвухлетний Юрий Петерс, выпускник гимназии св. Алексия финского городка Перкиярви, тоже не подходит на роль сотрудника КРО. Остается Опперпут.

Три года спустя стал невозвращенцем резидент ОГПУ в Турции Агабеков, он-то и подтвердил, что в тройке боевиков был чекист.

Но Мария Владиславовна перепутала мудрецам с Лубянки все карты: она все же не вполне доверяла Опперпуту и потому потребовала исполнить явно незапланированную диверсию. Еще за кордоном она говорила, что как только ее подозрения подтвердятся, она застрелит Опперпута.

Ему пришлось организовать взрыв в общежитии чекистов, размещавшемся в бывшей гостинице "Бристоль" на Малой Лубянке. Вход туда не охранялся. Опперпут ночью прошел в здание, заложил мощный взрывной заряд и на некотором расстоянии от него расставил небольшие мелинитовые шашки, затем полил пол керосином. Мелкие заряды должны были помешать обезвредить основной.

Опперпут поджег бикфордов шнур и выбежал из дома. В подворотне его ждала Мария Владиславовна.

Ударил хлопок от взрыва мелинитовой шашки. И все. Больше взрывов не было. Проснувшиеся от шума чекисты сумели вырвать бикфордов шнур из толового заряда.

Надо было уходить.

В пылу Мария Владиславовна не подумала, почему Опперпут привел ее к общежитию рядовых чекистов, а не к домам руководителей ГПУ, адреса которых он должен был знать.

Тройка должна была вырываться из Москвы, ничего по сути не совершив. На ее след преследователи вышли только в Дорогобуже. Собственно, их было уже не трое, в двое. Опперпут исчез. Скорее всего, Мария Владиславовна застрелила его, не простив неудачи.

Восемнадцатого июня автомобиль штаба Белорусского

военного округа, направлявшийся из Витебска в Смоленск, возле местечка Рудня был остановлен Марией Владиславовной и Петерсом. Шофер отказался их везти и был сразу убит. Помощник шофера довез боевиков до станции Дретунь, отстоящей от Рудни на 207 километров по железной дороге. Граница была уже близко. Неподалеку от Полоцка в трех десятках километров проходила желанная разделительная полоса, - в данном случае между жизнью и смертью.

Здесь судьба в последний раз улыбнулась Марии Владиславовне, не позволив ей попасть в руки красноармейцев. Граница была отрезана лагерями и полигонами красноармейцев. Мария Владиславовна и Петере шли лесом, неожиданно вышли на полковую хлебопекарню, и какая-то женщина, увидев их, закричала. Мария Владиславовна выстрелила, попала ей в ногу. Они побежали. Но куда бежать?

Все, Мария Владиславовна. Спереди и сзади русские люди с винтовками, враги ваши.

Она подняла револьвер к виску, крикнула им:

- За Россию! - и выстрелила.

Петерс молча выстрелил себе в рот.

Теперь Мария Владиславовна была свободна от всех преследований, от всех мучений.

Маленькая девочка на лошади, барышня-смольнянка на балу, молодая жена в подвенечном платье, вольноопределяющийся под германскими пулями, кавалерийская атака в Северной Таврии... - все летит, летит и гаснет навеки.

Дальше террор еще продолжается какое-то время по инерции. Группа Ларионова устроила взрыв в Ленинградском партклубе, было ранено 26 человек. Затем была направлена одна, а сразу за ней и другая группа боевиков. Они попали в руки чекистов.

В июне в Варшаве был убит девятнадцатилетним юношей Борисом Ковердой советский посол Войков, бывший ровно десять лет назад комиссаром Уральского совета во время убийства Николая II и его семьи.

Больше в 1927 году заметных террористических актов не было.

На следующий год Кутепов посылал боевиков организовать покушение на Бухарина. Ничего не вышло.

Этот год был в России мучительным для многих, ибо крестьяне перестали поставлять зерно в необходимых объемах и против них впервые после военного коммунизма стали применять насилие.

После двух предыдущих урожайных лет крестьяне наконец ощутили уверенность. Хлеб давал им силу для того, чтобы

пережить инфляцию и надвигающуюся угрозу войны. (В мае 1927 года Великобритания разорвала отношения с СССР, в России шли разговоры о близкой войне). В шатком советском мире крестьянину можно было уповать только на себя. И он становился врагом властям, кулаком, с которым надо бороться.

Крестьянин оказался не готов к социализму. Ему не было никакого дела до мировой революции, до индустриализации, до построения социализма в одной отдельно взятой стране. Хотя сталинский лозунг "социализм в одной стране" воспринимался на Западе как скрыто националистический, он вскоре должен был раздавить русских в железных жерновах радикального переустройства.

В этом железном панцире, медленно истекая кровью от непосильной тяжести, Россия поднималась загадочным исполином.

Из Парижа трудно было все разглядеть в деталях, но в общем вырисовывалась страшная картина: начиналась новая война большевиков со своим народом. Как говорил Сталин на собрании актива Ленинградской партийной организации 13 июля 1928 года: "Надо было прежде всего ударить по кулакам и спекулянтам, взвинчивавшим цены на хлеб и угрожавшим стране голодом... пустить в ход чрезвычайные меры". Через год он ответил сам себе на пленуме ЦК: "А что в этом плохого? Почему нельзя иногда, при известных условиях, применять чрезвычайные меры против нашего классового врага, против кулачества?"

Старая Россия с ее общинным миром, который начал гибко реформировать Столыпин, на этот раз должна была погибнуть. Чтобы возродиться - в чем? Без своих церквей, без православного царя, без чувства, созвучного ощущению вечности. Народ должен был превратиться в топливо государственной машины.

Но несмотря на весь ужас происходящего эксперимента над живыми людьми, оставались неизменными две вещи - национальные традиции русских и геостратегические интересы государства. В этом СССР должен был идти за Российской империей.

И для белой эмиграции эти два понятия являлись бесспорными. Поэтому ее участие в борьбе с Москвой было не только в прямом смысле (через ГПУ) самоубийственным, но и концептуально сомнительным. Если ее английские сподвижники задавались вопросами, как наилучшим образом уязвить Россию, и отвечали: "Там, где можно из состава СССР вычленить (отделить) области, которые не являются чисто русскими", то нетрудно представить, что испытывали при этом Кутепов или евразийцы.

Евразийцам было легче психологически, ибо они не несли

несбрасываемого груза гражданской усобицы. Они трезво смотрели на быстро сложившийся союз Германии и России, как на естественный противовес Антанте, и воспринимали экономические и военные связи двух стран так, как и должно.

Кроме того, они прекрасно понимали, что культурная разница между Россией и Европой - явление постоянное. Н. С. Трубецкой выразил это предельно ясно: "Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской.., которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие превратить в культуры второго сорта".

Они также знали, что интересы Европы вполне разделимы и что Германия исторически тяготеет к России и противостоит Англии.

Германскую точку зрения ярко высказал знаменитый адмирал Альфред фон Тирпиц: "В этом несчастье (незаключение мира с Россией в 1916 году. - Авт.) повинно также и тяготение нашей интеллигенции к западной культуре. Сама по себе эта культура является односторонней, ибо мы уже давно усвоили образованность Запада, а его нынешняя однообразная утилитарно-капиталистическая массовая культура, быть может, менее способна оплодотворить германский дух, нежели упрямый идеализм русских и Востока. К тому же здесь дело шло не о культуре, а о политике; чтобы мы могли усилить и развить германскую культуру, нам требовалась прежде всего политическая независимость от западных держав. Никакая политика, стремившаяся к образованию окраинных государств, не могла хотя бы приблизительно гарантировать эту независимость столь же крепко, как всемерное поддержание согласия Германии с великими неанглосаксонскими державами Востока... Я не знаю, найдется ли в мировой истории пример большего ослепления, чем взаимное истребление русских и немцев к вящей славе англосаксов".

Итак, вряд ли можно было найти различие между интересами Советской России и веймарской Германии, - во всяком случае, геостратегическими. Если вспомнить имперские времена, то лучшим образом, обрисовавшим это, была аллегорическая картина, подаренная Вильгельмом II Николаю П, - на ней были изображены два исполина, они опирались спинами друг на друга и глядели: один - на Запад, другой - на Восток.

Разрушение двух империй не нарушило взаимного притягивания.

Время шло, меняло политическую картину зарубежья. Умерли Петр Николаевич Врангель и великий князь Николай

Николаевич. Европа входила в новую эпоху, а мировая война, перекройка границ и разрушения великих европейских империй все сильнее окаменевали в сознании людей. И только у русских прошлое еще не отболело!

РОВС стал центром, Кутепов - руководителем белой России.

ОГПУ стал искать способы ликвидации генерала.

Мир неуловимо менялся. Уже поднималась Германия, рейхсвер строил в России авиационный завод Юнкерса, фабрику ядовитых газов и снарядный завод. Немцы потребовали очищения Саара от французских войск. В Китае продолжалась гражданская война. Президент США Кулидж предложил заключить международный договор об ограничении военно-морских флотов, но Япония потребовала особых компенсаций - от Англии ограничения вооружений морской базы в Сингапуре, от США отказа от укрепления Гавайских островов, а это было равнозначно ослаблению баз, на которые могли опираться англичане и американцы в случае войны с Японией.

Кроме того, Эстония и Латвия заключили договор о таможенном союзе, Италия ратифицировала договор о присоединении Бессарабии к Румынии. Российская империя все больше и больше забывалась.

Разве кто-нибудь в Европе всерьез вспоминал о том, что прибалтийские губернии России завоеваны Петром Великим в войне со шведами? Что юг России стал российским в итоге многовековой борьбы с Турцией? Что еще в 1920 году государственный секретарь США Кольби, когда Англия стремилась всячески содействовать отделению от России прибалтийских и закавказских земель, предупредил своею нотой, что Соединенные Штаты против разделения России?

И для белых новая география была все же реальностью, как бы горько ни было это признавать. Например, Мария Владиславовна Захарченко сообщала в октябре 1927 года, незадолго до гибели: "...Мне удалось с большим трудом попасть на "процесс 5-ти монархистов-террористов".

Обвинитель спросил Строева, давал ли он сведения в латвийскую контрразведку (благодаря помощи которой он проник в СССР) по приказанию генерала Кутепова. Строев ответил, что получил от генерала Кутепова приказание давать латышам за их услуги лишь мелкие сведения и прямо запретил сообщать то, что могло бы пойти во вред России (разрядка моя. - Авт.). После этого ответа волна скрытого сочувственного интереса пробежала по аудитории..."

Тем не менее мелкие сведения все же надо было давать!

Родина для них была в России. И смерть шла оттуда же. В

записках Бурцева, знаменитого охотника за провокаторами, раскрывшего агента охранного отделения Азефа, есть немало указаний на агентов ГПУ. Вот одно из них, относящееся ко времени, когда Кутепов уже бесследно исчез:

"Еще в 1929 году Якович хвастался, что ему ничего не стоит убрать Кутепова, но не было разрешения из центра. Разрешение это пришло позднее, и Кутепов был похищен.

С самого начала было ясно, что это дело большевиков. Эмигрантская печать указывала как на убийц на Гельфонта и Яковича с его женой. Но их власти не трогали и даже не допрашивали. Газеты описывали, как при свободных условиях уезжали из Парижа Гельфонт, а потом Якович".

В примечаниях Бурцева говорится:

"Якович Захар Моисеевич был официальным членом большевистского посольства на рю Гренель, позднее - помощник Паукера, начальника секретного отдела ГПУ. В 1936 году, 1 мая, был награжден орденом Красной Звезды за отличную организацию охраны на Красной площади в Москве. 2 мая в "Правде" была помещена фотография, где он снят совместно со Сталиным.

В 1937 году был расстрелян при ликвидации старших начальников ГПУ как "троцкист" и немецкий шпион.

Якович Александра Иосифовна одна из руководительниц убийства Кутепова. В конце 1937 года была расстреляна как "троцкистка" и шпионка".

Впрочем, в 1929 году Кутепов еще жив. Он с огромным вниманием следит за событиями на Дальнем Востоке. Там весной китайцы совершили несколько нападений на Китайско-Восточную железную дорогу, построенную при Николае II. Двадцать седьмого мая китайцы захватили советское консульство в Харбине, где находилась штаб-квартира КВЖД, арестовали служащих, изъяли документы. 10 июля была захвачена железная дорога со всеми сооружениями, закрыта советская торговая миссия, высланы все служащие с китайской территории.

Удар по КВЖД был не только унизительным, задевающим исторические чувства россиян (что значили исторические чувства в СССР?), но разрывал единственную связь с Владивостоком. Красная Армия должна была вступать в борьбу.

Два года назад, когда в Лондоне и Пекине были совершены налеты на советские учреждения и СССР стоял в шаге от войны, Кутепов ответил на очень важный для себя и всей белой эмиграции вопрос: надо ли поддерживать создание на Дальнем Востоке буферного государства?

"Надо высказаться ясно и определенно, что образование

буферного государства для национальной России было бы колоссальным ударом... Пусть лучше везде в этих местах стоит красная армия, чем какой-нибудь буфер под протекторатом Японии, ведь теперешняя красная армия будет потом русской национальной".

На сей раз Красная Армия дала сильный отпор китайцам, и, к гордости всей белой эмиграции, КВЖД снова стала советской. Гордились этим и РОВС, и ОГПУ, и Кутепов, и его будущие убийцы.

Но жить Кутепову оставалось считанные месяцы.

В начале января 1930 года из Москвы в Берлин прибыли бывшие полковники Попов и де Роберти. Они пригласили приехать в германскую столицу для неотложных переговоров Кутепова. Де Роберти в бытность генерала военным губернатором Черноморской губернии был при нем начальником штаба и после отъезда Александра Павловича на фронт совершил несколько злоупотреблений. Кутепов об этом помнил. Однако его положение, по-видимому, толкало его, несмотря на страшный удар, нанесенный ему "Трестом", идти на общение с прибывшими из России людьми. Поэтому дела де Роберти с присвоением денег за реквизированных для нужд армии и проданный спекулянтам табак и со взятками за разрешения на вывоз пшеницы в Грузию казались Кутепову малозначащими. С той поры миновало столько времени, что не стоило придавать прошлому решающего значения. Гости представляли антисоветскую организацию: Внутренняя Российская Национальная Организация.

Семнадцатого января Кутепов встретился с Поповым и де Роберти у них в гостинице. Они подробно расспрашивали его о денежных делах РОВСа, пытались выяснить, много ли получено средств. Деньги у Кутепова были, но он не собирался раскрывать свои тайны. Да, действительно ходят слухи о получении им свыше 10 миллионов франков из сумм, депонированных правительством Колчака в Японии. Но слухи бывают разные, не надо принимать их всерьез.

Попов и де Роберти торопили поскорее отправлять боевиков в Россию для подготовки восстания этой же весной и предлагали создать в Париже объединение, во главе которого должны встать рекомендованные ими лица.

Вот так просто и по-домашнему шла беседа трех русских.

На следующий день она продолжилась в ресторане на Доротеенштрассе. Там де Роберти, воспользовавшись кратким отсутствием напарника, предупредил Кутепова, что ВРНО - это ловушка чекистов. И еще: на Кутепова готовится покушение, оно состоится не раньше чем через два месяца.

Де Роберти оставлял впечатление запутавшегося человека, просил, помочь ему перебраться с семьей за границу, обещал содействовать в разоблачениях чекистских операций.

Можно ли было ему верить? Не стремился ли полковник усыпить бдительность генерала?

В бумагах Бурцева есть несколько страничек признаний агента ОГПУ, капитана белой армии Александра Николаевича Петрова. О своей службе в войсках Деникина и Врангеля он пишет так: "Я был очень энергичным офицером, и, кроме пользы, я ей (белой армии. - Авт.) ничего не принес".

Он эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 года. Жена с трехмесячным ребенком осталась в Симферополе.

Петров прошел через голод, скитания, лагерь русских в Германии. Работал в каменоломнях, у бауэра, механиком "на карамельной машине".

Он кое-как устроился, но душа болела по оставленной семье. Писал в Россию, искал.

"Однажды в воскресение ко мне явился русский. - Вы будете господин Петров? - Да. - Вы были командиром поезда у генерала Май-Маевского? - Да. Вы вашу жену в России еще не нашли? - Нет. - Так вот приезжайте в Берлин, дав мне адрес. - Вам дадут адрес вашей жены, она вас тоже ищет.

Поговорив о посторонних делах, я его угостил за приятные новости, он уехал, я немедленно прибыл в Берлин по указанному адресу, адреса не помню, около Ноллендорплац, и попал в лапы большевиков. Первым встретился мне генерал Достовалов, начальник штаба генерала Кутепова, мы с ним по белой армии были знакомы.

- Не волнуйтесь, Александр Николаевич, садитесь и выслушайте меня. Россия в опасности, иностранцы хотят поделить ее между собой. Мы с вами были в белой армии, мы работали, т. е. воевали в пользу Англии и Франции. Хорошо они приняли белых теперь за границей? Мы - офицеры Генерального штаба - 70 процентов остались в Советской России, создали красную армию, укрепили ее, выгнали из России англичан и французов. Остатки белых армий за границей будут иностранцами еще раз использованы против России. Я вас знаю как очень способного офицера. Вы должны работать с нами. Вы нам очень нужны".

Петрова завербовали, сыграв на его патриотизме и привязанности к семье. Это был почти безотказный способ вербовки. Он проработал на Лубянку несколько лет, внедрился в белогвардейские организации, но в конце концов во всем признался и уехал с семьей, которую чекисты выпустили, в

Бельгийское Конго, подальше от их длинных рук.

Петров ускользнул со всеми своими грехами. В Африке ни о каких ужасных чекистах не слышали.

О генерале Достовалове, который так убедительно вербовал капитана Петрова, есть в архивах ОГПУ немало документов. Один из них, подписанный Меером Трилиссером, заместителем председателя ОГПУ Менжинского, гласит: "Достовалова не трогайте. Он через посредника работает по нашему поручению, связи его нам известны и выгодны".

И таких Петровых и Достоваловых было, надо полагать, достаточно много в распоряжении иностранного отдела ОГПУ. Где пролегала в их душах граница между страхом и служением патриотическому долгу? То один господь Бог ведает.

Поэтому дерзкие высказывания сотрудника советского посольства во Франции Яковича о том, что ему ничего не стоит убрать Кутепова в любой момент, были суровой реальностью.

Если зажечь летней ночью лампу у открытого окна, то на яркий свет налетит столько мошкары и мотыльков, что их число, пожалуй, можно сравнить с числом агентов Москвы, работавших в белогвардейских кругах.

Когда в 1937 году был похищен преемник Кутепова на посту председателя РОВСа генерал Евгений Карлович Миллер, было сразу выяснено благодаря предусмотрительности самого Миллера, оставившего записку, что непосредственным участником похищения является генерал Скоблин, доблестный первопоходник, командир Корниловского полка.

Скоблин был женат на певице Плевицкой. Плевицкую финансировал Марк Эйтингтон, брат которого в свою очередь торговал в Берлине и Лондоне советской пушниной.

О вербовке Скоблина бывшим его однополчанином, чекистом Петром Ковальским известно из современных публикаций, что она произошла уже после похищения Кутепова. Однако при допросе на судебном процессе Плевицкой бывшего советника советского посольства, ставшего невозвращенцем в 1929 году, Беседовского выяснилось, что деятельность белых организаций освещается изнутри. Главный осведомитель - близкий Кутепову человек. Его фамилию Якович не назвал. Сказал только, что это генерал, женатый на певице.

Есть все основания считать, что Скоблин стал работать на советскую разведку еще при жизни Кутепова. Официальная же вербовка с написанием заявлений произошла позже, когда Скоблин был уже полностью в руках чекистов.

Вербовка тоже происходила по патриотическому направлению с призывом служить русскому народу, а не его

врагам. Эти слова, или примерно эти, генерал уже слышал и ранее от своих знакомых евразийцев, которые неспроста дали ему прозвище Твердев.

Современная публикация, несмотря на явное стремление "спрямить линию", свидетельствует: "Кутепова Иностранный отдел ОГПУ не без оснований считал мозгом РОВС, главным генератором идей и бесспорным вождем эмигрантского офицерства. РОВС во многом держался на его энергии, инициативе и личном авторитете... Похищение Кутепова позволяло агенту советской разведки утвердиться в штабе РОВС".

Итак, похищение Кутепова было бесспорным условием плодотворной агентурной работы Скоблина.

Вернувшись из Берлина, Кутепов не забыл предупреждения де Роберти, хотя и отнесся к нему фаталистически спокойно. Наступило Рождество. На крещенский вечер дома у генерала решили гадать. Один из гостей предложил Кутепову задумать, что тот желает. Александр Павлович усмехнулся и сказал, что задумал.

Гость зажег свечу и поднял над огнем сжатый кулак. Потом выбросил из кулака кости на разрисованный китайской тушью лист бумаги. Что он увидел? Гадальщик медленно, словно ему было трудно говорить, произнес:

- Это будет так неожиданно, так быстро, так ужасно...

Наступило молчание. Никто не знал, что загадал Кутепов, но все почувствовали, что в предсказании таится что-то страшное.

Накануне исчезновения Кутепов разговаривал с сослуживцем и предупредил его, что утром пойдет в Галлиполийскую церковь на панихиду по генералу Каульбарсу. Уже уходя, он вдруг бросил странную фразу:

- А по мне, надеюсь, вы не будете служить панихиды.

Он предчувствовал смерть.

К смерти он относился спокойно, даже равнодушно, ценя в жизни не существование физическое, а честь и нравственную силу. Это был один из последних рыцарей, подобных Петру Аркадьевичу Столыпину, глядевшему прямо в лицо опасности и написавшему в завещании: "Похороните меня там, где меня убьют".

Отказавшись от охраны, Кутепов был обречен. Его объяснение, почему он не хочет привлекать бывших офицеров-галлиполийцев, нынешних парижских таксистов, полно скромности и хладнокровия. Ему было не по себе от того, что люди должны были из-за него терять дневной заработок.

В воскресенье двадцать шестого января 1930 года Александр Павлович Кутепов вышел из своей квартиры в доме номер 26 по

улице Русселе и направился в Союз галлиполийцев. Было десять часов тридцать минут. До Союза было недалеко, он должен дойти туда минут за двадцать.

На Кутепове было черное пальто. Он шел быстрым шагом, каким привык холить и каким мог пройти десятки километров.

На углу Т-образного перекрестка улиц Русселе и Удино возле госпиталя, который содержали монахи, стояло два автомобиля, один большой желтого цвета, второй - красное такси. Здесь же, вблизи желтого автомобиля, находился молодой полицейский.

Он впервые появился на перекрестке недели три назад и дежурил только утром по воскресеньям.

Кутепов поравнялся с желтым автомобилем, возле которого стояли двое рослых крепких мужчин в желтых пальто. Они окликнули его. Он остановился, оба приблизились к нему, потом схватили за руки и, несмотря на сопротивление, втолкнули в открытые дверцы машины на заднее сидение.

Полицейский спокойно наблюдал за схваткой, держа руки за спиной. Как только Кутепов оказался на сиденье, полицейский оглянулся по сторонам, вскочил на переднее сиденье, и в ту же секунду автомобиль дал ход и свернул на улицу Удино, налево. Тотчас вслед отъехал и красный.

Оказавшись в машине, Кутепов понял, что похищен и что спасти его может только чудо. Его крепко держали. Он стал вырываться, упираясь своими сильными ногами в пол машины и наваливаясь на одного из похитителей. Ему удалось высвободить правую руку. Он стал душить человека слева, сжав ему горло. Сзади его били по спине, по затылку. Он не чувствовал боли. Это был его последний бой за свою жизнь, за то, чтобы умереть с честью. Он уже было одолел человека слева, но в спину ударили ножом. И Кутепов ослабел, застонал. Борьба кончилась. Через минуту Александр Павлович был мертв.

Автомобиль мчался по улицам Парижа к пригороду Леваллуа-Перре. Тело Кутепова лежало между двух похитителей, поддерживавших его с боков. Казалось, генерал спит.

Желтый автомобиль беспрепятственно доехал до Леваллуа-Перре и скрылся в гараже одного из домов. Тело вытащили, обыскали, бесцеремонно переворачивая. Затем полицейский оттащил его в угол и завалил коробками.

Дело было сделано. Кутепов перестал быть кому-либо опасен.

Через несколько дней в гараже была вырыта яма, туда сбросили труп и залили бетоном.

"Приказ по Р. О. В. С.

27 января 1930 г.

26 января ген. Кутепов в 10 1/2 утра вышел из дому и более

не возвращался к себе.

Ввиду безвестного отсутствия председателя Р. О. В. С. генерала от инфантерии Кутепова я, как старший заместитель его, вступил в должность председателя Р. О. В. С.

генерал-лейтенант Миллер".

Несколько человек дали показания полиции, они видели различные эпизоды похищения, начиная с самого начала и до кратковременных остановок желтого автомобиля в уличном потоке. Эмиграция была убеждена, что следы ведут в советское полпредство.

Полиция известила все пограничные пункты, порты и аэропорты. Она заявила также, что на углу улиц Удино и Русселе никогда не было полицейского поста.

Парижские газеты возмущались действиями ОГПУ в центре Франции, призывали премьер-министра разорвать отношения с СССР.

Русский Париж кипел, чины РОВСа были готовы разгромить советское полпредство, но их сдерживало начальство.

Двадцать шестого января Францию покинул первый советник полпредства Аренс, осуществлявший связь с французской коммунистической партией, а через два дня - второй секретарь Лев Гельфанд.

Но может быть, Кутепов еще жив? Может быть, еще не поздно было перехватить советские торговые суда, на которых его могли увезти?

В храме святого Александра Невского на рю Дарю после литургии и общего молебна было отслужено архиепископом особое молебствие о здравии и избавлении от бед воина Александра.

Двенадцатого июля 1927 года в Хельсинки в возрасте двадцати семи лет умер белый офицер, выдающийся русский поэт Иван Савин. Его стихи знали наизусть многие молившиеся за спасение Кутепова. И кто-нибудь вспомнил посвященное братьям поэта Михаилу и Павлу стихотворение. Приведем его полностью.

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,
Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, звонко крикнул: "Что, начнем?"
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой стал и горло проколол гвоздем.
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: "Ложись",

Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном,
С чернильной звездочкой на сломанном плече,
Вдруг начал петь - и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...

Это были мольбы и о Кутепове, и о белом воинстве, и о всех нас, сегодня погружающихся в пучину вместе со своей Родиной.

Кутепова не нашли.

Спустя много лет был распространен слух, что он умер от сердечного приступа на советском судне вблизи российских берегов. Для чего это было сделано? Наверное, для того, чтобы тайна его исчезновения никогда не была разгадана.

Но тайна открылась. Как бы сама собой. Или по воле Господней.

Перед смертью от неизлечимой болезни старый депутат-коммунист Морис. Онель облегчил душу, рассказав французскому историку Жану Элленстайну о том, как его брат участвовал в похищении генерала, будучи тем самым переодетым лжеполицейским, и заколол Кутепова ножом, когда тот оказал бешеное сопротивление.

Поэтому понятен поспешный отъезд Аренса из полпредства, похожий на бегство: отсекались связи с французскими исполнителями.

Двадцать второго мая 1930 года корреспондент "Морнинг Пост" сообщил из Риги о расстреле де Роберти. Там тоже обрубались концы.

Кутепова не стало. РОВС без него стал ниже ростом, отяжелел. Скоблин получил возможность влиять на генерала Миллера, сдерживать борьбу в России.

Плевицкая пела свои знаменитые песни.

"Занесло тебя снегом, Россия, запуржило седою пургой, и холодные ветры степные панихиды поют над тобой".

А Советская Россия продолжала коллективизацию сельского хозяйства, выдавливая из крестьянства кровь и силы для выковывания могучего государственного механизма. Никто тогда не знал, что ее нельзя будет победить извне. И никто не знал, что она вправду обречена, как то предсказывали белогвардейские аналитики. Что победят ее только изнутри.

Впереди было похищение генерала Миллера, разоблачение

Скоблина и Плевицкой, бегство в СССР нескольких белоэмигрантов, в том числе и мужа Марины Цветаевой Сергея Эфрона. Еще впереди была блестящая финансовая афера с деньгами РОВСа, проведенная чекистом Владимиром Багговут-Коломийцевым, в результате чего превратились в дым семь миллионов франков.

Много чего было впереди у русских людей!

Девятнадцатый век с его дворянско-крестьянской культурой, с жизнью людей по законам веры и чести завершился. Разрушенный мир собрался заново, но в нем уже оставалось ничтожно мало места для веры и чести. Цену бытия стали определять жадность к материальным благам, технический прогресс и страх человека за свою жизнь. Лишившись веры и чести, человек стал смертным.

С гибелью Александра Павловича Кутепова, последнего рыцаря империи, стало до боли ясно, что у белой эмиграции нет реальных возможностей изменить судьбу Родины. Пресеклась историческая линия, связывавшая настоящее с будущим и прошедшим. Герой кутеповского детства, освободитель славян от турецкого ига генерал Скобелев еще раз умер в Александре Павловиче, чтобы никогда не возродиться в России. Умерли Суворов, Кутузов, Сергий Радонежский...

Реальная Россия, в советской броне, выжигала из своего народа память, не ведая, что через шестьдесят лет, когда надо будет отворить заржавевшие от крови исторические ворота, за ними не будет никакой настоящей опоры, только темный туман и глухие стоны.

(В 1930 году в Риге вышел в переводе на русский язык роман французского автора Клода Фелисье "Тайна похищения генерала Кутепова". Скорость издания была удивительной. Еще удивительнее - версия романа: похищение организовала английская разведка. Понятно, кому была выгодна эта версия.)

Для чего история предоставила нам возможность оглянуться на ее лабораторный эксперимент с либеральными реформами Врангеля и спасительной диктатурой Кутепова? Для чего Столыпин в проведении своей реформы был вынужден повернуть государственный руль к национальным интересам русского народа?

Но тогда, в тридцатые годы, еще многое казалось обнадеживающим. Евразийцы уповали на перерождение большевиков и готовы были на любые жертвы, даже на самопожертвование. Советская мощь представлялась величественной. Начальник управления сухопутных войск рейхсвера генерал Гаммерштейн в декабре 1932 года говорил

венгерскому посланнику в Берлине Кания:

"Все же, по моему мнению, Россия неприступна. И ее соседям придется горько. Русская армия и русские рабочие будут фанатично защищать свою родину. Я знаю, насколько велик рост заводов военной промышленности в Перми, но если они только подготовлены к пуску, то и тогда Россия при ее блестящем географическом положении непобедима. Ну какое для России это может иметь значение, если удастся на время захватить даже Москву".

Запись этого разговора советские агенты передали в Москву, где в Кремле Сталин и Ворошилов, должно быть, удовлетворенно улыбнулись, прочитав документ.

Но они не подозревали, что им придется еще взывать к русской православной культуре, повторяя в ужасных условиях войны мысль евразийца Флоровского о том, что "Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура".

А не начнет созидаться? Тогда значит, что Россия уже погибла.

Судьбе было угодно распорядиться так, что сын генерала Павлик Кутепов учился в русском кадетском корпусе в Югославии, а преподавателем закона Божьего там был отец Георгий Флоровский. Мальчик долгое время верил, что его отец жив и находится в России. Он даже говорил товарищам, что маршал Тимошенко - это и есть его отец, генерал Александр Павлович Кутепов. В голове мальчика слились в один образ белогвардейский генерал и советский маршал. (Сообщено А. М. Ермаковым.)

Когда-то Кутепов приводил как пример самоотверженности случай времен покорения Кавказа: в одном из боев путь артиллерийской батарее преградила скальная расщелина, на постройку моста не было времени, и тогда пушки выкатили по плечам и спинам солдат и офицеров. Несколько человек было раздавлено, но бой - выигран.

По Кутепову тоже прошло железное колесо.

И вот этот человек покинул земной строй. Из рассказанной истории уже никого не осталось в этом строю. Все перешли в строй небесный.

Прощайте, маленькие новочеркасские кадеты.

Прощайте, Кутепов.

Апрель 1992 года

Приложения

Белое движение в России: организационная структура

"Корниловский ударный полк (1-й Корниловский ударный полк). Создан приказом по 8-й армии (ген. Л. Г. Корнилова) 19 мая 1917 из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 авг. преобразован в полк (4 батальона). В авг. 1917 переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в окт-ских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 дек. 1917, а к 1 янв. 1918 собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На Таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 шт. при 4 пул.), 30 янв. 1918 смененная офицерской ротой (120 чел). 11-13 фев. 1918 в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в нач. 1-го Кубинского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симоновского. При выступлении насчитывал 1220 чел. (в т. ч. 100 чел. Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины мар. 1918 входил в состав 2-й бригады, с нач. июня 1918-2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 янв. 1919 входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 янв. 1919 насчитывал 1500 чел., в сен. 1919-2900 при 120 пул. (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 окт. 1919 имел 945 шт. при 26 пул. С 12 июля 1919-1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 окт. 1919 Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером.

Нес большие потери. Оборона Ростова в фев. 1918 стоила полку 100 чел. Из 18 чел. командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13.

В нач. штурма Екатерине дара полк имел 1000 шт. и пополнился во время боя 650 чел. кубанцев, после штурма осталось 67 (потери в 1583 чел.). Всего за поход он потерял 2229 чел. (теряя в отдельных боях от 6 до 60 чел., в двух наиболее крупных - под Кореновской и переходе через р. Белую - 150 и 200. За 2-й Кубанский поход полк трижды сменил состав, с начала его до 1 нояб. 1918 он потерял 2693 чел. В первом же бою под Ставрополем потерял до 400 чел., к 1 нояб. осталось 220 чел., а через несколько дней - 117. С 1 янв. по 1 мая 1919 в 57 боях в Донбассе полк также переменил полностью три состава: при средней численности в 1200 чел. убыло 3303, в т. ч. 12

командиров батальонов (2-й батальон потерял 6 и остальные по 3). 63 командира рот (3-я - 9, 9-я - 8, 1-я - 7, 6-я - 6, 8-я, 11-я и 12-я - по 5, 5-я и 10-я - по 4, 2-я и 4-я - по 3) и 683 офицеров, служивших в качестве рядовых. В Орловско-Кромском сражении потерял 750 чел. 31 июля 1920 в бою за Куркулак - 61 офицера и 130 солдат - четверть состава. В конце авг., после Каховской операции в полку осталось 107 чел.

Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) формы гербового щита, в середине которого - череп со скрещенными костями, над ним - дуговая надпись "корниловцы", внизу - скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятиями - пылающая граната и ниже даты "1917-18". Нагрудный знак представлял собой черный равносторонний крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым - серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу-вверх, рукоятью вниз), в центре - голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения золоченые).

Командиры: полк. М. О. Неженцев (до 31 мар. 1918), полк. А. П. Кутепов (31 мар. - 12 июня 1918), полк. В. И. Индейкин (12 июня - 31 окт.1918), полк. Н. В. Скоблин (31 окт. 1918 - лето 1919), полк. М. А. Пешня (лето - 14 окт. 1919), полк. К. П. Гордиенко (с 14 окт. 1919), шт.-кап.(подполк.) В. В. Челядинов (врид, янв., авг.1920), пор. (кап.) М. Дашкевич (врид, янв. фев., июль - 21 авг. 1920), шт.-кап.(подполк.) Д. Ширковский (врио, фев. 1920).

Командиры батальонов: полк. Булюбаш, полк. Мухин (убит), ее. Кисель, полк. Шкуратов, полк. Ильин, кап. Морозов (убит), полк. Молодкин, пор. Федоров.

Командиры рот и команд: подпор. Андреев (убит), шт.-кап. Заремба, кап. Миляшкевич (убит), шт.-кап. кн. Чичуа (убит), кап. Минервин (убит), кап. Пиотровский (убит), шт.-кап. Томашевский (убит), шт.-кап. Петров (убит), пор. Салбиев (убит), кап. Лызлов (убит), шт.-кап. Мымыкин (убит), ее. Милеев, пор. Дашкевич, пор. Потло, кап. Сапега, кап. Франц, кап. Трошин, пор. Бурьян, подпор. Пинский, кап. Натус (убит), пор. Редько и др."

Ставшая классической операция "Трест", проведенная чекистами против боевой организации белой эмиграции, возглавляемой генералом Александром Кутеповым, опиралась на сеть советских разведчиков за рубежом. Сегодня раскрыты имена некоторых из них.

Павел Дьяконов (187? - 1943)

Оказавшаяся после Гражданской войны в России за рубежом

белая военная эмиграция представляла собой пестрое образование. Белогвардейские офицеры и генералы (последних в эмиграции было около 800) ориентировались на Францию, Германию и, как ни странно, с образованием Союза ССР на обновленную Россию ведь большевики фактически проводили в жизнь "белую идею" - "за единую, неделимую". Такой была позиция генерала Павла Дьяконова, одного из когорты первого поколения советских разведчиков. Он был москвич, окончил Казанское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба, участвовал в русско-японской войне. В 1913 году Дьяконов выехал в Лондон помощником военного атташе. С сентября 1914 года он в сражениях первой мировой войны. В январе 1916-го полковник Дьяконов направлен во Францию командиром полка русского экспедиционного корпуса, там получил крест Почетного легиона, что давало ему право на французское гражданство, этим правом он потом и воспользовался. В начале 1917 года он вновь назначен в лондонский атташат и находился в Англии до 1920 года, затем переехал на жительство во Францию.

Разочаровавшись в ценностях белого движения и вождях эмиграции, Павел Дьяконов добровольно начал сотрудничать с советской разведкой. Генералу была отведена немалая роль в оперативной игре чекистов с Русским общевоинским союзом (РОВС) - головной организацией 100-тысячной военной эмиграции. Члены РОВС были сведены в полки, батальоны и готовились к военному походу на СССР. Ставший во главе организации генерал Кутепов засылал боевиков в Россию с целью совершения террористических актов против Сталина, Бухарина, Менжинского, Крыленко и руководства ОГПУ. Через своих информаторов советская разведка находилась в курсе замыслов белогвардейцев и вовремя пресекала их акции. Тем не менее террористам удалось устроить взрывы в общежитии ОГПУ на Лубянке, ленинградском Доме политпросвещения. С упорством и настойчивостью Кутепов продолжал осуществлять принятый в 1927 году в Шуаньи план по заброске боевиков в Россию.

По калькам операций "Трест" и "Синдикат" чекисты разработали оперативную игру с РОВСом. Белогвардейцам дали знать, что оппозицией в России образована "Внутренняя русская национальная организация" (ВРНО) из числа бывших офицеров. Генерала Дьяконова объявили представителем ВРНО в Париже. Вместе с направленным из Москвы агентом ОГПУ бывшим полковником Поповым он стал добиваться встречи с Кутеповым. Кутепов согласился встретиться с Поповым, но был категорически против участия во встрече Дьяконова, которому, как оказалось, он

не доверял, что негативно сказалось на развитии операции. Более того, потом Кутепов не поверил и полковнику Попову. Слушая его, Кутепов про себя решил, что это второй Якушев (главная подставная фигура операции "Трест") и занял иронически-выжидательную позицию. Операция изобиловала драматическими коллизиями. Вторая встреча агента ОГПУ Попова с Кутеповым состоялась в Берлине. Один из сопровождавших Попова бывших офицеров оказался предателем и раскрыл генералу истинное лицо Попова. Кутепов спешно выехал из Берлина в Париж под защиту контрразведки РОВС. Операция, казалось, была провалена, но к тому времени чекистами было принято решение о похищении Кутепова. По мнению современных историков, знакомых с документами, "наводил" на Кутепова именно генерал Дьяконов. Имея широкие связи, он рассказал о привычках Кутепова. Разведчики написали руководителю РОВСа записку: неизвестное лицо желало встретиться с ним по денежному вопросу. Чекисты из оперативной группы Серебрянского встретили Кутепова в условленном месте, бросили в автомобиль и доставили к борту советского парохода в Марселе. Было это 26 января 1930 года. Кутепов скончался от сердечного приступа в трюме корабля. В феврале 1930-го Я. Серебрянский был награжден орденом Красного Знамени "За выполнение особого задания советского правительства".

А генерал Дьяконов продолжал свою разведывательную деятельность. В законспирированное участие Дьяконова в акции в основном никто не поверил. Даже проницательный эмигрантский журналист Владимир Бурцев, в свое время разоблачивший секретных агентов охранного отделения эсера Азефа и члена ЦК большевистской партии Малиновского, клеймя другого агента ОГПУ генерала Скоблина, в своей книге "Большевистские гангстеры в Париже" фактически обеляет Дьяконова.

Генерал Дьяконов работал на несколько фронтов. Выполняя задания советской разведки, ввиду гитлеровской угрозы одновременно помогал французам, получил благодарственную грамоту от французского правительства. В 1940-м, во время немецкой оккупации Франции, был арестован фашистами. Некоторое время провел в тюрьме, но как советский гражданин (ему был вручен советский паспорт) освобожден. Дьяконов выехал в СССР.

Здесь, в духе того времени, по ложному доносу его арестовали. Вел себя стойко и был освобожден. В дальнейшем вместе с дочерью жил в Ташкенте и Кара-Су (Киргизия).

В ноябре 1942-го Павел Дьяконов выехал с эшелоном в Москву сопровождать груз для Красной Армии. Дорогой тяжело

заболел, на станции Челкар (Казахстан) его поместили в больницу, где 28 января 1943 года генерал Павел Дьяконов скончался.

Леонид Линицкий (1900-1954)

На театральном вечере 11 декабря 1935 года в Русском доме Белграда тайная полиция арестовала члена правления Русского общевоинского союза и приближенного главы Национально-трудового союза (НТС нового поколения) врача Леонида Линицкого. Прежде, при вскрытии сейфа на квартире лидера НТС, был задержан неизвестный. Не выдержав допроса, он назвал себя заместителем резидента советской разведки Ш., а в качестве резидента указал на Линицкого. Арест потряс эмигрантские круги. Из Парижа сообщали: "В связи с произведенным арестом в центре РОВС царит паника".

Кем же в действительности был доктор Линицкий?

Он родился в 1900 году на Украине. Его отец погиб в годы первой мировой войны, командуя кавалерийским полком. В начале памятного 1917-го Леонид Линицкий добровольно ушел на фронт. Здесь юношу ожидали разнообразные приключения: за антивоенную агитацию попал в штрафной полк, после бежал оттуда. В годы Гражданской войны сражался с белыми. Будучи разведчиком 13-й армии, раненый, попал в расположение белых. Строка из автобиографии: "18 сентября 1920 года я уже был в руках белых, которые первым делом раскроили мне прикладом череп и снова бросили лежать на месте". Затем белые подобрали его как своего, на пароходе отправили за рубеж. По тогдашним установкам сотрудники разведотделов, предназначавшиеся к заброске, имели соответствующий документ, который заделывался в каблук сапога. Такой документ имелся и у Линицкого. По окровавленной разорванной одежде тяжелораненого, распознать в нем красного лазутчика было невозможно, и Линицкий сошел за своего. Попав с белогвардейцами в Югославию, он старался держаться в стороне от их формирований: в разговорах с солдатами и офицерами вопросы "где служил?" и "кто командир?" были обычными, существовала угроза провала. Между тем Линицкий постоянно искал контакта с советской разведкой и в начале тридцатых годов установил связь с Москвой. Стал организатором советской разведывательной сети на балканском фланге РОВС, женился на ставшей ему верной помощницей по жизни женщине. Не прерывая нелегальной деятельности, окончил медицинский факультет Белградского университета. Приобрел частную практику, что в те времена считалось верхом благополучия. Но все это было лишь прикрытием для нелегальной деятельности.

Находившиеся у него на связи помощники осуществили ряд удачных вербовок, проникли в организации белогвардейцев.

Арестованного в результате предательства Линицкого держали в тюрьме, применяя к нему строгие меры воздействия. Однако никаких сведений о своей работе он не сообщил. На судебном процессе Центр рекомендовал Линицкому не связывать свою деятельность с работой советской разведки, а выступать под маской борющейся против террористической линии деятелей РОВСа самостоятельной политической организации, что Линицкий и предпринял. В результате суд признал его виновным лишь в проведении пропаганды в тюрьме и приговорил к двум годам заключения.

Линицкий полностью отбыл срок. Когда он подходил к концу, стало известно о готовящемся покушении на разведчика. Центр предпринял ответные меры: еще во время нахождения в тюрьме посольством СССР ему было вручено уведомление о принятии его в советское гражданство. Советская разведка переправила Линицкого в Москву.

Здесь он работал сначала в городской больнице, затем в военном госпитале. С началом Великой Отечественной войны его вновь пригласили на работу во внешнюю разведку. В 1944 году разведчика выбросили с парашютом на территорию Югославии. Среди партизан он встретил своих старых знакомых. Вместе с партизанами совершал тяжелые марши, одновременно добывая информацию и передавая ее в Центр. В апреле 1945-го вернулся в Москву. В 1950 году как разведчик-нелегал выезжал в Индию, а затем в Китай. Эта работа была прервана смертью.

Интересно, что даже в сталинско-бериевские времена поведение Линицкого в сложных ситуациях было признано безупречным. Однако в волне репрессий, когда разведчик находился за рубежом, погибла его мать.

Незримая паутина

Канцелярия генерала Кутепова помещалась в скромном доме на рю де Карм. Начальником канцелярии был князь С. Е. Трубецкой, ближайшим помощником по секретной работе - генерального штаба полковник А. А. Зайцев, секретарем поручик М. А. Критский.

Все отправки эмиссаров в Россию производил сам Кутепов. И далеко не все о его делах и встречах знали ближайшие сотрудники.

К организации Попова, возникшей якобы в недрах Красной Армии и величавшей себя "Внутренней Российской Национальной Организацией" (ВРНО), Кутепов относился настороженно. Слишком свежа еще была память о "Тресте". Непосредственных отношений с ВРНО у Кутепова не было. Близкий к Дьяконову генерал Корганов получал от ВРНО письма, адресованные Кутепову. Корганов вскрывал, проявлял и расшифровывал письма. Он доставлял Кутепову шифрованный оригинал и де-шифрант. При встрече оригинал уничтожался, а де-шифрант сохранялся у генерала Кутепова. Такой способ получения почты был исключением из правила - обычно Кутепов сам расшифровывал получаемую почту и сам шифровал письма, адресованные другим организациям и лицам. К скудной информации ВРНО он относился недоверчиво, так же относились к ней и его ближайшие сотрудники.

В октябре 1929 года Кутепов отправил в Москву для переговоров с ВРНО генерал-лейтенанта Бориса Александровича Штейфона, своего бывшего начальника штаба в лагерях Галлиполи. Поездкой Штейфона Кутепов остался доволен и благодарил его за выполнение данного ему поручения.

В начале января 1930 года из Москвы в Берлин приехали А. Н. Попов и Н. А. де Роберти. Побывавшему в Москве Штейфону они прислали письмо с приглашением Кутепову приехать в Берлин для неотложных переговоров. 9 января Штейфон вручил это письмо Кутепову. Но генерал ехать в Берлин не пожелал и вместо себя в тот же день отправил полковника Зайцева.

Встреча только с Зайцевым явно не устраивала москвичей. 11 января Корганов передал Кутепову письмо от них с повторным приглашением в Берлин. 14 января Зайцев получил от Кутепова краткое извещение:

"Дорогой Арсений Александрович, после Вашего отъезда К. получил письмо, в котором сказано, что друзья обязательно хотят

видеть меня, поэтому свидание назначено на 16, 17 и 18".

До приезда Кутепова Зайцев несколько раз встречался и беседовал с Поповым и де Роберти. Его поражало поведение москвичей, сорививших деньгами и пренебрегавших конспирацией. На недоуменный вопрос Зайцева, де Роберти ответил, что бояться ГПУ им не приходится, их считают лояльными гражданами СССР.

Удивляло Зайцева и появление в Берлине полковника генерального штаба де Роберти, человека с запятнанным прошлым. В 1918 году, когда Кутепов был военным губернатором Черноморской губернии, де Роберти был у него начальником штаба. После отъезда Кутепова на фронт, де Роберти остался в той же должности у нового губернатора, генерал-лейтенанта Волкова. Де Роберти злоупотреблял своим служебным положением. Реквизировав табак для нужд армии, он продал его и присвоил выручку. Вопреки запрету главнокомандующего ВСЮР генерала Деникина де Роберти, подделав подписи Волкова, выдал за взятку два разрешения на вывоз 9 тысяч пудов пшеницы в Грузию. За эти незаконные махинации он был в 1919 году приговорен военным судом к четырем годам арестантских отделений. В марте 1920 года побежденная красными белая армия оставила объятый пламенем Новороссийск. Вступившие в город красные победители освободили де Роберти из тюрьмы и приняли его на службу в Красную армию. И вот он в Берлине, как представитель ВРНО, настойчиво добивающийся свидания со своим бывшим начальником.

17 января вечером состоялась первая беседа Кутепова с Поповым и де Роберти в занимаемом ими номере гостиницы. Посланцы Москвы прежде всего интересовались финансовым положением Кутепова - и неспроста! В конце 1929 года в Париже ходили слухи о получении Кутеповым свыше 10 миллионов франков из сумм, депонированных в 1919 году в Японии правительством адмирала Колчака. Вполне естественно, ОГПУ опасалось усиления деятельности Кутепова в России.

Попов и де Роберти настоятельно требовали от Кутепова скорейшей отправки в Россию нескольких групп преданных ему офицеров для подготовки восстаний весной 1930 года. Кроме того, они навязывали Кутепову создание в Париже объединения, во главе которого должны были стать генерал Дьяконов и некто Н. Это предложение Кутепов решительно отклонил.

18 января Кутепов пригласил Попова и де Роберти на завтрак в ресторан на Доротеенштрассе. Воспользовавшись минутным отсутствием Попова, де Роберти просил Кутепова сохранить их разговор в тайне. Выслушав его, Кутепов не счел возможным скрыть его от Зайцева и рассказал ему об откровениях де Роберти.

Никакой подпольной ВРНО в СССР нет, и все это - инсценировка, устроенная деятелями ОГПУ. Посылая Попова и де Роберти в Берлин, помощник Ягоды чекист Евдокимов дал указания, что им следовало делать в Берлине. Де Роберти жаловался, что в России ему душно, он хотел бы с семьей выбраться за границу, и был бы весьма признателен Кутепову за содействие. Обретя свободу, он смог бы помочь белым своими разоблачениями. И под конец беседы де Роберти сообщил Кутепову самое важное: на него готовится покушение, но не раньше чем через два месяца.

В тот же день, поздно вечером, Кутепова и Зайцева московские гости принимали на широкую ногу у себя в гостинице. Рассказывая о перемещениях в ОГПУ, Попов и де Роберти проявили большую осведомленность о новых назначениях, некоторых чекистов величали фамильярно.

На прощание де Роберти вытащил из-под жилета помятую бумагу и вручил ее Кутепову.

Возвращаясь в Париж, под мерный стук колес, Кутепов и Зайцев подводили итоги только что виденному и слышанному.

- Вот видите, я же чувствовал, что вся эта история не без ГПУ, - сказал Кутепов.

- Да, это так. Но вот вопрос: предупреждая вас о предстоящем покушении, действовал ли де Роберти искренно по отношению к вам, как к своему бывшему начальнику? И не пытался ли он усыпить наше внимание на ближайшее время?

- Думаю, что это будет не весною, может случиться и раньше, - ответил Кутепов после минутного размышления.

20 января на рю де Карм Кутепов рассказал князю С. Е. Трубецкому и М. А. Критскому о поездке в Берлин. Упомянул об угрозе покушения весной. Передавая Трубецкому бумагу де Роберти, Кутепов сказал:

- Эта информация явно из мутного источника.

- Довольны ли вы поездкой в Берлин? - спросил Критский.

- Меня опять хотят втянуть в "Трест". Знаю, когда я стану опасен для большевиков, они меня уберут.

21 января Дьяконов посетил Мельгунова и сообщил ему о приезде Попова в Берлин. Он сказал, что вместе с Рыссом собирается в Берлин на свидание с Поповым. Побывал у Мельгунова и Рысс. Высказав свои сомнения, Мельгунов советовал Рыссу ехать на свой риск и не втягивать его в дальнейшие дела второго "Треста".

В Берлине Рысс остановился в той же гостинице, что и Кутепов. Попов и де Роберти снимали номера в другой гостинице, в которой обычно проживали командированные из Москвы советские служащие. Обе гостиницы были недалеко от советского

полпредства на Унтер ден Линден, и свидания парижан с москвичами были под наблюдением шнырявших тут агентов ОГПУ.

По поручению Попова и де Роберти Рысс посетил редактора газеты "Руль". До революции Рысс сотрудничал в петроградской кадетской газете "Речь", редактором которой был Иосиф Вениаминович Гессен. В секретном разговоре на квартире Гессена, на правах старого знакомства, Рысс передал редактору "Руля" пожелания и советы москвичей. Одним из них был настоятельный совет "Рулю" не пользоваться случайными сведениями о СССР и составлять информацию о нем по данным советской печати. В преподанном совете Гессен вполне основательно усмотрел попытку Москвы установить цензуру над вольным органом русской зарубежной мысли. Он отверг это предложение. А от встречи с Гессеном, предложенной Рыссом, москвичи уклонились, ссылаясь на возможность слежки.

В тот самый день в Берлин пришли вести об исчезновении Кутепова.

О своей поездке в Берлин Дьяконов не предупредил ни Кутепова, ни Зайцева. После возвращения из Берлина Дьяконов и Корганов продолжали переписываться с оставшимися еще там Поповым и де Роберти. Оба они были давними знакомыми Дьяконова: Попова он знал по школьной скамье в Петербурге, де Роберти - по русско-японской войне. Оба они заявляли Кутепову, что Дьяконов - их официальный представитель за границей.

8 февраля Попов и де Роберти выехали из Берлина в Москву. Зайцев получил от них два письма из Москвы, датированные 14 и 16 февраля. В последнем письме де Роберти просил прекратить с ним переписку и сообщал о том, что Попов скрылся из Москвы.

22 мая 1930 года корреспондент "Морнинг Пост" телеграфировал из Риги о расстреле де Роберти. Советская печать сочла за благо ничего не сообщать о судьбе Попова и де Роберти.

Заметание следов

Похищение генерала Кутепова долго волновало русскую эмиграцию. Газеты преподносили читателям разные гипотезы, сенсационные слухи, ссылки на таинственных осведомителей, намекавших на виновников похищения. Но в одном сходились все - в похищении принимал участие наводчик из среды белых, располагавший доверием Кутепова.

Вскоре после похищения французский журнал "Детектив" назвал фамилии Попова и де Роберти. "Детектив" указывал на полковника Зайцева как свидетеля, дававшего следственным властям показания о поездке Кутепова в Берлин. Действительно, Зайцев подробно изложил обстоятельства, предшествовавшие

похищению, и назвал властям Попова и де Роберти агентами ОГПУ. Некоторые газеты извратили показания Зайцева. По его адресу посыпались инсинуации и злостные намеки.

В защиту Попова и де Роберти как героев и борцов против коммунизма выступили в печати генерал Дьяконов и проживавшая в Париже сестра де Роберти Е. А. Миллер. Их стрелы метались в Зайцева. Вынужденный защищаться, Зайцев ответил большой статьей "К делу Попова и де Роберти", опубликованнной 26 июля 1930 года в газете "Возрождение".

В дело вмешался В. Л. Бурцев. Прославившийся в свое время как разоблачитель Азефа, Бурцев почитал себя непререкаемым авторитетом в делах провокации. Убежденный противник большевиков, к делу Кутепова он проявил живейший интерес и стал пламенным защитником Дьяконова, Попова и де Роберти. В седьмом номере своей изредка выходившей газеты "Общее Дело" он опубликовал анонимную статью "Ответ обвинителям" и письма генералов Дьяконова и Корганова. Дьяконов атаковал Зайцева девятнадцатью пунктами, злостно извращавшими факты. Зайцев ответил защитникам агентов ОГПУ. Полемика разгоралась, порой принимая уродливые очертания.

Утверждения Бурцева о том, что Кутепов был в руках агентов ОГПУ, поддерживавших связь с близкими к нему людьми, взволновали РОВС. Бросая обвинение против окружения Кутепова, Бурцев имени предателя, однако, не назвал.

Преемник Кутепова генерал Е. К. Миллер письмом от 25 июля просил Бурцева "указать имена и основания ваших обвинений".

Бурцев ответил немедленно, но от уточнений уклонился: "Лицо, дающее сведения об убийстве ген. Кутепова, говорит о связи с большевиками некоторых близких ему лиц, ныне связанных с вами". В этом же письме Бурцев сообщал, что от невозвращенца Беседовского, бывшего временного полпреда в Париже, бежавшего из полпредства в 1929 году, поступили сведения о предательстве лиц, находившихся в окружении Кутепова.

30 июля Е. К. Миллер вновь обратился с письмом к Бурцеву, требуя от него точных указаний на виновников. Он писал, что если такие обвинения не будут сняты, то им будут приняты "меры для защиты доброго имени своих сотрудников и всего Обще-Воинского Союза".

В тот же день Бурцев ответил Миллеру. Опять уклонившись от указания виновников, он предложил устроить у себя очную ставку полковнику Зайцеву с генералами Дьяконовым и Кургановым.

Е. К. Миллер ответил, что очные ставки - дело судебных властей, а не частного лица, каким был Бурцев. Возлагая ответственность на Бурцева за все, что могло быть им напечатано против Зайцева, Миллер угрожал привлечь редактора "Общего Дела" к судебной ответственности.

Бурцев, черпавший свои сведения из мутных источников, точного ответа не дал, да и не мог дать. Прав он был лишь в том, что "в деле ген. Кутепова было предательство".

Однажды доверившись Дьяконову, Бурцев не прекращал кампании против Зайцева. Газета "Возрождение", защищая Зайцева, решительно возражала против бездоказательных утверждений Бурцева. На страницах русских газет в Париже завязалась острая полемика, обмен письмами в редакцию.

"Возрождение" нисколько не сомневалось в принадлежности Попова и де Роберти к ОГПУ. А Дьяконов писал, что он "не только раньше никогда не подозревал Попова и де Роберти агентами ГПУ, но и сейчас твердо уверен, что они никогда ими не были и вели свою работу исключительно в целях спасения России".

Зная, что Дьяконов представлял "Внутреннюю Российскую Национальную Организацию" в Париже, "Возрождение" обвинило Дьяконова и Корганова в сношениях с большевиками через заведомых агентов ОГПУ.

В "Общем Деле" Бурцев назвал эти обвинения явной и сознательной клеветой. На суде в мае 1931 года "Возрождение" не смогло документально доказать свои обвинения против представителей второго "Треста". Суд признал газету виновной в диффамации против Дьяконова и Корганова. Существа проблемы суд не разбирал. Но русская общественность Парижа и газеты русского Зарубежья поддержки Бурцеву и его подзащитным не оказали.

Напрасно Бурцев разослал редакциям эмигрантских газет письма в защиту Попова, де Роберта, Дьяконова и Корганова. Ни "Последние Новости" в Париже, ни "Руль" в Берлине, ни "За Свободу" в Варшаве, ни "Сегодня" в Риге, ни другие газеты сомнительными материалами не воспользовались.

Возмущенный Бурцев написал брошюру "В защиту правды", обвинив зарубежную печать в заговоре молчания. Заговора не было. Да и не могли газеты столь различных направлений сговориться между собой. Просто все понимали, что поборник правды, поймавшись на удочку дезинформаторов, отстаивал выгодную ОГПУ ложь. А ложь была нужна для заметания следов, для укрытия действительного предателя, для перенесения вины с больной головы на здоровую.

Русская эмиграция в то время не знала, какими сведениями

располагала французская полиция. Один документ гласил так: "Полковник Дьяконов, советский агент, сильно замешанный в похищении Кутепова, обеспечил себе, путем вознаграждения, сотрудничество Бурцева, редактора "Общего Дела", которому он подсунул Колтыпина-Любского в качестве секретаря. Это Колтыпин и Думбадзе (чекист) внушили Бурцеву мысль о выдвижении обвинений против полковника Зайцева как участника похищения Кутепова".

Генерал Заварзин, член русской комиссии по расследованию похищения Кутепова, писал комиссару Фо-Па-Биде:

"В 1922 году, оставшись в Париже без средств, Дьяконов явился в парижское представительство советского общества "Аркос" (рю д'Асторг), центр которого находится в Лондоне. Он предложил свои услуги советскому правительству, и об этом предложении было сообщено в Лондон. В начале 1924 года, вызванный в Лондон как неспособный "работать" во французской среде, он получил задание наблюдать за белыми русскими эмигрантами. Он пользовался полнейшим доверием своих начальников, которые однажды поручили ему задание перевести из Лондона в Марсель сумму в 150 000 долларов для передачи крупному большевистскому агенту, отправлявшемуся в одну французскую колонию для ведения пропаганды".

В неопубликованном письме от 20 декабря 1930 года редактору "Последних Новостей" П. Н. Милюкову некий Кривенко сообщал:

"Будучи в период 1924-1925 годов в связи с большевиками, примерно в течение восьми месяцев, я знал, что в течение этого же периода генерал Дьяконов был не только в связи с ними, но, кроме того, пользовался значительно большим доверием, нежели я".

Позже французская служба <?> получила дополнительно сведения о связях Дьяконова с красными:

"Полковник Дьяконов с марта до июля 1937 года находился в правительственной Испании, где он посетил фронты у Мадрида и в Арагоне, разъезжая в автомашине советского консула. Дьяконов также встречался в Виши с графом Игнатьевым, перешедшим на сторону Советов". (Генерального штаба генерал-майор, граф А. А. Игнатьев был до Октябрьской революции военным атташе в Париже.)

В истинном лице Дьяконова, называемого в документах то полковником, то генералом, французские власти не сомневались. Но разоблаченным перед лицом эмиграции Дьяконов не был. Грянула вторая мировая война, и под ее шум Дьяконов исчез в неизвестном направлении. Носились слухи, что уехал к своим

хозяевам в СССР.

Борис Прянишников

ОСОБАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ, СОСТОЯЩАЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

АКТ РАССЛЕДОВАНИЯ

по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского Отдела и в городе Армавире

Лабинский Отдел Кубанского Края с городом Армавиром, в котором сосредоточено административное и военное управление всего Отдела, подчиненное назначаемому атаману Отдела, состоит из 67 станиц и хуторов, имеющих свой местный административный орган в виде станичного атамана и двух помощников по гражданской и строевой части, избранных казачьим населением; органом, направляющим хозяйственно-административную жизнь станиц, является станичный или хуторской сбор уполномоченных, избираемых от каждых десяти казачьих домохозяйств. Местная судебная власть принадлежит назначенным мировым судьям и избираемым казаками станичным судам.

Не казачье население станиц и хуторов, хотя бы и оседлое, не имело права участий в направлении административной деятельности местных властей и сборов. Население это носит на Кубани общее название "иногородний", - такими иногородцами считаются по преимуществу промышленники, торговцы, ремесленники, фабричные и заводские рабочие, затем собственники усадеб в станицах, ведущие хозяйство на наемных у казаков землях или нанимающиеся рабочими в казачьи земледельческие хозяйства и, наконец, крестьяне, приобретшие землю целыми товариществами. Число иногородних в станицах населением свыше 3000 жителей обычно значительно превосходит число казаков, в станицах, менее населенных, соотношение между числом казаков и иногородних обратное.

Неполноправие иногородних вызывало в их среде некоторое неудовольствие, но явно враждебное настроение иногородников к казачеству стало постепенно выявляться только после февральского переворота 1917 года. Этим появившимся антагонизмом между иногородними и казаками воспользовались искусно большевики, захватившие власть в Лабинском отделе в течение января и февраля месяцев 1918 года.

Руководители большевиков первоначально направляли своих агитаторов в наиболее крупные станицы; агитаторы проникали в не казачьи войсковые части и разрушали в них дисциплину, затем направляли свою деятельность на возбуждение иногородних

против казаков и, наконец, образовывали в станицах бесчинствующие шайки, с которыми местные власти по малочисленности своей не могли без помощи гарнизона справиться. Уличные бесчинства, грабительские налеты и убийства проходили безнаказанно: авторитет атаманской власти падал, большевистские банды росли. Терроризированное население отовсюду слышало, что сильная власть, способная сберечь его от опасности, только может быть создана советами и комиссарами.

По этому плану состоялся захват власти в станице Лабинской, в январе месяце в эту станицу прибыл большевик Рындин, зачислившийся рядовым в местном гарнизоне, весьма быстро он образовал около себя круг сочувствующих большевизму солдат; с ними начал он пьянствовать, буйствовать, грозить расстрелом мирных жителей, наконец, Рындин в один день беспричинно и бесцельно убил трех лабинцев, после чего, под охраною части гарнизонных солдат, приехал на вокзал, ограбил там кассу на 4000 рублей и уехал из станицы.

Казачьим всадникам, пытавшимся задержать Рындина, воспрепятствовали те же солдаты.

Рындина сменил иногородний из села Мостового - Мирошниченко, уголовный преступник, каторжник. Последний с помощью прибывшего с ним красноармейского отряда и местной подготовленной Рындиным войсковой части, а также использовав разожженную неприязнь иногородних к казакам, сместил лабинского станичного атамана, себя объявил комиссаром и учредил совет солдатских и рабочих депутатов.

Хотя агитаторы и энергично подготовляли почву для захвата большевиками власти, но все же вследствие устойчивости казачьего населения большевикам приходилось для захвата власти прибегать к красноармейской воинской силе. Например, в станицу Каладжинскую был введен отряд из 300 вооруженных красноармейцев, сместивших станичного атамана и назначивших двух комиссаров, по военным делам - бродягу Шуткина и по гражданским - босяка Клименко; митинговым порядком был тут же образован совдеп.

Станица Владимирская была внезапно окружена отрядами красноармейцев с орудиями и пулеметами, колокольным звоном население было собрано на площадь, где прапорщик Дахов, командир отрядов, потребовал признания советской власти. "Как было не подчиниться, говорил старый владимирский казак, когда на станицу смотрят орудия и пулеметы".

Как только власть в станицах переходила к большевикам, так немедленно назначенные комиссары отдавали приказание

отобрать оружие у казаков и арестовать наиболее видных влиятельных казаков и почти всегда местных священников. Аресты насчитывались десятками, в некоторых станицах сотнями; арестованные большими группами запирались в погреба, в тесные, холодные, темные, сырые погреба, им не давали горячей пищи, а стража постоянно издевалась над заключенными, входила неожиданно в погреба, щелкая ружейными затворами, била прикладами, колола штыками. После двух-трех дней часть арестованных выпускалась на свободу, часть задерживалась на недели, часть отправлялась в Армавирскую тюрьму, часть освобождали по внесении штрафа, разрешение дел было в ведении или трибунала, или военно-революционного суда, или комитета, состоявших при военном комиссаре, членами этих трибуналов, комитетов, судов бывали почти сплошь темные элементы из иногородних и красноармейцев. В числе арестованных в станице Лабинской был и бывший обер-прокурор Святейшего Синода Саблер, которого после двух дней ареста освободили из-под стражи, но затем Спустя месяца два Саблера арестовали и по требованию из Москвы выслали его туда.

Центральный орган, направлявший деятельность большевистских совдепов в станицах Лабинского отдела, находился в Армавире, там были комиссары разных наименований, но с распоряжениями армавирских властей столичные совдепы мало считались. Комиссаром юстиции было приказано упразднить всех мировых и станичных судей и избрать судей народных, требование упразднения было выполнено повсюду, а избрали народных судей только в 18 станицах из 67. Судьями оказались: портные, сапожники, слесаря, столяры и только один юрист Иван Семенович Козловский. С января по октябрь месяц судьями не разрешено было ни одного дела. Образовавши комиссариаты, совдепы, поставив в станицах вооруженные отряды, большевики принуждены были изыскивать средства оплачивать поддерживающих силою советскую власть. Финансовые мероприятия были всюду одни и те же: во-первых, контрибуции, для получения которых более состоятельные жители заключались под стражу и освобождались только по внесении наложенной суммы, и, во-вторых, так называемые обыски и реквизиции, в действительности же повальный грабеж частного и общественного имущества. Ограблению подвергалось казачье население, награбленное имущество разбиралось не только лицами, входящими в состав советской власти, но и отдавались наиболее безнравственной части иногороднего населения. Отнималось при этих грабежах все, начиная со скота, строевой лошади и кончая детской рубашкой; не найти в

станицах не разграбленного хозяйства казачьего. Обыски были не только повальными, но и повторяемыми, в один и тот же дом врывались грабители - обысчики по несколько раз, в одном случае дом подвергся 12 обыскам подряд. Наибольшее количество грабежей пришлось на сентябрь и начало октября 1918 года, когда большевики под давлением Добровольческой армии отступали из станиц Лабинского отдела. Угнана было тогда масса скота, лошадей, овец, увезены телеги, хлеб, сено; много награбленного погибло: скот падал от болезней, лошади калечились неумелой ездой, овцы терялись в горах, телеги с грузом скатывались с кручи. Многоценное, собранное многолетним казачьим трудом добро не пошло впрок грабителям.

Большевики не щадили ни школьного, ни церковного имущества. Парчою, похищенною из церквей большевистские всадники покрывали свои седла, был в станице Лабинской целый конный отряд Ковалева, сидевший на парчовых седлах.

Советские власти не только разграбили казачье имущество, но и разрушили казачье хозяйство, переделив землю казаков. Разделу подвергались все земли трудового казачества, собственноручно распахивавшего их. До большевистского передела на мужскую душу приходилось от 4 до 6 десятин земли. По новому разделу земли на все население станиц пришлось на душу кое-где по 1/2 десятины полевой и 1/2 десятины земли луговой, а кое-где пришлось по клочку земли, шириною 6 сажень и длиною 120 сажень. Лишили даже этих незначительных клочков вдов и семьи казаков, казненных, и казаков, ушедших в горы, обездолили их окончательно.

Урожай 1918 года большевики вооруженною силою заставили снять казаков-хозяев, а собранное зерно и солому поделили между всем населением. Работали постоянно под угрозою расстрела; в станице Вознесенской без всякой причины работавшие на поле казаки были подвергнуты расстрелу их пулеметами.

Разграблению подвергались кроме казачьих имуществ имущество торгово-промышленных предприятий, несмотря на то, что предприятия были взяты в ведение комитетов. Последние весьма быстро привели дела фабрик и заводов к полному расстройству, производительность труда пала до ничтожности, предприятия закрывались, среди рабочих, потерявших заработок, стало мало-помалу проявляться все большее и большее противобольшевистское настроение.

Наименее большевики вмешивались в школьную жизнь станиц, одно требование касалось воспрещения преподавания в школах Закона Божьего и второе требование было об

уничтожении книг с портретами царей не только русских, но даже и иудейских.

Многие церкви по месяцам стояли закрытыми, имущество из них расхищалось, священники почти все побывали под арестом в подвалах, священников избивали прикладами, издевались всячески над ними, несколько пастырей, любимых населением, были казнены большевиками. Запрещены были церковные браки, запрещены были погребения казаков, панихида по ним, введены разводы народными судьями. Отвергая многие церковные обряды, большевики в то же время принуждали священников совершать торжественные погребальные службы по убитым красноармейцам, которых и хоронили в церковной ограде. В станице Каладжинской комиссар Клименко, разведенный народным судьей, заставил священника повенчать его церковным браком с иногороднею девушкой.

Повальные беззастенчивые грабежи казачьего имущества большевистскими властями, утеснение казачества, глумление над церковью и ее служителями, общее бесправие и беззаконие, охватившее станицы, принизили, обезволили трудящееся население и вызвали наружу дурные наклонности неустойчивой в нравственном отношении части иногороднего населения, кроме грабежей большевистских начались грабежи взаимные, безделье захватило многих. День ото дня население деморализовалось все более и более. Сознание права заменилось сознанием грубой силы.

Произведенным весьма осторожным, всесторонним и точным исчислением имущественных убытков, причиненных большевиками населению, преимущественно казачьему, Лабинского отдела, установлено, что всего расхищено и уничтожено большевиками имущества в станицах и городе Армавире на сумму 93 442 952 р. 89 к. По заключению особой оценочной Комиссии Лабинского отдела убытки в действительности значительно превышают указанную цифру.

Наиболее пострадавшими поселениями оказались город Армавир - убыток свыше 15000000 руб., станица Барсуковская - 14000000 руб., станица Николаевская - 10 000 000 руб., станица Прочноокопская - 7 000 000 руб., станица Сенгилеевская - 4000000 руб., станица Михайловская - 4000000 руб., станица Владимирская - 2000000 руб., хутор Гулькевичи - 2 000 000 руб., 12 станиц пострадало на сумму свыше 1 000 000 руб., 13 - свыше 500 000 руб., 16 - свыше 100 000 руб., и 7 - свыше 50 000 руб. Убыток остальных семи поселений менее 50 000 руб.

Расхищено хозяйственного инвентаря и продуктов сельского хозяйства на 45 653 055 руб. 83 коп. Предметов домашнего

обихода на 24 903 028 руб. 06 коп., рабочего скота на 8 500 000 руб., предметов военного снаряжения и строевых лошадей на 4 691 181 руб. 97 коп., станичного общественного имущества на 6 897 036 руб. 71 коп., имущества торгово-промышленных предприятий на 2 345 984 руб. 65 коп., разрушено и сожжено построек на 2951751руб. 50 коп., расхищено имущества и денег кредитных Товариществ и Общественных потребительских лавок на 791 704 руб. 83 коп., имущества церковного на 1 872 542 руб. 58 коп., имущества школ на 1 695 641 руб. 37 коп., взыскано с населения контрибуции 3 910 103 руб. 63 коп.

Всех хозяйств, подвергшихся в станицах ограблению оказалось 49 009, в среднем каждое хозяйство пострадало на 1 615 руб. Наиболее крупный убыток, выпавший на каждое хозяйство, выразился по станице Барсуковской более чем в 20 000 руб., по Новокавказской более 10 000 руб., по хутору Верхнее Егорлыкском более 8 000 рублей.

Произведенное большевиками разрушение экономической жизни Лабинского отдела бледнеет перед ужасами массовых казней и отдельных многочисленных убийств казаков в станицах и мирных жителей Армавира, совершенных большевистскими властями в период с февраля по октябрь 1918 года.

Обследование казней произведено только по городу Армавиру и семи станицам отдела.

В городе Армавире первым был убит большевиками командир 18-го Кубанского пластунского батальона. Изрубленный труп убитого лежал шесть дней на улице, собаки рвали его на части; казнь эта совершилась в начале февраля 1918 года. Спустя два месяца были казнены 12 офицеров без суда и следствия толпою солдат, арестованные большевистскою властью за контрреволюционность; 79 офицеров, арестованных вместе с первыми 12, были следственною комиссиею переданы в распоряжение командира советского саперного батальона и пропали без вести, нет сомнения, что они казнены во время похода. В числе двенадцати казнены генерал Коструков, полковник Давыдов, сотник Шевченко и три женщины из женского ударного батальона. В апреле месяце в Армавир прибыли 38 офицеров грузин из Москвы с оружием и несколькими сотнями тысяч рублей. При них было разрешение на проезд с оружием в Грузию, выданное Московскими комиссарами. Несмотря на это армавирскими большевиками все офицеры были расстреляны.

В июле 1918 года Армавир был взят дивизией генерала Покровского, войска были встречены армянским населением хлебом с солью; похороны офицеров, убитых под Армавиром,

армяне приняли на свой счет. Когда генерал Покровский по стратегическим соображениям оставил город, то туда вновь возвратились большевики. Начались массовые казни. Прежде всего изрублено было более 400 армян беженцев из Персии и Турции, ютившихся у полотна железной дороги, изрублены были тут и женщины и дети. Затем казни перенеслись в город. Заколото штыками, изрублено шашками и расстреляно из ружей и пулеметов более 500 мирных армавирских жителей без суда. Убийцы убивали жителей на улицах, в домах, на площадях, выводя смертников партиями. Убивали отцов на глазах дочерей, мужей перед женами, детей перед матерями. Армянин Давыдов был убит у себя в квартире, его жену красноармейцы заставили тут же готовить им обед и подать закуску. Семидесятидвухлетний старик Алавердов был заколот штыками, присутствующую дочь принудили играть убийцам на гармонике. На улице красноармейцы поставили глубокого старика Кусинова к стенке, чтобы его заколоть штыками, проходящий другой старик обратился к палачам с просьбой пощадить жертву; красноармейцы закололи обоих.

Толпа вооруженных красноармейцев окружила дом Персидского Консульского агентства, над которым развевался национальный флаг; толпа потребовала консула, последний, одевшись в форменный мундир, вышел на крыльцо. Едва он появился, как красноармейцы стащили его со ступенек и зарубили шашками. Изрубив консульского агента Ибдала Бека, красные ворвались во двор, где искали приюта и защиты 310 персидских подданных. Всех их расстреляли там же из пулеметов. Из числа армавирских жителей были казнены бывший атаман отдела Ткачев и учительница; их вывели в поле, заставили вырыть себе могилу, и в ней обоих закололи штыками, засыпав полуживых землею. Ужасы армавирских казней довели многих женщин до полного умопомешательства.

В станице Чамлыкской казни казаков начались 5 июня 1918 года, длились несколько дней. 5 числа после неудачного выступления измученного казачества нескольких станиц против большевистских властей, большая часть казаков, принимавших участие в этом выступлении, ушла в горы, и меньшая вернулась в станицу. Следом за отступившими казаками в станицу Чамлыкскую вошел красноармейский отряд, приступивший к розыскам и арестам казаков. Арестованных предавали казни без суда. Первую группу казаков перед закатом солнца большевики вывели на площадь у станичной церкви, выстроили они 38 молодых и старых казаков в две шеренги спина к спине, разомкнули их ряды, и сами выстроились двумя шеренгами по 35

человек против обреченных на казнь; по команде командира отряда комиссара Виктора Кропачева большевики бросились с криками "ура" колоть штыками казаков. Когда уже все жертвы оказались лежащими на земле, казалось, были все без признаков жизни, то палачи пошли за телегами, чтобы отвезти тела за станицу. Пока большевики уходили, двое израненных казаков Карачинцев с 22 ранами и Мосолов с 9 ранами успели отползти от покрытого кровью места казни и подозвали своих казаков, которые унесли спасшихся в станицу. Оба казака выздоровели; Карачинцев давал показание, Мосолов сражается у Царицына с большевиками. Спасся еще от неминуемой смерти казак Мартов, его схватили большевики в поле, и там избили прикладами и искололи штыками; один из красных ударил штыком лежавшего Нартова в лопатку, штык защемило так, что, поднимая ружье, поднял он и тело Нартова, чтобы высвободить штык, красноармеец ногой ударил в спину заколотого. Выжил Нартов, сутки пролежав в поле, и на утро самостоятельно дополз до своих огородов. 12 июня партию казаков в 16 человек привели к кладбищенской ограде, за оградою была вырыта для них могила; выстроили казаков, предварительно раздев их до рубашки и перекололи всех штыками, штыками же как вилами перебрасывали тела в могилу через ограду; были между брошенными и живые казаки, зарыли их землею заживо. Зарывали казненных казаки, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шашками казака Седенко, он застонал и стал просить напиться, ему большевики предложили попить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников. Всего казнено в Чамлыкской 183 казака, из них 71 казак подверглись особым истязаниям: им отрезали нос, уши, рубили ноги, руки. Трупы казненных по несколько дней оставались не зарытыми, свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело.

В хуторе Хлебодаровском неизвестно за что был казнен учитель начальной школы Петров, зарубили его в поле шашками.

В станице Ереминской 5 июня было арестовано 12 казаков; большевики вывели их в поле, дали по ним три залпа и ушли. Среди упавших оказались пять казаков живых, один из них Карташов имел силы переползти в пшеничное поле, вскоре к месту казни пришли большевики с железными лопатами и ими добивали еще живых казаков; свидетелю слышны были стоны добиваемых и треск раздробляемых черепов. На следующий день раненого Карташова нашли свои и отнесли скрытно домой. Большевики как узнали, что Карташев спасся, пришли к нему и хотели доколоть, но затем ограничились тем, что запретили

фельдшеру под страхом смерти перевязывать раны казаку.

В станице Лабинской расстрел казаков начался 7 июня; расстреляли ни в чем не повинных 50 казаков без суда и расследования. Расстреляли молодого офицера Пахомова и сестру его; когда мать пошла в станичное правление разыскать трупы убитых, ей ответили сначала грубостью, а затем застрелили и ее за то, что рыдала по сыну и дочери. В тот же день на глазах жены и дочери был убит бывший станичный атаман Алименьев; ударом шашки красноармеец снес черепную крышу, мозги выпали и разбились на куски по тротуару, вдова бросилась подбирать их, чтобы не дать схватить их собакам; отогнал вдову красный палач, закричал: "Не тронь, пусть собаки сожрут", просивших отдать тело для погребения дочерям казненного большевики ответили: "Собаке, собачья честь, на свалку его, будешь рассуждать так и тебя на штык посадим".

8 июня был убит офицер Пулин. На просьбу отца и матери дать тело похоронить, ответ был тот же, что и Пахомовым. В то же утро был исколот штыками на улице казак Ефремов, умирающего нашли родственники; они взяли его домой. Вечером узнавшие о том большевики ворвались в дом и закололи страдальца штыком в горло.

Руководил арестами и казнями горбатый злобный комиссар Данильян.

В станице Вознесенской первые расстрелы казаков Хахаля и Рамахы имели место еще в феврале месяце, с этого времени казаки жили под постоянною угрозою смерти, на всякую казачью просьбу у командира большевистского отряда был один ответ: "Видишь, вот винтовка, она тебе и Бог, и царь, и милость". На митингах то и дело слышалось: устроить казакам Варфоломеевскую ночь, вырезать их до люльки, то есть до колыбельного возраста. До сентября, однако, больше казней не было. В конце этого месяца, когда большевикам пришлось уходить из станицы, угрозы стали осуществляться; в течение двух дней казнили 40 казаков стариков, молодые успели уйти партизанами в горы. Казнили казаков по одиночке, казнили партиями, кого расстреливали, кого штыками закалывали, кого шашками изрубливали. Местом казни был выгон станичный, там у вырытых могил ставили обречённых на смерть и красноармейцы рубили им головы, сбрасывая тела в могилу. Падали в могилу живые казаки, их засыпали землею вместе с трупами. Казнили в поле у дороги старика священника отца Алексея Тевлева, убил его из пулемета большевик Сахно, а товарищ палач красноармеец по прозвищу Дурнопьян разбил прикладом упавшему пастырю висок. Тело бросили, не зарыли, три дня оно лежало в одной

сорочке на поле у дороги, собаки выгрызли уже бок, когда, по настоянию вознесенских женщин, бросили большевики тело убитого отца Алексея в общую могилу казненных. Казня священника большевики говорили: "Ты нам глаза конским хвостом замазывал, теперь мы прозрели, увидели обман, будешь казнен, не надо нам попов". Отец Алексей молча стоял перед палачами своими и только перекрестился, когда навели пулемет на него. Перед тем, чтобы зарыть тело казненного священника большевик какой-то конный пробовал истоптать его конскими копытами, да конь не шел на труп или же перепрыгивал его.

Убиты еще были в погребе арестованные офицер Числов из револьвера и казак Малинкин ружейными прикладами. Тело офицера вывезли за станицу и бросили в навозную кучу; туда же скоро привезли три туши палых лошадей и бросили рядом с телом офицера. Свиньи и собаки изорвали и лошадей и тело офицера.

В станице Упорной казни казаков длились с 7 июня до конца месяца. Убивали казаков на улицах, в домах по одиночке, выводили партиями на кладбище, казнили там у вырытых могил, убивали в коридоре подвала станичного правления, всаживали казаку по три штыка в бок и, вынося трепещущее тело на площадь, где собравшиеся толпы большевиков и большевичек кричали "ура" и рукоплескали зверству. Всего казнено в Упорной казаков 113.

В станице Каладжинской казни начались с первого дня властвования большевиков, комиссарами здесь были военный бродяга Шуткин, валявшийся до этого больше пьяным по навозным кучам и гражданский босяк Клименко. Они арестовали до 40 казаков более видных и тех, с кем у местных большевиков были личные счеты; 26 человек освободили, а 14 казнили. Их выводили из станичного подвала по одиночке, командовали: "раздевайся", "разувайся", "нагнись", и после двумя, тремя ударами шашки рубили склоненную казацкую голову. Казненных сбрасывали прямо в овраг за станицей. Следующие казни были 7 июня, казнили казаков в числе 31 на краю оврага шашками, в овраг сбрасывали трупы и едва засыпали навозом, так что потом казачьи кости, растащенные собаками находили в разных концах станицы. Тогда же связанного казака Кретова привязали за ноги длинною веревкою к телеге и погнали лошадь вскачь по всей станице. Несясь по улице, сидевший в телеге большевик, кричал: "Сторонись, казак скачет, дай дорогу". Избитого, изуродованного, окровавленного казака Кретова дотащили так до церковной площади и здесь казнили: один из красноармейцев воткнул казненному шашку в рот и, ворочая ей из стороны в сторону,

приговаривал: "Вот тебе казачество".

В станице Засовской 5 июня было большевиками арестовано 130 казаков; 30 казаков были заключены в подвалах станичного правления и 100 в местной школе. Прибывший большевистский отряд из станицы Владимирской стал вывозить арестованных из подвала и изрубливал их шашками; зарублены были тут казачьи офицеры Балыкин и Скрыльников. С остальными заключенными в школе поступили несколько иначе: казаков выводили по одиночке на площадь и спрашивали собравшуюся толпу: "казнить" или "оправдать", что громче раздастся, то и приводилось в исполнение; оправданных была четвертая часть. Казнимых раздевали до сорочки и тогда казака принимались рубить шашками, рубили по всему телу, кровь струилась ручьем. С утра до вечера трупы грудами лежали на площади неубранными, только к ночи были вырыты могилы на кладбище казаками, выгнанными на работу красноармейскими штыками. Тела свозились на телегах к могилам, сбрасывались в могилу с трупами и живые казаки. Некоторые казаки доезжали до кладбища, сидя, они просили дать умереть дома; их прикладами или так же, как остальных, сбрасывали в могилы и зарывали заживо. Особенно долго выбивались из-под засыпавшей их земли казаки Мартынов и Синельников, последний все просил, чтобы перевернули его лицом вверх. Привезенный на телеге казак Емельянов, весь изрубленный, подполз к ведру рывших могилу, выпил воды, обмыл лицо и стал вытираться бешметом; заметил это красный и приколол штыком Емельянова. Всего казнено 104 казака. Во время коротких перерывов казни красные палачи заходили в станичное правление, брали приготовленную для них пищу обагренными кровью руками и ели мясо и хлеб, смоченные стекавшей с их рук невинной, казачьей кровью.

В станице Владимирской большевики приступили к казням 5 июня; всего казнено было за несколько дней 254 казака. Первым был убит на глазах дочери любимый населением священник Александр Подольский; тело казненного выбросили в поле.

Казнили за то, что отец Александр будто служил молебен о даровании казакам победы над большевиками. После убийства священника красноармейцы обыскивали дома, огороды, поля, ловили всюду казаков, казнили их или на месте или, собирая партиями, казнь производили на площади. Выводя казнимых, большевики заставляли их петь "Спаси Господи люди твоя", и после этого приступали к рубке казаков шашками; рубили так, чтобы удары были не смертельными, чтобы измучить подолее казака. Первые дни казни происходили без всякого суда, на четвертый день образовали большевики особый трибунал из

босяков и бездельников; этот трибунал обрекал задержанного на смерть или же даровал жизнь за большой выкуп. Одному казаку Пеневу, юноше 16 лет, большевики содрали кожу с черепа, выкололи глаза и только тогда зарубили страдальца.

Избавилось население Лабинского отдела от большевистской власти в конце сентября, ушли их отряды и увели с собою заложников; взяли они по 40-60 казаков от станицы; почти всем заложникам удалось бежать домой или в Добровольческую армию разновременно.

Беседа с генералом Врангелем

На днях я имел случай беседовать с генералом Врангелем о политике главного командования.

Генерал Врангель при этом высказал свои взгляды по общим вопросам политики, выдвинутым ходом событий.

За что мы боремся?

- На этот вопрос, заявил генерал Врангель, может быть только один ответ: мы боремся за свободу. По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, социалистом, даже марксистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее, якобы господствующий, класс пролетариата, придавленный к земле, как и все остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, трактующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не видел в самые мрачные времена своей истории. В Европе долгое время не понимали, но теперь, по-видимому, уже начинают понимать то, что мы так ясно сознаем: все мировое значение нашей домашней распри. Если наши жертвы пропадут даром, то европейскому обществу, европейской демократии придется самим встать на вооруженную защиту своих культурных и политических завоеваний против окрыленного успехом врага цивилизации.

Хозяин

- Слову "хозяин" посчастливилось. Оно стало ходячим словом. Россия сейчас не имеет "хозяина". Им я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать в самой решительной форме. Но я никак не могу признать "хозяином" русской земли неведомо кем уполномоченный московский совнарком, бурьян, выросший из анархии, в которую погружена

Россия. "Хозяин" это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он пожелает иметь монарха, Россия будет монархией. Если он признает для себя полезной республику, будет республика.

Но дайте народу возможность выразить свои желания без чрезвычаек и без наведенных на него пулеметов. Большевики разогнали Учредительное собрание, рассадили по тюрьмам, убили некоторых его членов. Большевики боятся всякого правильного законного представительства, в котором может вылиться воля народа. А мы стремимся установить минимальный порядок, при котором народ мог бы, если пожелает, свободно собраться и свободно выразить свою волю. Мои личные вкусы не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отрешился в своей официальной деятельности от личных влечений к тому или другому порядку. Я беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли.

Еврейский вопрос

Я поинтересовался узнать мнение генерала Врангеля о еврейском вопросе.

- В народных массах действительно намечается обострение ненависти к евреям. Чувство это разливается все сильнее в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громить остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетий, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления, но исключительно при наличности крепкой, опирающейся на закон и реальную силу государственной власти. В стране, где анархия и произвол, где неприкосновенность личности и собственности ставится ни во что, открыт простор для насильственных выступлений одной части населения против другой. Наблюдаемое в последнее время обострение вражды народа к еврейству быть может один из показателей того, насколько народ далек от коммунизма, с которым он склонен ошибочно отождествлять все

еврейство. С оживлением деятельности большевистской власти в известной местности там растут и противоеврейские течения.

- Я всей душой жажду прекращения гражданской войны. Каждая капля пролитой русской крови отзывается болью в моем сердце. Но борьба неизбежна, пока сознание не прояснилось, пока люди не поймут, что они борются против себя, против своих прав на самоопределение, что они совершают над собой бессмысленный акт политического самоубийства. Пока в России не установится настоящая государственная власть, любого построения, но такая, которая будет основана на освященных вековыми исканиями человеческой мысли началах законности, обеспеченности личных и имущественных прав, на началах уважения к международным обязательствам, в Европе никогда не наступит ни мира, ни улучшения экономических условий. Невозможно будет заключить ни одного мало-мальски прочного международного соглашения и ни о чем как следует договориться. История когда-нибудь оценит самоотречение и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли боролись за устои счастья человечества, за отдаленные очаги европейской культуры. Дело русской армии в Крыму - великое освободительное движение. Это священная война за свободу и право.

Я простился с генералом Врангелем, пожелав ему счастья в его большом деле.

Н. Чебышев

Из № 54 газеты "Великая Россия"

Крестьяне!

Много раз вам обещали землю, но никто до сих пор ее вам не дал. Не дали вам и большевики-коммунисты. Они хотя и кричат, что отдают всю землю народу, но на самом деле, не признавая права частной собственности, предоставляют вам лишь временное пользование и стремятся всю землю, не исключая и надельной, обратить в коммуны и совхозы. И если они до сих пор не отняли еще от вас вашу кормилицу и не сделали из вас бессловесных рабов, коммуны либо комиссарских батраков, то только потому, что не набрались пока на то силы. А как они управились с вами, если бы, не дай Бог, были бы посильнее, - вы можете судить по тем бесцеремонным поборам, что не раз устанавливали они в деревнях, по тем пыткам, которыми они подвергали в чрезвычайках непокорных их воле ваших же братьев - землепашцев. Немало горя и досады причинили вам и деревенские, устроенные большевиками, распорядки: комбеды и земотделы, которые на руку только карманникам - комиссарам да

деревенским хулиганам бездельникам, а честному работящему хозяину от них беда немалая.

Но настанет всему этому конец.

Как некогда Царь Александр II освободил наших дедов от крепостной зависимости и наделил их землею, так и ныне, признанный Правительствующим Сенатом, Правитель и Главнокомандующий Русской Армией Генерал Врангель, издал на счастье вам и на погибель большевикам-коммунистам навеки нерушимый Земельный Закон.

Отныне земля, на которой вы трудитесь и хозяйничаете, будь она раньше помещичья, казенная или банковская, пахота, сенокос и пастбища, станет вашей законной собственностью, так как передается вам распоряжением законного правительства и будет закреплена за вами нотариальным порядком, и каждый из вас получит на землю крепостной документ.

РАЗБИРАТЬ ПРАВА КАЖДОГО ХОЗЯИНА НА УКРЕПЛЕНИЕ ЗА НИМ ЗЕМЛИ (кому, сколько и где) БУДУТ ВАШИ ЖЕ, ИЗБРАННЫЕ ВАМИ, ВОЛОСТНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ, а рассматривать ваши жалобы и следить за правильностью дела будут Уездные Земельные Советы; большинство членов которых состоит также из ваших избранников.

Но пока все это изберут и установят ваши Земельные Советы, спокойно СИДИТЕ КАЖДЫЙ НА ТОЙ ЗЕМЛЕ, КОТОРОЙ ВЫ ВЛАДЕЕТЕ СЕЙЧАС, ЧЬЯ БЫ ОНА РАНЬШЕ НИ БЫЛА. Закон не только не сгоняет вас с земли, но охраняет всякое владение ею. Разберетесь сами, разберутся ваши Земельные Волостные Советы, установят права каждого хозяина на землю, кому убавят, а кому прибавят и ВЫДАДУТ ВАМ ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ НА ЗЕМЛЮ ДОКУМЕНТЫ.

Надо только аккуратно вносить казне за землю выкуп. А ВЫКУП НЕБОЛЬШОЙ И ДЛЯ ВАС УДОБНЫЙ. В год по одной пятой части урожая хлеба, и через 25 лет конец выкупу. И кто захочет, может выкупить землю и раньше. Кто богат на деньги, может вместо хлеба заплатить за землю деньгами теперь же по стоимости хлеба разом за всю землю или по частям.

Обрабатывайте же землю, засевайте ее и собирайте урожай, который обеспечит ваше благосостояние и поможет вам скорее внести Правительству причитающийся за землю выкуп. Тогда вам выдадут крепостные документы, которые окончательно закрепят ваше нерушимое на нее право собственности.

На собранный вами урожай никто посягать не будет, и никто его не отберет от вас силой. Всякие реквизиции Главнокомандующим строго воспрещены.

Но если земля у нерадивого хозяина будет лежать втуне,

значит она ему и не нужна, и такую необработанную и незасеянную землю Волостной Совет передаст другому, кто лучше с нею управится.

Значит, все зависит от вас самих.

Не смущайтесь также и тем, что в некоторых местностях остались еще имения во владении помещиков или казны; все равно удобная земля из этих имений при посредстве Волостных и Земельных Советов и в том же самом порядке будет передана крестьянам и закреплена за ними.

Только усадьбы с огородами и садами, да небольшое при них количество земли, которое по вашим предположениям установит Высшее Правительство, будет оставлено бывшим владельцам имений.

За лесами будет глядеть Правительство.

Таков Земельный Закон, изданный Правителем и Главнокомандующим Русской Армии. Прочитайте его сами и хорошенько о нем поразмыслите.

Закон дает вам землю в нерушимую вечную собственность, закон даст вам и порядок в деревне, и каждый честный крестьянин отныне будет спокойно трудиться на своей, по закону полученной, земле, собирая урожай, на который никто чужой никогда не посягнет.

И вы, крестьяне тех местностей, которые пока еще не освобождены войсками славной вновь созданной Русской Армии, если вы действительно хотите иметь землю, волю и порядок, обратите взоры ваши на Юг, откуда движется на помощь вам славная Русская Армия.

Гоните вон из деревни коммунистов, комиссаров и прочую нечисть.

Подымайтесь и выходите навстречу русскому Главнокомандующему, законному его Правительству и Правительствующему Сенату.

16 июля 1920 г.